C57
Om7J
V. 21

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ОМСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

THE LIBRARY OF THE
DEC - 9 1966
UNIVERSITY OF ILLINOIS

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 21

ТРУДЫ КАФЕДРЫ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОМСК—1963

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ОМСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 21

ТРУДЫ КАФЕДРЫ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОМСК—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Доцент Е. И. БЕЛЕНЬКИЙ (ответ. редактор), кандидат филологических наук А. Г. КАНДЕЕВА, кандидат филологических наук Т. Г. ЛЕОНОВА, И. В. СТОЛЯРОВА.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СИБИРЬ

Осенью 1847 года Л. Н. Толстой решил уехать в Сибирь Поводом к этому послужило два обстоятельства: состояние глубокого внутреннего кризиса, в котором находился молодой Толстой, и приезд в Ясную Поляну жениха его сестры, В. П. Толстой, собиравшегося в Сибирь по делам.

В дополнении к рукописи «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, Толстой так уточняет рассказ биографа об этом случае своей жизни: «Когда он (будущий зять Льва Николаевича — А. К.) уезжал, Л[ев] Н[иколаевич] вскочил к нему в тарантас без шапки, в блузе и не уехал в Сибирь, кажется, только оттого, что у него не было на голове шапки»[1].

Поездка не состоялась. Однако, начиная с 60-х годов, Сибирь входит в сознание художника.

Интерес к далекому сибирскому краю у великого русского писателя был несомненным. Он нашел известное отражение в его творчестве («Декабристы», «Ермак», «Воскресение» и др.); в непосредственном общении с людьми, так или иначе связанными с Сибирью; в переписке, которую вел писатель со своими сибирскими корреспондентами; в чтении научной, исторической и художественной литературы о Сибири.

В 1860 году Толстой познакомился с декабристом С. Г. Волконским, возвратившимся из 30-летней сибирской ссылки, и под влиянием встречи с ним задумал роман «Декабристы».

С этого времени Сибирь вошла в сознание Толстого как

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Юбилейное издание, т. 34, стр. 399. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: первая цифра означает том, вторая и след. — страницы).

суровый край каторги и ссылки, связанный с историей освободительного движения в России, с судьбами лучших представителей русского общества, вступивших в еще неравную борьбу с самодержавием.

В 80-е годы Сибирь вновь привлекает внимание Толстого в связи с правительственными репрессиями, начавшимися после разгрома народнического движения, жертвами которых стали многие его участники, сосланные в Сибирь.

В 1884 году Толстой узнал от А. В. Дмоховской о трагической судьбе ее сына, революционера Л. А. Дмоховского, умершего по дороге на Кару, а также о ссылке в Сибирь зятя А. В. Дмоховской — народовольца А. А. Тихоцкого.

Непосредственное участие в судьбе сосланных на Кару революционеров Н. А. Армфельд, А. А. Тихоцкого, а также С. Н. Богомолец и ее мужа[2] вызвало в Толстом чувство уважения к их нравственным качествам.

В 80-е же годы Л. Н. Толстой знакомится с русскими писателями, отбывшими политическую ссылку в Сибири. В феврале 1886 года, в своем московском доме в Хамовниках, он встретился с В. Г. Короленко, незадолго до этого возвратившимся из Якутии после четырехлетней ссылки за участие в освободительном движении 70-х годов и отказ от присяги Александру III. Об этой встрече Короленко вспоминал так: «Счастливый вы человек, Владимир Галактионович, — говорил Толстой на ходу и, заметя мой удивленный и вопросительный взгляд, пояснил: — Вот Вы были в Сибири, в тюрьмах, в ссылке. Сколько я ни прошу у бога пострадать за свои убеждения, — нет, не дает этого счастья»[3].

В начале 1889 года Толстой познакомился с писателем Г. А. Мачтетом, до 1885 года находившимся в сибирской ссылке за участие в народническом движении.

Естественно предположить, что во время этих встреч велись разговоры и о Сибири, которые для Толстого могли быть новым источником познания сибирской стороны.

Непосредственное общение с людьми, связанными с разными этапами освободительного движения в России, не прошло для Толстого-художника бесследно.

---

[2] Родители выдающегося русского ученого-физиолога А. А. Богомольца, Президента Украинской Академии наук, родившегося на Каре.

[3] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, Гослитиздат, М., 1955, т. 1, стр. 265—266.

Именно в сфере этого общения возникает стойкий интерес писателя к декабристской теме, которая в разные годы, в разных ее вариантах связывалась то с темой переселения крестьян в Сибирь, то с темой контрастного изображения жизни человека, выросшего в Сибири, и высших правящих кругов общества.

Интерес Толстого к участникам народнического движения сыграл свою роль в творческой истории романа «Воскресение», особенно третьей его части, где поставлена тема политической ссылки и созданы образы революционеров.

В последующие годы круг личных знакомств и связей Толстого с людьми из Сибири расширяется. Из бесед со своими новыми сибирскими знакомыми Лев Николаевич узнавал много интересного об экономике края, условиях жизни сибирского населения.

Осенью 1903 года к Толстому в Ясную Поляну приехал редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов, с 1885 по 1889 год находившийся в ссылке в Западной Сибири за причастность к делу Г. Лопатина и П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Толстой много расспрашивал Попова о Сибири, ее экономике, жизни сибирского населения в условиях начавшегося развития капитализма: «Отметивши, что за последнее время Сибирь обеднела, Л. Н. Толстой сказал: — Так это и должно быть; при современных условиях железные дороги способствуют вывозу необходимых продуктов и взамен этого почти ничего не дают населению.

После этого беседа зашла о положении в Сибири бурят и инородцев. Л. Н. выразил уверенность, что одна нация может воздействовать на другую только этическими средствами, и резко отрицательно отозвался о принудительном обрусении»[4], — вспоминал об этой встрече Попов.

Интерес к Сибири сохранился у Толстого до конца жизни. В Ясную Поляну часто приезжали люди из разных мест огромного сибирского края, и Лев Николаевич всегда с большим вниманием слушал их рассказы. В апреле 1910 года Толстого навестил один из его последователей — В. В. Плюснин, сибиряк, сын богатого купца, под влиянием учения Толстого добровольно отказавшийся от наследства отца. Как вспоминает В. Ф. Булгаков, Плюснин много рассказывал о быте и нравах китайцев, которых ему приходилось наблюдать

[4] Л. Н. Толстой. Летописи Гослитмузея, кн. 2, М., 1938, стр. 255.

в Благовещенске, и «Лев Николаевич живо всем интересовался»[5].

В это же время Толстой встречался с хабаровским педагогом и общественным деятелем И. Н. Збайковым. Последний, по-видимому, много рассказывал Толстому о Сибири, о порядках в этом крае, его нравах. Делясь впечатлениями, вынесенными из разговора с посетившим его сибиряком, Толстой сказал В. Ф. Булгакову: «Удивительно, люди живут так далеко, что к ним нужно ехать шестнадцать дней, и — точно такие же, как и здесь, точно такие же глупости делают: такие же у них генерал-губернаторы, такие же городовые, такая же проституция, такое же пьянство, такие же оборвыши, как он говорил»[6].

О Сибири Толстой расспрашивал и своего секретаря В. Ф. Булгакова, уроженца Сибири, детские и юношеские годы которого прошли в Томске.

9 апреля 1910 года В. Ф. Булгаков записал в своем дневнике: «За обедом расспрашивал меня о Сибири, о том, «настоящий ли» в Томске университет (выяснилось, что не настоящий, так как в нем не хватает двух факультетов), какие в Сибири главные города, какой климат и т. д.»[7].

Таким образом, интерес Л. Н. Толстого к Сибири был длительным и разносторонним. Писателя интересовали неповторимые местные особенности края, его природа, климат, города, культура, жизнь коренного населения.

Но не это в отношении Толстого к Сибири было главным. Сибирь воспринималась художником в широком плане политической, общественной жизни всей современной ему России. Декабристское и народническое движение, переселение крестьян из Европейской России на сибиркую землю, развитие буржуазных отношений в Сибири, ее колонизация, положение инородцев, социальные условия существования собственно-сибирского населения представляли исторически и общественно важные моменты в жизни всей страны, находящие своеобразное отражение на сибирской почве.

Сибирская тема занимает скромное место в огромном наследии великого писателя.

Однако на протяжении многих лет в своих неосущест-

---

[5] В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. ГИХЛ, 1960, стр., 201.

[6] Там же, стр. 198—199.

[7] Там же, стр. 157.

вленных творческих замыслах, а также в романе «Воскресение» Толстой обращался к изображению Сибири.

Постановка и решение сибирской темы определяется главными особенностями творчества Л. Н. Толстого в целом: неповторимой эпической широтой, масштабностью, историчностью.

* * *

Первый и глубокий творческий интерес к Сибири связан у Толстого с работой над романом «Декабристы», замысел которого волновал писателя с 1860 до 1905 годов.

На протяжении многих лет Толстой изучал исторические и архивные материалы о восстании декабристов и сибирском периоде жизни сосланных участников движения.

Толстого заинтересовало в биографии С. Г. Волконского то, что «в Сибири, уже после каторги, когда у жены его было нечто вроде салона, он работал с мужиками, и в его комнате валялись всякие принадлежности крестьянской работы»[8].

В 1878 году Толстой знакомится с декабристами М. И. Муравьевым-Апостолом, П. Н. Свистуновым, А. П. Беляевым, отбывшими сибирскую ссылку, и слушает их «прелестные рассказы» (83; 245).

Судя по воспоминаниям близких писателя, это были рассказы о сибирской жизни сосланных декабристов. От П. Н. Свистунова Толстой узнал о стойком и «непреклонном характере декабриста Лунина», который в суровых условиях сибирского изгнания сохранил редкое самообладание и бодрость духа[9]; о том, что звуковая азбука, существующая в местах заключения, впервые создана декабристами в Сибири[10].

Толстой был также знаком со многими рукописями и воспоминаниями декабристов, относящимися к сибирскому периоду их жизни: с «Записками» М. А. Бестужева, Якушкина, Д. Завалишина; «Воспоминаниями» А. П. Беляева, Е. П. Оболенского; рукописями В. И. Штейнгеля, Г. С. Батенькова и др. От Свистунова Толстой получил письма декабриста М. А. Фонвизина и «Замечания» Н. Д. Фонвизиной, последовавшей

---

[8] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. 1, М., 1922, стр. 126.

[9] С. Л. Толстой. Очерки былого. В кн. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, М., 1955, т. 1, стр. 180.

[10] С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. В кн. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. т. I, М., 1955, стр. 206.

за мужем в Сибирь. Личность Н. Д. Фонвизиной настолько заинтересовала Толстого, что он хотел сделать ее героиней романа.

Толстой читал переписку М. И. Семевского с М. А. Бестужевым, которая велась с 1859 по 1861 год, когда М. А. Бестужев находился в Селенгинске, П. Н. Свистунова спрашивал, нет ли у него «религиозного сочинения или записки Бобрищева-Пушкина, написанных в Чите» (62; 395).

Замысел романа «Декабристы» не был осуществлен Толстым, не были использованы и те сведения о Сибири, которые собрал писатель в процессе работы над произведением. В написанных главах романа «Декабристы» нет картин сибирской жизни сосланных участников восстания. Имеются только беглые упоминания о Сибири.

Но сибирский материал, связанный с декабристами, давал Толстому возможность глубже осмыслить историческую судьбу движения в целом.

Жизнь декабристов в Сибири, их мужество, нравственная и идейная стойкость вызывали в Толстом чувство глубокого уважения к участникам движения, их героической судьбе.

Стремление выявить исторические корни декабристского восстания, как известно, привело Толстого к эпохе 1812 года и созданию народной героической эпопеи «Война и мир».

Один из вариантов «Войны и мира» отражает связь этого романа с «Декабристами» и непосредственную преемственность образа Пьера Безухова и главного героя «Декабристов» (13; 184). Образ Пьера — будущего декабриста, возможная ссылка героя в Сибирь, судьба Наташи, которая могла последовать за своим мужем в сибирское изгнание — все это в «Войне и мире» идет от романа «Декабристы» и определяет идейную и сюжетную связь двух произведений.

К историческим вопросам, вытекавшим из декабрьского восстания, в творческом сознании Толстого присоединились вопросы смежного социального плана. Его заинтересовала идея русского крестьянского движения на Восток, «земледельческая сила русского мужика».

Эта мысль с особой силой была пробуждена в Толстом его личными наблюдениями над переселенческим движением русского крестьянства во время его поездок в Самарское имение.

С. А. Толстая вспоминает, что встречи с переселенцами летом 1876 года в Самарской губернии, рассказы о тамбовских

крестьянах, переселившихся в Манчжурию, крестьян Воронежской губернии, которые «шли на Амур», вызвали у Толстого желание написать новое произведение, в котором любимой мыслью автора была бы «мысль русского народа в смысле силы завладевающей. И эта сила у Льва Николаевича представляется в виде постоянного переселения русских на новые места на юге Сибири, на новых землях к юго-востоку России, на реке Белой, в Ташкенте и т. д.»... Новые земли должны быть завоеваны «не войною, не кровопролитием, а этой русской земледельческой силой русского мужика»[11].

Переселение крестьян из Европейской России в Сибирь, начиная с 70-х годов 19 века, приняло широкий размах.

Самодержавное правительство и помещики пытались избежать острых классовых столкновений, переселяя разоренных, обезземеленных крестьян в Сибирь. Никакой помощи переселенцам при этом не оказывалось. Сотни и тысячи людей гибли в пути, не находя пристанища, а часто и земли, на новых местах.

Трагическое положение крестьян — переселенцев в Сибири показал Гл. Успенский в «Письмах к переселенцам» (1888); позже, на протяжении нескольких десятилетий эта тема привлекала внимание М. Горького[12].

Л. Н. Толстой рассматривал переселенческое движение в исторической общенациональной перспективе.

Народ как сила созидающая, творческая, преобразующая должен был стать героем романа о переселенцах. «Глубокая вера в земледельческую силу русского мужика», как «силы завладевающей», должна была определить пафос произведения.

Постановка проблемы народа в широком историческом плане сближает замысел романа о переселенцах с эпопеей «Война и мир».

Из воспоминаний С. А. Толстой видно также, как расширялся замысел произведения о переселенцах в Сибирь, как входили в роман новые общественные сферы, и он приобретал острое социальное содержание. Главным конфликтом задуманного произведения становился классовый конфликт между верхами и низами общества.

---

[11] Дневники С. А. Толстой, ч. 1, М., 1928, стр. 37.

[12] См. Е. И. Беленький. Горький и Сибирь. Омское обл. кн. изд., 1956, стр. 34—38.

В начале 1878 года Лев Николаевич говорил жене: «И это будет у меня происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или в Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14 декабря попадает к этим переселенцам — и «простая жизнь в столкновении с высшей»[13].

Поражает широта замыслов Толстого, в которые включена и сибирская тема: политические, общественные, исторические, моральные проблемы; критика «верхов», противопоставленных трудовой жизни народа.

В творческих планах Толстого 90-х годов выражена мысль о том, что на сибирской земле вырастают физически и духовно здоровые люди. В дневнике писателя за 1895 год встречается такая запись: «Шел, и вдруг меня с чрезвычайной яркостью поразила мысль: воспитанного в Сибири привести в городские соблазны» (53; 245).

Первым законченным произведением Толстого о Сибири был рассказ «Ермак». В дневнике Толстого от 16 апреля 1852 года встречается такая запись: «Читал... Ермака и предание о Петре Великом» (46; 110).

Но к образу Ермака Толстой возвратился позже, в пору горячего увлечения школой для крестьянских детей и глубокого интереса к народному творчеству. В приложении к журналу Толстого «Ясная Поляна» за 1862 год (кн. 9) появился рассказ из 5 глав, без подписи под названием «Ермак». Рассказ этот принадлежал неизвестному автору и был только отредактирован Толстым. Стилистические правки, внесенные Толстым в рассказ, незначительны: слово «рать» Толстой в двух случаях заменяет «войском»; вместо «сражаться» ставит «биться»; «не имели» заменяет «не было», включает слово «купцы»[14].

В этой же книжке журнала «Ясная Поляна» Толстой поместил подлинные исторические песни о походе Ермака:

1. «Как на славных на степях было саратовских».
2. «Как на Волге, да на Камышенке».

Таким образом, Толстой счел необходимым познакомить своих юных читателей с историей Сибири и с образом Ермака.

---

[13] Дневники С. А. Толстой. М., 1928, ч. 1, стр. 41.

[14] Рукопись хранится в Архиве Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

Тема Ермака — традиционная тема русской литературы 19 века. Образ отважного покорителя Сибири волновал творческое воображение многих писателей: Радищев, Рылеев, Пушкин, Ершов, Мамин-Сибиряк и др. в художественном осмыслении исторической роли Ермака опирались на традиции народного творчества, запечатлевшего образ покорителя Сибири как образ национальный и героический.

Интерес к истории покорения Сибири Ермаком сохранился у Толстого на многие годы. В 1872 году Толстой, работая над «Азбукой», набрасывает 2 плана своего рассказа о Ермаке. Первый: «Ермак — начать со Строг (оновых), уговаривает и посылает. Кольцо в Москве... Грабят. Л(етопись) С(трогонова)». Второй: «Старички. Пожалование земель Строгоновым. Пришел к ним Аленин с семьей. Удалой Василий. Слухи. Пришел Ермак Тимофеевич. Свидание с матерью. Побивают черемис. Строгоновы спровоживают в Сибирь. Песни. Ермак мастер» (21; 644).

Судя по этим планам, Толстой предполагал построить свое произведение на тех же материалах, которые легли в основу печатного рассказа в книжке «Ясная Поляна».

Сохранились также другие наброски планов, связанные с образом Ермака: № 3. Несчастный в Сибири; № 33 (Ермак); № 90. Возвращение старика из Сибири; № 2. Суворов. Ермак; № 17. Из Сибири старики. Иркутская губерния» (21; 430—431).

Эти творческие замыслы не были осуществлены Толстым, как не была доведена до конца начатая им переделка печатного рассказа, работа над которым прервалась на 1 главе (21; 456).

В конечном итоге Толстым был написан небольшой рассказ «Ермак», получивший подзаголовок «История» и вошедший во вторую «Русскую книгу для чтения».

Толстой сохраняет в рассказе все основные моменты покорения Сибири Ермаком — повествует о его отношениях со Строгоновыми, с Иваном Грозным, описывает главные сражения Ермака с войсками Кучума, называет подлинные имена сподвижников Ермака — Ивана Кольцо, атамана Мещеряка.

Художник создает образ Ермака таким, каким он остался в народной памяти.

Ермак — прославленный и храбрый атаман. Его отвага, сила, незаурядный ум известны всем: «У того человека 1000

народа, и его не только народ и купцы боятся, а царское войско к нему приступить не смеет» (21; 191).

Ермак — опытный предводитель дружины. Он составляет план похода, умеет вдохновить своих сподвижников в трудные и решительные минуты боя.

Ермак наделен могучей силой и бесстрашием перед врагами.

Послу Кучума Таузику он говорит, что русские уничтожают татар ружьями, которые «насквозь дерево пробивают»: «И Ермак выпалил в дерево, и дерево раскололось, и со всех сторон стали палить казаки. Таузик от страха на колени упал» (21; 193).

Отважная дружина Ермака одерживает полную победу над татарским войском и покоряет столицу сибирского царства: «И по Иртышу и по Оби рекам завоевал Ермак столько земли, что в два месяца не обойдешь» (21; 195).

Сибирь рисуется Толстым как необъятная и прекрасная земля. Ермак пишет Строгоновым, что «добра в здешней земле и конца нет. И послал в подарок дорогих мехов: лисиц, куниц и соболей» (21; 195).

Ермак нарисован в неразрывной связи с его дружиной. Казаки — отважные воины, деятельные люди. Под водительством Ермака они завоевывают сибирское царство. На народе держится могущество государства. Народ его главная опора. Так в небольшом рассказе о покорении Сибири выразилась историческая концепция Л. Н. Толстого.

В рассказе «Ермак» Толстой писал о прошлом Сибири.

Современная же писателю Сибирь была «гиблой» стороной ссылки и каторги, «складочным местом российской драмы», по выражению В. Г. Короленко.

Представление о ней складывалось у Толстого из двух основных источников: личного и письменного общения с людьми, так или иначе связанными с Сибирью, и чтения исторической, художественной литературы о Сибири.

В 70—80-е годы у Толстого накопилось довольно много впечатлений, связанных с Сибирью, которые предшествовали началу работы над «Воскресением» и вошли в сложную психологическую и творческую атмосферу создания выдающегося романа.

По воспоминаниям С. А. Толстой, в 70-е годы на Киевском шоссе Лев Николаевич встречал людей, идущих со всех

концов России и Сибири на богомолье в Киев[15]. Он часто беседовал со странниками. Дневниковые записи писателя свидетельствуют и о его встречах с сибиряками, о внимании к сибирской народной речи, например: «Ягодненский старичок из Сибири, многословие. «В резонт не принимает, приговор отписали» 10 человек странников... Два из Сибири. Один писарем был, тяпнул. Идет откапывать деньги. Другой у купца 16 лет выжил по 100 рублей в год» (49, 33, 46).

Здесь же имеются записи о встречах с людьми, судьба которых трагически связывалась с Сибирью: «Мать Лапотковского, что в Сибирь ссылают. Плачет. Малый хорош. То жалко. Если сошлют, куда же нам идти» (49, 42).

В начале 80-х годов Сибирь приковывает к себе внимание Толстого в связи с теми правительственными репрессиями, которые начались после разгрома народнического движения и жертвами которых стали многие его участники, сосланные в Сибирь.

Толстой был глубоко взволнован трагической участью политических заключенных на Каре — месте самого тяжелого каторжного режима. В 1884 году он знакомится с А. В. Дмоховской, сын которой — Лев Арнольдович Дмоховский, участник кружка долгушинцев, за распространение революционной прокламации был приговорен к 10 годам каторжных работ. В 1880 году, по дороге на Кару, он заболел и умер в иркутской тюремной больнице. А. В. Дмоховская рассказала Толстому о судьбе сына и передала его рукописные материалы.

От А. В. Дмоховской Толстой узнал также о судьбе ее зятя А. А. Тихоцкого, сосланного в Сибирь в 1884 году по делу народовольцев, и через нее же познакомился с А. И. Успенской, вдовой нечаевца П. Г. Успенского, приговоренного к 15 годам каторги на Каре и там трагически погибшего.

В судьбе многих политических заключенных Толстой принял горячее участие и старался сделать все возможное для облегчения их положения. Через гр. А. А. Толстую он ходатайствует о помиловании А. А. Тихоцкого. В апреле 1884 года принимает участие в деле Н. А. Армфельд, отбывавшей каторгу на Каре. Толстой несколько раз виделся с матерью Н. А. Армфельд, ознакомившей его с процессом дочери и с ее

[15] Дневники С. А. Толстой. М., 1928, ч. 1, стр. 42—43.

письмами из Сибири[16]. Лев Николаевич обращается к гр. Толстой с просьбой похлопотать об облегчении участи Н. А. Армфельд и о возможности переезда к ней матери.

В этом же году Лев Николаевич слушает у Олсуфьевых рассказ о народовольце Поливанове, о котором в дневнике записано так: «Рассказ о Поливанове, сидящем в дыре и получающем хлеб сверху. Христиане! Платят в Сибири 50 рублей за живого и 25 рублей за мертвого беглого. Христиане!» (49; 90).

В 1886 году, как уже было сказано, Лев Николаевич встретился с В. Г. Короленко. Естественно предположить, что между ними разговор шел и о Сибири, о политической якутской ссылке.

Представление Толстого о политической ссылке в Сибири значительно расширилось по рассказам американского путешественника и писателя Джорджа Кеннана, посетившего Толстого в Ясной Поляне в июне 1886 года.

Кеннан встретился с Толстым после своего большого путешествия по Сибири, предпринятого с целью изучения положения политических ссыльных и условий сибирской каторги.

Рассказы Кеннана, как и его позже написанная и прочитанная Толстым книга «Сибирь», произвели на писателя огромное впечатление.

«Очень, очень благодарен вам, как все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов», — писал он Кеннану (85; 427).

Толстой знал простых людей, ставших жертвами царствования Александра III. По-видимому, взволнованный судьбой одного из приговоренных к ссылке в Сибирь, Толстой пишет в записной книжке: «Дмитрий Ефимов ссылается в Сибирь по приговору. Есть приговор, что принимается. О женщине — сыне» «Дмитрий Ефимов в Сибирь. Приговоры отменены. Солдат бывший просит пособие. Его убили» (52; 180—181).

Все эти, на первый взгляд, разрозненные факты, записи, отдаленные друг от друга даже несколькими годами, откладывались в памяти художника и не были забыты им. В сложнейшем переплетении они создавали образ каторжной Сиби-

[16] Н. К. Гудзий. История писания и печатания «Воскресения». В кн: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 366—367. В. Жданов. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 376—427.

ри, неразрывно связанный с народной судьбой, народными страданиями, порожденными социально-политическим строем России.

Суд, тюрьма, остроги, ссылка в Сибирь и каторга были формами утверждения господства правящих кругов общества. Они были страшным свидетельством антинародности самодержавного строя.

Толстой делает в дневнике знаменательную запись: «Мне стыдно было бы быть царем в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылать в Сибирь тысячи...» (50, 5).

В 1898 году Толстой возобновил работу над «Воскресением». Поводом для этого послужило решение писателя напечатать роман в пользу духоборов, членов религиозной секты, высланных правительством в Якутскую губернию.

Преследование духоборов возмутило передовую общественность не только России, но и других стран.

Идейной позиции Толстого 90-х годов был близок протест духоборов против царской власти, официальной религии, суда и законов. Писатель принял энергичное участие в их судьбе.

В связи с этим возникает переписка Л. Н. Толстого с известным русским революционером Н. Е. Федосеевым, сосланным в г. Верхоленск Иркутской губернии, якутским врачом П. Н. Сокольниковым, сопровождавшим жен и детей духоборов в Якутию, а также с А. В. Власовым.

В своих письмах к Толстому они рассказывали о страшных физических испытаниях, которым подвергались духоборы на сибирских этапах, об условиях их существования в Сибири, о следовании в Якутию их семей.

Все жизненные впечатления Л. Н. Толстого предопределили изображение Сибири в неразрывной связи с общерусской действительностью, с решением множества общественно-политических проблем первостепенного значения.

Трагическая тема Сибири начинает звучать с первых страниц и связывается с судьбой Катюши Масловой, приговоренной к четырем годам каторжных работ. Ее судьба как бы олицетворяет судьбу многих людей из народа.

Писатель вспомнил о встреченных им на киевском шоссе сибиряках, о ссылаемых в Сибирь крестьянах. Рассказывая историю преступления и наказания Масловой, Толстой упоминает и о многих других простых людях, приговоренных к ссылке в Сибирь.

За ложное обвинение в поджоге ссылается в Сибирь крестьянин Меньшов; несколько человек сектантов — за чтение Евангелия; крестьянин за то, что «в господском лесу две березки срезал»; за попытку отравить мужа — Федосья Бирюкова. К каторге приговаривают бродягу Щеглова.

Толстой вспомнил также о политических ссыльных на Каре. Л. Дмоховский и Н. А. Армфельд послужили прототипами образов революционеров Крыльцова и Марии Павловны. Они изображаются также в первой части романа.

Действие третьей части романа происходит в Сибири. Здесь изображается этапная, тюремная Сибирь, история нравственного возрождения главных героев в условиях сибирской действительности. Лев Николаевич никогда не был в Сибири, не видел ее природы, не наблюдал жизни и нравов ее населения.

Естественно, что создание собственно сибирских картин жизни представляло для него как для художника известные трудности.

Картин, рисующих пейзажи и нравы сибирского населения, в третьей части «Воскресения» немного. Однако Толстой кратко и выразительно описал Иркутск, подгородное иркутское село, сибирский базар, переправу через Ангару на пароме, колоритный разговор сибирских женщин-торговок.

В. А. Ждановым отмечена исключительная точность автора «Воскресения» даже в деталях описания сибирской действительности[17]. Эта достоверность достигалась большой и кропотливой работой Толстого над книжными источниками, которые помогали ему зримо представить Сибирь.

Сведения из прочитанных книг он использовал как художник.

Так, в период работы над III частью «Воскресения» Толстой читал книгу В. А. Долгорукова «Путеводитель по всей Сибири». В ней имеется фото общего вида Иркутска, дома генерал-губернатора. Это высокое здание с колоннами, окруженное садом. В путеводителе сообщаются также сведения об Ангаре, на берегу которой стоит Иркутск: «Ангара — приток Енисея, одна из быстрейших рек в мире, служит единственным истоком отстоящего в 66 верстах от города озера Байкала»[18].

---

[17] В. Жданов. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 437.

[18] В. А. Долгоруков. Путеводитель по всей Сибири. Томск, 1898, стр. 153.

Толстой отметил на полях место, где описывается национальный состав населения Иркутска, а также социальные его особенности: «Поместного дворянства в Иркутске нет. Высший круг, так называемого общества, состоит в нем из чиновников и нескольких военных, преимущественно — начальников отдельных частей, и более богатых купцов, причем старинного родового купечества в Иркутске в настоящее время тоже нет».

Здесь же сказано о гостиницах Иркутска: «Едущему в Иркутск из Евр. России необходимо свыкнуться с мыслью, что он не найдет в этом городе удобного помещения даже за большие деньги... Гостиницы с ресторанами и номерами: Деко и Сибирская. Обе на Большой улице»[19].

Город описан так: «Иркутск — один из самых неблагоустроенных сибирских городов. Нет ни одной замощенной или шоссированной улицы. Тротуары деревянные с уступами, дырами, порогами и провалами... Летом во время дождей образуются непролазные, долго не высыхающие болота»[20].

Сопоставление указанных мест из книги В. А. Долгорукова с описанием, например, Ангары и Иркутска в «Воскресении» подтверждает подлинность изображения незнакомой писателю сибирской стороны.

Толстой отказывается от развернутого описания одной из красивейших сибирских рек, которое можно было бы сравнить, например, с неповторимыми пейзажами Лены и Енисея у Короленко и Чехова. Толстой краток и точен. У него Ангара — «широкая, быстрая река», через нее переправляется паром, «несомый быстрой водой».

Описан также дом иркутского губернатора: это большое красивое здание, у которого «стояли часовые и городовой. Перед домом и за домом был сад, в котором среди облетевших, торчащих голыми сучьями осин и берез густо и темно зеленели ели, сосны и пихты».

Возможно также, что под влиянием книги Долгорукова у Толстого сразу сложилось начало 22 главы, одинаковое во всех вариантах. Вот оно. «Выехав в горку, ямщик обернулся. — В какую гостиницу везти? — Какая лучше? — Чего лучше «Сибирской». А то у Дюкова хорошо. — Куда хочешь. Ямщик опять сел бочком и прибавил хода» (32; 420).

---

[19] Там же, стр. 154.

[20] В. А. Долгоруков. Путеводитель по всей Сибири. Томск, 1898, стр. 159.

И дальше идет описание Иркутска: «Город был как и все города: такие же дома с мезонинами и зелеными крышами, такой же собор, лавки и на главной улице магазины и даже такие же городовые» (32;420).

Показательно, что последние слова («и даже такие же городовые») внесены уже в корректуру[21].

Описание Иркутска у Долгорукова и Толстого фактически совпадает. Но между ними имеется и существенное отличие. Толстой как бы обобщает облик большого сибирского города («город был как и все города: такие же...»), выделяет в нем то, что делает его похожим на все остальные, не только сибирские, но и русские города. Дополнение о городовых, которые были неотъемлемой «принадлежностью» не только всякого административного центра, но и всей российской империи, придавало описанию Иркутска обобщенный смысл.

То же самое следует сказать и об описании дома иркутского генерал-губернатора. По-видимому, оно сделано по фотографии из книги Долгорукова. Толстой сохраняет без изменений внешний облик дома и окружающего его сада, но вносит небольшой, но важный штрих: у дома «стояли часовые и городовой».

Небольшие, на первый взгляд, изменения, внесенные Толстым, имели существенное значение. Из простой географической характеристики города вырастал образ военно-административного центра.

Книга Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» заинтересовала Толстого не только описанием тюремного быта, но и приведенными в ней сибирскими словами и выражениями.

Толстой выписал несколько десятков слов сибирского происхождения (33; 325—326). Некоторые из них он включил в описание сибирского пейзажа: елани — поля, озям — одежда старика-сектанта.

Они были использованы также при работе над сценкой разговора сибирских женщин-торговок с работником постоялого двора, провожающим Нехлюдова к полуэтапу.

Сценка эта окрашена здоровым народным юмором и, несмотря на ее лаконичность, запоминается своей живостью.

В первом варианте она выглядела так:

«Старшой ушел. Несколько времени после его ухода опять зазвенела запорка калитки, и из дверки вышел не стар-

[21] Архив Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Рук. 169, л. 10.

шой, как ожидал Нехлюдов, а женщины: одна, другая, третья. Три подтыканные женщины в пальто, с кузовками и пустыми мешками и кувшинами.

Увидев при свете фонаря Нехлюдова и его проводника, одна из них обратилась к малому:

— А ты, язви тебя, чего тут?

— Да вот барина проводил.

— Айда домой вместе, нас проводи.

— Что же, расторговались?

— Ничего, наутро еще велéли приходить.

Это были торговки, приносившие провизию арестантам.

— Что же, найдете одни? Не заблудитесь? — сказал проводник Нехлюдову.

— Найду, найду, ступай»[22].

Во второй вариант внесены дополнения, подчеркивающие сибирский этнографический колорит сцены, и сделаны небольшие сокращения, придающие ей большую компактность:

«Старший ушел. Несколько времени после его ухода опять зазвенела запорка калитки и из дверки вышел не старший, как ожидал Нехлюдов, а женщины: одна, другая, третья. Человек 15 женщин с корзинками, туесами, крынками. Это были торговки, приносившие для продажи провизию арестантам. Увидев при свете фонаря Нехлюдова и его проводника, одна из них обратилась к малому:

— А ты, язви тебя, зачем сюда?

— Да вот барина проводил. Давно тебя не видел, — отвечал тот.

— Чоб тебе соскало.

— Айда домой вместе, нас проводи.

— Что же, вас дивно так?

— Да партия большущая, на утро еще велели приходить.

— Ты чего носила?

— Молосное.

— Что же, найдете одни? Не заблудите, — сказал проводник Нехлюдову.

— Найду, найду, ступай[23].

В этот вариант внесены специфические сибирские слова, отсутствовавшие в первом: «молосное», «дивно», «чоб тебе

---

[22] Рук. 133, л. 61.

[23] Рук. 134, л. 41. Здесь и далее дополнения выделены разрядкой.

соскало», а также уточнено занятие женщин — это торговки, пришедшие к полуэтапу с «корзинами, туесами, крынками».

Любопытно также, что слово «заблудиться» Толстой изменяет в соответствии с его сибирским произношением: «не заблудите?».

Сцена ожила, диалог стал непринужденнее, этнографический колорит ярче.

Но Толстого не удовлетворил и этот вариант. Он заново переделывает всю сцену и придает диалогу большую логичность, психологическую достоверность и чисто народную эмоциональность.

В окончательном варианте общий, несколько игривый тон всей сцены, получает мотивировку: «Одна же, очевидно обрадовавшись встрече с широкоплечим малым, тотчас же ласкательно обругала его сибирским ругательством».

Переходы в диалоге приобретают большую внутреннюю логику: «А ты чего носила? — Молосное, на утро еще велели приходить.

— А ночевать не оставляли? — спросил малый. — Чоб тебе соскало, брехун! — крикнула она, смеясь. — Айда до села вместе, нас проводи» (32; 380).

Толстой представлял себе коренных сибиряков людьми физически и душевно здоровыми. Работник — «молодой малый, широкоплечий богатырь», а перевозчики через Ангару — «высокие, широкоплечие, мускулистые и молчаливые»,.. «ловко, привычно закинули чалки».

На лаконичном географическом фоне значительно шире и впечатляюще показана Сибирь этапная, острожная.

Это объясняется главной творческой задачей писателя, состоящей в разоблачении основ самодержавного строя и созданных им учреждений, среди которых были остроги и тюрьмы как средства наказания и утверждения классового господства.

Работая над «Воскресением» и, в частности, над третьей его частью, Толстой изучал быт и нравы тюрьмы и ссылки, юридические права осужденных на каторгу.

Много ценных сведений дали Льву Николаевичу юристы Н. В. Давыдов и В. А. Маклаков. От последнего Толстой узнал об условиях жизни осужденных на сибирскую каторгу, их правах[24].

---

[24] Н. К. Гудзий. История писания и печатания «Воскресения». — В кн: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 376.

Писатель неоднократно бывал в московской Бутырской тюрьме и получал необходимые ему сведения от надзирателя тюрьмы И. М. Виноградова. От него Толстой узнал, что в условиях тюрьмы политические не общаются с уголовными, и это заставило его изменить план романа и знакомство Масловой с политическими перенести на путь их в Сибирь[25].

Большой материал для описания каторжной Сибири давали Толстому книги.

Н. К. Гудзием отмечено, что Толстой использовал те места книги Л. Мельшина «В мире отверженных», где говорится о положении каторжных женщин, о людоедстве среди каторжных уголовных и о раздаче в камерах тюрьмы Евангелий иностранным проповедником[26].

В. А. Жданов подчеркнул значение книги Мельшина в творческой истории третьей части и проанализировал ее влияние на Толстого[27].

К этому можно добавить, что в книге «В мире отверженных» Львом Николаевичем загнуты углы нескольких страниц, на содержание которых он обратил особое внимание:

Стр. 5 — описание заковки человека в кандалы.

Стр. 52 — сцена посещения арестантов в тюрьме.

Стр. 194 — история убийства Парамоном своей жены.

Стр. 354 — рассуждение автора о телесных наказаниях.

Стр. 374 — сцена посещения тюрьмы губернатором, исправником, прокурором.

Стр. 376 — описание тюремной камеры ночью.

Стр. 378 — рассказ о тяжелом нравственном состоянии людей, лишенных свободы, о взрыве отчаяния и тоски.

Из книги Д. Кеннана «Сибирь и ссылка» Толстой использовал те места, где указывается число арестантов, находящихся в тюрьмах, и описан сибирский полуэтап.

Кеннан и Толстой сходно говорят о крайней тесноте, в которой помещались заключенные, принужденные спать на по-

---

[25] И. М. Виноградов. Из записок надзирателя Бутырской тюрьмы. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, т. II, стр. 108.

[26] Н. К. Гудзий. История писания и печатания «Воскресения». В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 391.

[27] В. Жданов. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 335—336.

лу, под нарами, в проходах[28].

Опираясь на большую литературу о каторжной Сибири, Толстой как художник идет самостоятельным путем.

В книгах Л. Мельшина, Н. Ядринцева, Д. Кеннана описание тюремного сибирского быта было широко развернуто и составляло главное их содержание.

Задача Толстого состояла в том, чтобы в связи с этими описаниями поставить важнейшие общественные проблемы о ненормальности, противоестественности всего социального устройства, о вине общества перед человеком, о социальных причинах преступлений, о страшном влиянии на человека учреждений наказания и т. д.

Описания тюремного быта в 3 части романа не отличаются большой развернутостью, но, несмотря на это, запоминаются своей конкретностью и страшной правдой.

Толстой ведет читателя в иркутский острог: «Мрачный дом острога с часовым и фонарем под воротами, несмотря на чистую, белую пелену, покрывающую теперь все — и подъезд, и крышу, и стены, производил еще более, чем утром, мрачное впечатление своими по всему фасаду освещенными окнами» (32; 431).

Впечатление мрачности и ужаса создается и от описания камер уголовных и политических. В полутемных, тесных, грязных камерах слышится переливчатый звук цепей, стоит пар от сохнущей мокрой одежды арестантов, чувствуется удушающий запах неосевшей пыли, сырости и табака.

Люди лежат на нарах, под нарами и в проходах. Некоторые — прямо на полу, в коридоре, положив голову на мешки и укрывшись сырыми халатами. «Три человека, очевидно, не нашедшие места и в коридоре, расположились в сенях, под самой вонючей и текущей по швам кадкой — парашей» (32; 409).

В этих условиях сотни людей погибают от болезней, Толстой неоднократно говорит о переполнении сибирских тюрем.

В черновых редакциях, где описывалась тюрьма, Толстой, по-видимому, под влиянием прочитанной литературы, приводил цифры, свидетельствующие о положении заключенных в тюремных замках.

Смотритель сопровождает Нехлюдова в острог: «У нас не все благополучно, — сказал он, — сходятся с двух трактов

---

[28] См. Н. К. Гудзий. История писания и печатания «Воскресения. В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 391—892.

партии, и бывает переполнение. Замок построен на 700 душ, — у нас теперь 1720. Так что болеют»[29].

В следующих вариантах Толстой приводит другие цифры: «Замок построен на 400 душ — у нас теперь 1424»[30]; «Замок был построен на 900 душ, в настоящее же время в нем было 1724..., больных 343 человека, которые помещаются уже не в больнице, так как больничных коек всего 150»[31].

В процессе работы Толстой исключил эти цифры, так как они излишне детализировали повествование, и включил другую, свидетельствующую о высокой смертности среди арестантов. Из всех возможных именно эта цифра оказалась наиболее важной. В окончательный текст это место вошло так:

«Строгость смотрителя происходила преимущественно оттого, что в переполненной вдвое против нормального тюрьме в это время был повальный тиф. Извозчик, везший Нехлюдова, рассказал ему дорогой, что «в тюрьме гораздо народ теряется. Кака-то на них хворь напала. Человек по двадцати в день закапывают» (32; 426).

Толстой показывает, что оторванные от природы, труда, семьи, подвергнутые всякого рода унижениям — цепям, позорной одежде, изнурениям, побоям — эти люди в условиях тюрьмы доходят до крайнего нравственного падения и развращения. В страшных условиях тюремного режима нравственно гибнут хорошие от природы люди. Макар Девкин — молодой крестьянин, присужденный к четырем годам каторги за покушение на грабеж и убийство, совершенные под влиянием «нечистой силы». Крестьянский мир говорит о Макаре как о человеке хорошем, работящем.

В тюрьме, рискуя жизнью, он рассказывает Нехлюдову арестантскую тайну о том, что каторжный Карманов подговорил малого, ссылаемого на поселение, сменяться с ним, и просит «заступить» за обманутого человека.

Толстого восхищает человечность и смелость Макара.

Молодой, приветливый, трудолюбивый крестьянин Тарас идет на каторгу за своей женой Федосьей, покушавшейся на его, Тараса, жизнь. Душевная открытость и доброта, любовь к людям и природная нравственная чистота отличают Тараса.

---

[29] См. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 253, рук. 115.

[30] Рук. 133, л. 138.

[31] Рук. 167, л. 2.

Изображение трагического положения страдающего народа дается Толстым в плане антитезы с жизнью господствующих верхов. Контраст, антитеза — главный принцип художественной структуры всего романа.

Он же определил и внутреннее построение третьей части.

Письма Толстого и его дневниковые записи периода работы над третьей частью свидетельствуют о большом и напряженном труде писателя, стремившегося с наибольшей художественной силой раскрыть идейный замысел произведения:

«Много переделываю «Воскресение» (88; 159). «Я работаю очень дурно над 3 частью («Воскресение»). Все переменяю и все недоволен» (88; 183). «Я все вожусь со своей 3-й частью» («Воскресение») (72; 241). «Запнулся на 3-й части. Уже давно не иду вперед». «Кажется, выбился из трудного места «Воскресения» (53; 223, 227).

По мере работы над произведением возрастала его обличительная сила.

В письмах же Толстой неоднократно сообщает о том, что чем дальше он работает, тем «нецензурных мест становится больше» (71; 481). «Будет ужасно нецензурно» (88; 141—142).

Одной из таких нецензурных глав третьей части является гл. II, в которой описывается расправа этапного офицера с арестантом, отказавшимся надеть наручни потому, что он нес на руках маленькую дочь. Случай этот произошел под Томском и подсказан Толстому книгой Д. А. Линева «По этапу». В Яснополянской библиотеке Л. Н. Толстого имеется экземпляр книги Д. А. Линева, прочитанной писателем в период работы над третьей частью «Воскресения».

Толстой ссылается на книжный источник сцены на этапе, но идет своим путем как художник.

Д. А. Линев рассказывает о столкновении конвойного офицера с арестантом как о малозначительном происшествии на этапе, не делая из него больших обобщений[32].

Толстой увидел в этом факте отражение самого существа отношений между социально приниженным народом и теми, кому дана безграничная власть над ним.

Писатель напряженно работал над II главой, усиливая ее обличительный колорит.

Первоначальный вариант этой сцены:

---

[32] Д. А. Линев. По этапу. М., 1886, стр. 108—111.

«— Вот, братцы, что делают, — обратился мужик к арестантам.

— Что же, он мешает? Как же ребенка бросить? Кому вред от этого? Ваше благородие, Вы уже ослобоните. Не порядок это. Такого закона нет, — послышались голоса.

Офицер нахмурился и, не отвечая, велел надеть наручни.

— Такого закона нет. Не порядок это. Нехристи, — заговорили арестанты, руководимые Щегловым, и заступили мужика, к которому стали подходить солдаты. Тогда офицер рассвирепел и бил и велел бить и были выбиты зубы и сломано ребро. И на мужика надели наручни. Ребенка же взяла Мария Павловна»[33].

В этом варианте передана жестокость обращения офицера с арестантом.

Но здесь рассказ о зверином избиении арестанта носит характер констатации факта. Поэтому Толстой развертывает сцену, усиливая в процессе работы резко отрицательную характеристику конвойного офицера — его внешности, поведения, речи.

Ниже приводится сравнение первоначального и окончательного текстов отдельных моментов сцены на этапе, показывающее процесс работы художника. Это сравнение даст возможность проследить за усилением обличительного характера сцены:

Первоначальные варианты:

1. «— Ах ты, сукин сын, еще рассуждать смеешь, — говорил офицер, — как снесешь, а не снесешь, — бабам отдашь, — повелительно проговорил офицер».

«— Я тебя научу рассуждать, — говорил высокий сухой белокурый офицер, потирая левой рукой ладонь правой, которой он бил арестанта, — бабам отдашь. Надевай!»[34]

Окончательный текст:

«Офицер, плотный человек с большими белокурыми усами, хмурясь, потирал левою рукой ладонь правой, которую он зашиб о лицо арестанта, и не переставая произносил неприличные, грубые ругательства».

[33] Рук. 41, лл. 194—195. Приведен в книге В. Жданова «Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 331.

[34] Рук. 131, л. 12.

2. «— Я тебя, мерзавец, научу рассуждать, — говорил высокий худой брюнет офицер».

«— Я тебя (неприличное ругательство), научу рассуждать (опять ругательство); бабам отдашь, — кричал офицер. — Надевай». (32; 364).

«— Я тебя (скверное ругательство), научу рассуждать, — кричал высокий, худой с большими белокурыми усами офицер»[35].

3. «Офицер хотел надеть наручник на Федора, арестанта, несшего девочку».

«...Стоял в коротком халате и еще более коротких штанах длинный, худой арестант с бритой половиной головы».

«Офицер хотел надеть наручник на длинного худого арестанта, отца девочки»[36].

4. «Отговорки арестанта... раздражали офицера, — который очевидно не выспался, был не в духе, хотел настоять на своем и поскорее выступить. Он ударил арестанта»[37].

«Отговорки арестанта, что ему нельзя в наручнях нести ребенка, раздражали бывшего не в духе офицера, и он избил непокорившегося сразу арестанта».

5. «— Вы бунтовать? Бери девчонку. Бей их!».

«— Вы бунтовать? Я вам покажу как бунтовать. Перестреляю как собак... Бери девчонку. Толпа замолкла»[38].

«Вы бунтовать! Я вам покажу как бунтовать. Перестреляю, как собак. Начальство только спасибо скажет. Бери девчонку! Толпа затихла». (32; 365—366).

Из сопоставления видно, что первоначальное описание внешности офицера — «высокий, сухой, белокурый офицер», «высокий худой брюнет офицер», «высокий, худой, с большими белокурыми усами»... заменено: «плотный человек с большими белокурыми усами».

Определения «высокий, худой» сняты, по-видимому, потому, что они больше подходили к облику арестанта Федора.

---

[35] Рук. 133, л. 40.
[36] Рук. 133, л. 41.
[37] Рук. 133, л. 41.
[38] Рук. 133, л. 42.

Первоначально он не был описан, затем это «длинный худой арестант»; позже добавлены важные детали: он одет в короткий халат, половина головы его выбрита.

Так прием контраста выдерживается Толстым и в описании внешнего облика конвойного офицера и арестанта.

В процессе работы писатель усиливает также отрицательную характеристику действий офицера, его речи. Первоначальное: офицер был не в духе оттого, что «не выспался», «хотел поскорее выступить», в какой-то степени смягчающее его поступок, было заменено коротким и выразительным: «отговорки арестанта... раздражали бывшего не в духе офицера».

Сначала он «повелительно проговорил», затем «крикнул»; «ударил» — «избил»; «Вы бунтовать? Бери девчонку. Бей их!» — дополняются словами, усиливающими социально-обличительный смысл сцены: «перестреляю как собак. Начальство только спасибо скажет».

В таком же направлении идет работа над другой сценой.

Нехлюдов отправляется к конвойному офицеру, избившему арестанта Федора, за разрешением увидеть Маслову.

В первом варианте начало было таким:

«Офицер, тот самый, который ругал арестантов утром, в австрийской куртке сидел за самоваром с открытым погребцом на стуле и слегка привстав поздоровался с ним и указал на стул против себя.

— Милости просим, — сказал офицер, очевидно довольный развлечением, которое он предвидел в Нехлюдове.

— Не прикажете ли погреться, — прибавил он, затягиваясь папиросой и указывая на чайник и графинчик с коньяком.

— Эй! — он хлопнул в ладони, — еще стакан! Прошу, — сказал он, подвигая стул Нехлюдову»[39].

Поведение офицера, его отношение к Нехлюдову отличается известной учтивостью. Еще отсутствует солдат-денщик, о существовании которого читатель догадывается по окрику офицера». «Эй!... еще стакан!» Такое начало не удовлетворило Толстого. Вводится в действие солдат-денщик, меняется поведение офицера:

---

[39] Рук. 166, л. 9.

Варианты:	Окончательный текст:
Офицер с большими усами и маленькими блестящими глазами[40].	Офицер с большими белокурыми усами и очень красным лицом.
Офицер смотрел на него (на солдата — А. К.)[41].	Офицер проводил его маленькими злыми глазами, как бы прицеливаясь, куда бы ударить его. Офицер смотрел на Нехлюдова блестящими глазами...
Офицер смотрел на Нехлюдова неподвижными глазами[42].	Офицер привстал и как будто насмешливо и подозрительно уставился на вошедшего.
Офицер молча выпускал кольца дыма и испуганно смотрел на Нехлюдова[43].	

В окончательном виде как начало, так и сцена в целом приобрели обличительный характер:

«Увидав Нехлюдова, офицер привстал и как будто насмешливо и подозрительно уставился на вошедшего.

—Что угодно? — сказал он и, не дождавшись ответа, закричал в дверь: — Бернов! самовар, что же, будет когда?

— За́раз.

— Вот я тебе дам за́раз, что будешь помнить! — крикнул офицер, блеснув глазами».

Служители строя, от тюремного надзирателя до генерал-губернатора, глубоко чужды народу.

В. Ждановым проанализирован процесс работы Л. Н. Толстого над главой, где описывался обед в доме начальника края, и показано, что первоначально она имела сатирический характер[44].

Более развернутым было описание разговора гостей:

«Генерал рассказал, как ловко его обманул подрядчик вместе с исправником. Бывший директор рассказал (при этом, не без удовольствия), как у них в городе, архитектор вместе с

---

[40] Рук. 133, л. 61.

[41] Рук. 133, л. 62.

[42] Рук. 133, л. 65.

[43] Рук. 133, л. 66.

[44] В. Жданов. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 296—300.

его предшественником украли несколько тысяч, построив казармы так, что они на другой год завалились. Золотопромышленник, улыбаясь, рассказал про сложные мошенничества чиновников на золотых приисках. На этих рассказах закончился обед»[45].

Первоначально резче говорилось о глубоком равнодушии этих людей к трагической судьбе народа:

«Здесь, на конце света, было то же самое, что и в Петербурге. Все эти люди не знали и не хотели знать того, что делалось, там в остроге, в том самом остроге, который был на попечении хозяина этого дома. Не знали и не хотели знать того другого мира, с которым жил Нехлюдов два месяца». (33; 310—311).

Известное ослабление сатиры в окончательном варианте объясняется изменением душевного состояния Нехлюдова, через восприятие которого дана эта сцена. Нехлюдов устал от тяжелых впечатлений этапной жизни, поэтому обед у начальника края был для него неожиданно приятен.

Внутренняя логика развития образа подсказала Толстому необходимость смягчения сатиры[46].

Однако в окончательной редакции сохранилась отрицательная характеристика начальника края. Уже в корректуру Толстой внес такие дополнения к портрету генерала:

«Генерал, одутловатый, с картофельным носом и выдающимися шишками на лбу и оголенном черепе и мешками под глазами сангвинический человек»[47].

В окончательный текст включены новые эстетически отталкивающие детали: у генерала «толстая, складками сморщенная сзади шея», «узкие заплывшие, блестящие глаза», «короткие пальцы».

Он прослужил 35 лет, был исполнителен, следовал букве закона и поэтому оставался в своей высокой должности, хотя начальство знало, что он алкоголик. «Он был весь пропитан вином. Ему достаточно было выпить какой-нибудь жидкости, чтобы чувствовать опьянение» (32; 421).

Толстой противопоставляет два мира, враждебных друг другу.

Любовное, т. е. основанное на добре, общение между людь-

---

[45] Рук. 178, л. 18.

[46] См. В. Жданов. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 173—177.

[47] Рук. 177, л. 1.

ми Толстой считал главным нравственным законом жизни человеческого общества.

Этот закон был грубо нарушен. Почему? Поиски ответа на этот важнейший вопрос составляют главный лейтмотив в истории нравственного воскресения Нехлюдова. Автор решает его вместе с героем.

В русской литературе 19 века не было писателя, который бы с такой огромной публицистической силой и прямотой ответил на него.

Толстой утверждает, что всех этих людей хватали, запирали и ссылали совсем не потому, что они нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которые они отбирали у народа.

Смотрители, тюремщики, офицеры, генералы, сенаторы были слугами и хранителями порядка, основанного на жестоком подавлении народа.

Поэтому они были неуязвимы, «непромокаемы» для самого простого человеческого сострадания.

В Сибири, в этом огромном мертвом доме, где заживо похоронены тысячи, Нехлюдов понял, что «людоедство начинается не в тайге, а в министерствах и департаментах и заключается только в тайге; посредством всякого рода бесчеловечных поступков над людьми им внушалось, что «всякого рода насилия, жестокости, зверства не только не запрещаются, но разрешаются правительством, когда это для него выгодно» (32; 412).

Здесь политическая мысль Толстого достигает своего апогея. Это голос грозного судьи и обвинителя современного ему общественно-политического порядка.

Образ каторжной Сибири под пером Толстого стал олицетворением всей Российской империи как огромной тюрьмы для народа. До Толстого только Достоевский создал такой образ мертвого дома как символ всей самодержавной России.

В творческой истории «Воскресения» «Запискам из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского принадлежит особое место.

Во многих письмах и высказываниях Толстого содержится разносторонняя и неизменно высокая оценка книги Достоевского.

Толстой считал ее «шедевром», «прекрасной вещью»[48],

---

[48] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, т. 1, стр. 234.

«лучшим и наиболее цельным в художественном отношении» созданием писателя[49], отмечал оригинальность жанра и формы «Записок»[50].

В семье Толстых «Записки», наряду с прозой Пушкина, Гоголя, Тургенева, были одной из наиболее читаемых книг[51]. Два отрывка из «Записок» — «Орел» и «Смерть в госпитале», которые особенно трогали Толстого, он решил поместить в «Круг чтения»[52].

В письме к Н. Н. Страхову от 26 сентября 1880 года Лев Николаевич писал:

«На днях нездоровилось, и я читал «Мертвый дом». Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительна, — искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался» (63; 24).

В период работы над третьей частью «Воскресения» Толстой вновь перечитывает «Записки». Как вспоминает П. А. Сергеенко, Лев Николаевич в разговоре с ним, 13 января 1899 года сказал: «Я для «Воскресения» прочел недавно «Записки из Мертвого дома». Какая это удивительная вещь!»[53].

Обращение Толстого к «Запискам» не было случайным. В этой книге, являющейся самым сильным в русской литературе произведением о царской каторге, образ сибирского острога достиг огромного обобщения и, как указывали Герцен, Писарев, Ленин, стал символом всей царской России.

У Толстого, естественно, нет той многогранности показа жизни Мертвого Дома, которое имеется в «Записках» Достоевского. Это и не входило в творческую задачу автора «Воскресения».

Между «Записками из Мертвого дома» и «Воскресением» имеется известная «перекличка» отдельных эпизодов, рисующих тюремную жизнь (ср. описание смерти Михайлова в госпитале и смерти арестанта в остроге; наказания Орлова, Михайлова и Васильева; истории с обменом фамилиями на этапе: Сироткин и Карманов; психологическую новеллу «Акуль-

---

[49] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М. 1955, т. II, стр. 61.

[50] Там же, стр. 255.

[51] Там же, т. 1, стр. 171.

[52] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, т. II, стр. 171.

[53] Там же, т. 1, стр. 470.

кин муж» и историю Федосьи и Тараса; описания взаимной вражды, ненависти между людьми, лишенными свободы).

Внутренняя связь двух произведений состоит в постановке общих проблем русской жизни.

Антиправительственный, антигосударственный пафос третьей части «Воскресения», заложенная в ней страстная сила протеста против тирании, беззакония властей и сочувствие страдающему народу в известной мере сближали Толстого с Достоевским.

Однако Достоевский, отрицая путь революционной борьбы, призывает к сближению дворянской интеллигенции с народом, к усвоению патриархальных основ народного миросозерцания.

В огромной силе разоблачения государственного строя России и призыве смириться перед ним состоит трагическое противоречие идейной позиции Достоевского.

«Воскресение» Нехлюдова у Толстого неразрывно связано с решением вопроса, по какому праву одни люди мучают и наказывают других?

Приобщение к жизни страдающих людей на этапах, в тюрьмах, пересмотр всех прежних понятий о жизни привели Нехлюдова к отрицанию всего строя, пониманию его антинародности.

В своем протесте, неприятии самодержавного строя Толстой, таким образом, идет дальше Достоевского.

Отличие Толстого от Достоевского состоит также и в том, что он шире ставит проблему политической революционной борьбы.

Пережив на каторге глубокий кризис своего мировоззрения, Достоевский пришел к выводу о необходимости борьбы против революционной идеологии.

Не разделяя идейных убеждений революционеров, Толстой однако признал их нравственное право на борьбу.

В 1905—1906 году Толстой создает произведения, отразившие собою новую полосу интереса художника к эпохе Александра I — «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», а также к событиям польского восстания 1863 года — повесть «За что?»

Еще в 1890 году внимание Толстого привлекла популярная легенда о том, что Александр I кончил свое поприще в Сибири, близ Томска, под именем старца Федора Кузьмича.

В последующие годы Толстой неоднократно включал в списки задуманных сюжетов и эту легенду, но только в 1905

году принялся за осуществление своего давнего замысла.

В процессе работы Лев Николаевич собирает материалы, относящиеся и к сибирскому периоду жизни старца Федора Кузьмича.

Толстой обращается к писателю и врачу С. Я. Елпатьевскому, сосланному в Сибирь и общавшемуся с людьми, знавшими старца Кузьмича.

В Енисейске Елпатьевский лечил 14-летнюю дочь томского купца, у которого в последние годы жил и умер Федор Кузьмич. Она подарила Елпатьевскому портрет Кузьмича.

Толстой обратился к С. Я. Елпатьевскому с просьбой прислать ему этот портрет, но он пропал во время обыска, произведенного у Елпатьевского, и просьба писателя, таким образом, не была исполнена[54].

В Яснополянской библиотеке Л. Н. Толстого имеется книга Е. З. Захарова. «Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год», изд. 2-е, СПб. 1892 г. Книга открывается портретом Федора Кузьмича.

В ней имеются пометки, сделанные рукой Толстого, свидетельствующие об интересе художника к отдельным моментам жизни старца Федора Кузьмича в Сибири.

1. На стр. 9 сказано, что в 1842 году казак Сидоров построил для старца Федора избушку в Белоярской станице.

2. На стр. 10 — из станицы Белоярской старец переехал в дер. Зерцалы.

3. На стр. 11 — из деревни Зерцал перешел на жительство в село Краснореченское по приглашению крестьянина И. Г. Латышева.

4. На стр. 15—16 — рассказ о встрече 12-летней девочки Александры Федоровой со старцем.

5. На стр. 18 рассказывается о посещении старцем дома А. Федоровой. Толстой отметил знаком NB такие слова:

«Потом поставили мы пирог с рыбой на стол, он закусил этого пирога, не садясь, и поблагодарил. Брат просил его сесть, но он сказал: «Не мне на этакой мебели сидеть, человек я грешный»...

Потом, спустя немного времени, распрощался, пошел из дома и сказал: «Кабы вы знали, какой гость был у вас; грешника да так уважаете; кабы знали, что такой грешник, разбойник был у вас, так вы бы и в дом-то не приняли меня».

---

[54] С. Я. Елпатьевский. Воспоминания. Л., 1929, стр. 204—205.

6. На стр. 25 — о том, что в 1858 году старец переселился на жительство к томскому купцу Хромову.

Толстой отмечает места жительства Федора Кузьмича в Сибири, фамилии людей, с которыми общался старец, и особенно его признание в своем грехе, большой вине перед людьми.

Эти сведения писатель включил в «Посмертные записки старца Федора Кузьмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири, близ Томска на заимке купца Хромова».

Так, в начале I главы повести к имени Ивана Григорьевича, приютившего старца Федора Кузьмича, Толстой делает такое примечание: «Иван Григорьевич Латышев — это крестьянин села Краснореченского, с которым Федор Кузьмич познакомился и сошелся в 39-м году и который после разных перемен места жительства построил для Кузьмича в стороне от дороги, в горе, над обрывом, в лесу келью. В этой келье и начал Кузьмич свои записки» (36; 60).

Глава «Моя жизнь» имеет эпиграф, в котором называется другое место пребывания старца Кузьмича и время записи его воспоминаний: «12 декабря 1849. Сибирская тайга близ Краснореченска» (36; 65).

Таким образом, во всей повести, включая название, **встречается только три упоминания о местах пребывания** Федора Кузьмича в Сибири и его смерти.

Никаких других собственно сибирских картин природы или жизни старца в условиях Сибири не встречается. И в этом произведении сибирский материал не играл доминирующей роли. Толстого главным образом интересовала «душа Александра 1, столь оригинальная, сложная, двуличная», и история его «искупления» в отшельничестве (54; 667).

На основе книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга»[55] Толстым был написан рассказ «За что?» (1906), действие которого происходит в западном Казахстане[56].

Развитие событий в рассказе дано в той же последовательности, в какой они изложены в книге Максимова (42; 628).

---

[55] С. В. Максимов. Сибирь и каторга. В 3-х частях. Спб., 1891, стр. 63—65; 73—75.

[56] См. Н. И. Фокин. Л. Н. Толстой и западный Казахстан. «Л. Н. Толстой». Материалы межвузовской научной конференции. Кустанай, 1961, стр. 195—199.

Главная тема рассказа — драматическая история ссыльных поляков Мигурских, переданная писателем с чувством живой симпатии к польскому народу и негодования против деспотизма николаевской эпохи.

В плане нашей темы он интересен как пример обращения Толстого к Сибирскому книжному источнику.

В 1907 году для «Детского круга чтения» Толстой написал небольшой рассказ «Федотка», в котором повествуется о нравственном возрождении преступника, сосланного в Сибирь на 10 лет, где он стал другим человеком (40; 403—405).

Сибирь как место действия в рассказе только названа, но не описана. Внимание автора сосредоточено на изображении внутреннего мира Федотки.

Таким образом, Л. Н. Толстой на протяжении многих лет в своих неосуществленных творческих замыслах, а также в законченных произведениях обращался к Сибири. Он хорошо знал Сибирь, много читал о ней и как художник, в романе «Воскресение» особенно, достиг большой высоты в изображении дореволюционной сибирской действительности.

* * *

Малоисследованной страницей творческого наследия Л. Н. Толстого является его переписка с сибиряками, которая велась с 80-х годов до последних дней жизни писателя.

Среди огромного эпистолярного наследия Толстого его письма в Сибирь занимают скромное место. Но даже при их сравнительной немногочисленности они дают возможность еще и еще раз убедиться в редкой широте жизненных связей великого художника, в огромном влиянии его творчества и на людей самых различных слоев старой, дореволюционной Сибири.

Начало переписки Толстого с сибиряками относится к середине 80-х годов, когда четко определился перелом в мировоззрении писателя, вставшего на позиции патриархального крестьянства.

В июне 1886 года Лев Николаевич получил из Минусинска рукопись сибирского крестьянина Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца». Т. М. Бондарев в своей работе доказывал незаконность сословного владения землей, отнятой у народа. Труд Т. М. Бондарева — бывшего крестьянина, отданного помещиком в солдаты, а затем за отход от православия по суду сосланного в деревню

Иудино Енисейской губернии, — произвел на Толстого большое впечатление и послужил поводом для переписки, которая продолжалась с перерывами 12 лет.

В научной литературе вопрос о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и Т. М. Бондарева выяснен полно и всесторонне, поэтому в данной статье не рассматривается[57].

Последующая переписка Толстого с его сибирскими корреспондентами связана преимущественно с двумя обстоятельствами, имевшими общественное значение: с духоборческим движением 90-х годов и массовыми отказами от несения воинской службы крестьян и солдат в период подготовки и проведения первой русской революции.

Поводом для возникновения переписки Толстого с сибиряками в 90-е годы послужили правительственные репрессии против духоборов, членов религиозной секты, отказавшихся от присяги царю, несения воинской службы и уплаты податей.

В 1896 году был издан указ о замене духоборам наказания в дисциплинарных батальонах ссылкой в Якутскую область. Этапным порядком, в очень тяжелых условиях духоборов переселяли в северный район Сибири.

Правительственные преследования духоборов возмутили передовую общественность не только России, но и других стран.

Движением духоборов интересовался и В. И. Ленин. В № 1—2 журнала «Работник» за 1896 год, издававшемся в Женеве, в отделе «Вести из России» появилась корреспонденция, отредактированная В. И. Лениным. В ней говорилось, что «возмутительная история» преследования духоборов «...вскрывает нам тот страшный, азиатский деспотизм, который совершенно немыслим в цивилизованной стране... Очевидно тысячи семей обречены на голодную смерть»[58].

Сектантское движение, играющее в наши дни сугубо реакционную роль, в прошлом, как отмечал В. И. Ленин, явля-

---

[57] См. Е. И. Владимиров, Т. М. Бондарев и Л. Н. Толстой. С предисловием и под редакцией Н. Н. Гусева. Красноярск, 1938. М. В. Минокин. Т. М. Бондарев. «Записки Хакасского научно-исследовательского ин-та языка, лит., истории», вып. 8, Абакан, 1951. И. Барашков-Энгелай. Тимофей Бондарев. «Сиб. огни». 1958, № 5. А. П. Косованов. Тимофей Бондарев и Лев Толстой. Абакан, 1958.

[58] См. «Летописи Гослитмузея Л. Н. Толстого», кн. 2. М., 1938, стр. 5.

лось «...во многих его проявлениях одним из демократических течений в России»[59].

Толстой принял большое участие в судьбах преследуемых духоборов. Идейной позиции Толстого 90-х годов — грозного и страстного обличителя самодержавного строя России и созданных им учреждений — был близок протест духоборов против царской власти и официальной церкви.

В статье «Две войны» (1898) Толстой рассматривал духоборческое движение как «войну», которую ведут сотни и тысячи людей, объединенных общим религиозным чувством и протестом против государственных порядков.

Писатель принял решение напечатать «Воскресение» для оказания денежной помощи духоборам, не раз обращался в русские и иностранные газеты с призывом защитить духоборов силой общественного мнения.

Преследование духоборов Толстой рассматривал как «...поразительный образец... позорящих русское правительство деяний» (70; 141).

В статье «Две войны» писатель называет фамилии жертв репрессий и среди них сосланных в Сибирь Изюмченко, Ольховика, Середу, в судьбе которых Лев Николаевич принял непосредственное участие (31; 100).

Участие Толстого в судьбе многих сосланных духоборов послужило поводом для его переписки с административными лицами, а также с людьми, которые могли рассказать писателю о жизни духоборов в Сибири.

В 1896 году Толстой обращается к начальнику иркутского дисциплинарного батальона с просьбой «смягчить страдания» ранее сосланных в Сибирь харьковскому крестьянину В. П. Ольховику и солдату конвойной роты К. Середе, отказавшимся от военной службы. (69; 184—185).

В связи с участием Толстого в судьбе духоборов возникает его переписка с одним из выдающихся деятелей революционного марксизма в России — Н. Е. Федосеевым, сосланным в 1897 году в г. Верхоленск Иркутской губернии.

На одном из этапов Н. Е. Федосеев встретился с партией духоборов, высланных с Кавказа в Якутию. Он продолжительное время общался с духоборами в Александровской пересыльной тюрьме и следовал вместе с ними до г. Верхоленска.

В первом письме к Л. Н. Толстому он рассказал о положе-

---

[59] В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 431.

нии духоборов в маршевых ротах, об ужасных физических испытаниях, которым они подвергаются[60].

Из следующего письма Н. Е. Федосеева Лев Николаевич узнал, что только его, Толстого, заступничество спасло Ольховика и Середу от телесных наказаний и уменьшило срок их тюремного заключения[61].

Сообщение Федосеева глубоко обрадовало Толстого: «Меня особенно поощрило, что вы пишете мне о воздействии моего письма в дисципли(нарном) бат(альоне), что я написал письмо заседателю в Усть-Нотор, прося его передать деньги сосланным, не вычитывая из казенного» (71; 336—337). В этом же письме Толстой просит Федосеева передать деньги сосланному псковскому крестьянину Егорову.

На этом переписка Толстого с Федосеевым не прекратилась. Федосеев в мае 1898 года вновь сообщал Толстому о жизни духоборов в Якутии, о том, что П. Ольховик приехал «в Якутск по вызову администрации за получением казенного пособия (600 р) для хозяйственного обзаведения и за покупкой лошадей и орудий. Все они здоровы и бодро принимаются за постройку домов и приготовление пашни. Со 2-го февраля 20 из них живут на временных заработках в скопческом селе Петропавловском, в 150 в(ерстах) от Усть-Ноторы. К лету они думают настолько прочно обосноваться, что решили вызвать свои семейства[62] .

В этом же письме Федосеев сообщил Толстому о том, что духоборы получили посланные им книги и письма и что «Ольховик выражает желание иметь для чтения усть-ноторской колонии общеобразовательные книги, не исключительно популярные и в большом выборе».

Лев Николаевич, отвечая Н. Е. Федосееву, сообщил, что гонения на духоборов вызвали возмущение не только в России, но и за границей, и выражал надежду, что «правительство скоро изменит свой образ действий». Толстого заинтересовала личность Федосеева и в конце своего письма он спрашивает: «Кто вы? За что сосланы? Какое теперь ваше положение? И каково ваше душевное состояние? Если вам не не-

---

[60] Опубликовано в сб. «Листки свободного слова», изд. В. Черткова Chrithurch, England, 1898, 1, стр. 6.

[61] Письмо от 10 декабря 1897. «Литературное наследство», 1939. № 37—38, стр. 280—281.

[62] «Литературное наследство», 1939, № 37—38, стр. 286.

приятно ответить на эти вопросы, то буду благодарен вам» (71, 374—375).

Неожиданная трагическая смерть Н. Е. Федосеева оборвала переписку, но связи Толстого с Сибирью по поводу духоборческого движения не прекратились.

В 1898 году в Иркутск прибыли жены и дети духоборов, сосланных в Якутскую область. По этому поводу Толстой пишет письмо иркутскому генерал-губернатору Горемыкину: «Женщины эти едут на свои средства из Александровской тюрьмы, где они намерены арестоваться для следования дальше. Женщин этих сопровождает взявший на себя этот труд врач Сокольников, якут родом, получивший назначение на врачебный пункт в Якутскую область. Просьба моя состоит в том, чтобы Сокольников был допущен следовать вместе с женщинами и чтобы им оказана была помощь, столь желательная и необходимая в их жалком и исключительном положении» (72; 101).

Л. Н. Толстого и П. Н. Сокольникова соединяла многолетняя дружба «Дни моего знакомства и личных встреч с великим Толстым были самые светлые и незабываемые в моей жизни»[63], — вспоминал Сокольников. Уже в Якутию Толстым была послана фотография с надписью: «Дорогому Прокопию Нестеровичу Сокольникову на добрую память от Льва Толстого».

В статье И. С. Клиориной «Прокопий Нестерович Сокольников и его переписка с Л. Н. Толстым»[64] прослеживается история и характер взаимоотношений и переписки между якутским врачом, жившим в далеком Чуранчинском улусе, и великим русским писателем. Как показано в работе И. С. Клиориной, письма Сокольникова к Толстому рисовали быт и положение ссыльных в Якутской области, состояние медицинского обслуживания населения, уровень культурной жизни далекой окраины и условия существования интеллигенции. В этих письмах также содержалась полемика Сокольникова с теорией Толстого непротивления злу насилием.

Однако в названной работе не рассматриваются письма якутского врача, связанные с переездом его в Якутию и сопровождением жен и детей духоборов.

---

[63] Цитируется по статье А. Малькова. Учитель и друг якутов. «Литература и жизнь», 23 ноября 1960 г., № 139.

[64] «Ученые записки» Якутского Гос. университета, вып., 7, Якутск, 1960.

С дороги Сокольников написал Толстому два письма. В первом из них, из Иркутска, он сообщает, что от Москвы до Иркутска... «ехали хорошо, имели надежного и отзывчивого провожатого, не лишены были медицинской помощи (на станциях то и дело встречались железнодорожные и переселенческие врачи)», поэтому он решил несколько опередить партию и заехать в Томск, где рассчитывал сделать денежный сбор в пользу семей духоборов.

«Томские знакомые и сибиряки не обманули моих надежд, отнеслись очень сочувственно, и я в течение 2-х дней собрал 93 р.». «Сибиряки помогали нам не мало»... — сообщал Сокольников.

Из этого письма известно также, что прибывшую в Иркутск партию «как администрация, так и общество приняли радушно», что двое из женщин из Иркутска съездили в Александровскую тюрьму, находящуюся в 60 верстах от города, и видели там своих мужей.

Далее Сокольников сообщал, что благодаря письму Толстого к доверенному торговой фирмы А. И. Громовой — М. В. Пихтину появилась возможность отправить семьи духоборов бесплатно не только до Якутска, но и за 880 верст по Лене и Алдану до устья реки Ноторы, где они должны встретиться с сосланными духоборами[65].

Второе письмо написано Сокольниковым со станции Жигалово, на Лене, расположенной в 380 верстах от Иркутска: «Всего от Иркутска до Жигаловой с разными остановками и просиживаниями на мели мы употребили 13 суток. Теперь до Якутска остается приблизительно $2^1/_2$ тысячи верст, но условия пути на барже будут много лучше; питание у нас плохое, благодаря строгому соблюдению вегетарианства. Теперь 1 ф. очень скверного черного хлеба стоит $4^1/_2$ коп., а белго из 3 сорта муки 8 коп.; далее на Лене будет еще дороже. Сотня яиц здесь стоит 2 рубля».

Сокольников сообщал о дорожных происшествиях, о смерти семилетнего мальчика, его похоронах, о невежестве «сестер», которые хотели лечить больного ртутью; «У нас под руками мало средств, и дело лечения поставлено в весьма трудные (дорожные) условия, но тут еще невежество и колдовство мешают тем жалким и ограниченным мероприятиям, на которые мы способны».

---

[65] Письмо от 25 апреля 1899 г., Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого». Полный текст письма приводится в приложении.

Дальше Сокольников пишет Толстому, что партия в конце мая должна прибыть в Якутск: «Повсюду нам сибиряки помогают, доктора делают лекарства, а другие люди снабжают часто провизией или деньгами». Двое ссыльных около г. Верхоленска пригласили Сокольникова к себе и помогли ему закупить в городе продукты и доставить их на место расположения партии. От них Сокольников узнал о том, что в Верхоленске живет 10 человек административно-политических ссыльных, бывших студентов и курсисток, одним из которых был племянник знаменитого скульптора Антокольского.

«Поистине трогательна была лепта этих людей. Ясно было, что каждый уступил свой запас чаю и сахару. Каждый фунт чаю (лучшего сорта) был обернут в особой бумаге, т. е. были чаи в красной и белой обложке... Словом, эти люди отнеслись к нашим сестрам и детям необыкновенно тепло и участливо»[66].

По прибытии в Якутск П. Н. Сокольников сообщает Льву Николаевичу о встрече духоборов с семьями и о тяжелых условиях их существования: «В Якутск мы приехали 17 июня. Сестер встретили братья и мужья их, живущие в Якутске и под Якутском. О положении здешних духоборов пока я имею отрывочные сведения. Сообщу подробнее после. На Ноторе последнее время было только 33 человека: разъехались на летние заработки. По рассказам других, духоборы здесь живут плохо: много хворают. По самым последним известиям, на Ноторе из 33-х человек 11 больных (двое из них, говорят, при смерти)[67].

В том же 1899 году Толстой получил письмо от А. В. Власова, сосланного в г. Змеиногорск Томской губернии за отказ по религиозным убеждениям от присяги Александру III, отрицание царской власти, суда, законов и официальной церкви.

Большое письмо Власова полно отражало его взгляды и те преследования, которым он подвергался за свои убеждения (72; 223—225).

Толстого не могла не заинтересовать судьба его нового сибирского корреспондента, близкого писателю своим непримиримым протестом против деспотического режима России.

Письмо Власова было получено Толстым в тот момент, когда он работал над третьей частью «Воскресения», в кото-

---

[66] Письмо от 7 мая 1899 г. Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого».

[67] Письмо от 19 июня 1899 г. Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого». Полный текст письма приводится в приложении.

рой с огромной публицистической силой разоблачал основы государственного строя России.

Это письмо было для художника новым подтверждением роста стихийного протеста народных низов против русского самодержавия.

Н. К. Гудзием и В. А. Ждановым установлена роль письма Власова в творческой истории третьей части «Воскресения», под непосредственным влиянием которого создана сцена на пароме и образ старика-сектанта[68].

Во втором письме к Толстому А. В. Власов рассказывал о своей жизни в Змеиногорске, о природе края, условиях жизни земледельческого населения. Змеиногорск — «удивительная местность», ...«место гористое, разнотравье, разные цветы». «...Лес строевой в 8 верстах от города», «земля черная», «пахотная». Власов спрашивал у Толстого, нет ли у него знакомых крестьян, нуждающихся в земле: «...можно приехать сюда, здесь прожить и питаться можно легко. Селение от селения верст 40... живут пространно, всего много...»[69].

Переписка Л. Н. Толстого с Н. Е. Федосеевым, П. Н. Сокольниковым, А. В. Власовым характеризует общественную позицию писателя в годы, когда наибольшей остроты достигла его борьба с русским самодержавием и официальной церковью; она вводит нас в ту атмосферу жизни и творчества художника, когда создавалось его самое смелое по силе разоблачения русской государственности произведение — роман «Воскресение».

Из писем Федосеева, Сокольникова, Власова Толстой узнавал не только об условиях жизни сосланных духоборов, но и об отношении к ним сибирского населения, администрации и политических ссыльных.

В них также содержались любопытные сведения об экономике и природе сибирской стороны.

Ответы Толстого на письма его сибирских корреспондентов свидетельствуют о глубокой заинтересованности писателя в трагических судьбах тысяч людей, о четкой антиправительственной позиции художника, ставшего в эти годы выразите-

---

[68] Н. К. Гудзий. История писания и печатания «Воскресения». В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 390. В. Жданов. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, стр. 372—373.

[69] Письмо от 9 июля 1900 г. Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого». Полный текст письма приводится в приложении.

лем протестантских настроений многомиллионного крестьянства.

Однако в них сказались и реакционные взгляды писателя, противопоставившего насилию и произволу властей теорию непротивления злу насилием. Поэтому не случайно в письмах к Федосееву и Сокольникову Толстой желал якутским изгнанникам «душевной силы, терпения, смирения и любви» (71; 375).

В период подготовки и проведения первой русской революции Л. Н. Толстой явился выразителем тех идей и настроений, которые к этому времени сложились у миллионов русского крестьянства.

В статьях В. И. Ленина раскрыта сила и слабость идейной позиции Толстого этих лет: «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидела хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»[70].

Когда после подавления революции 1905 года по России прокатилась волна жестокого террора и страна покрылась столыпинскими виселицами, Толстой написал свое знаменитое «Не могу молчать!», и оно прозвучало на весь мир.

Уже первые войны периода империализма — испано-американская и англо-бурская — встретили у писателя гневное осуждение.

Осуждая борьбу буржуазных правительств с революционным и национальным движением, убийства сотен и тысяч людей путем использования армий, Толстой выступает со статьями-воззваниями «Не убий», «Офицерская памятка» и «Солдатская памятка».

Огромное большинство людей, утверждал он, все рабочие люди, которые несут всю тяжесть войны, не затевают, не желают этих убийств, а участвуют в них против своей воли... Затевает же, приготавливает грабежи и убийства и заставляет рабочий народ совершать их незначительное меньшинство, живущее в роскоши и праздности на труды рабочих.

Отвергая путь революционной борьбы, Толстой предлагал неучастие в борьбе, для солдат и офицеров — отказ от убийства своих собратьев, следование «истинному» христианству.

---

[70] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 323.

Однако идейно слабые стороны взглядов Толстого не мешали использованию его публицистических произведений в революционно-пропагандистской работе русской, в частности, сибирской социал-демократией.

Е. Ярославский в корреспонденции в ленинскую «Искру» в июле 1902 года писал о том, что в канун дня 1 мая 1902 года на улицах Читы расклеивались и разбрасывались отпечатанные на гектографе воззвания «К сибирским рабочим», а также «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка».

«Солдаты резюмировали впечатления таким образом: получили мы от графа Толстого письмо, и граф нам не велел убивать рабочих, и что они так же, как и мы люди, и что в евангелии запрещено убивать»[71].

Воззвания Толстого к солдатам и офицерам разбрасывались в казармах, переписывались от руки и расклеивались в местах размещения войск. Так, 14 августа 1903 года среди войск, находившихся в Забайкалье и передвигавшихся в Манчжурию, в большом количестве были распространены листовки Сибирского социал-демократического союза «К войскам» и «Солдатская памятка» Толстого. В распространении этих воззваний участвовали сами солдаты[72].

Агитационное значение воззваний Толстого было огромно. Они рассматривались властями как призыв к неповиновению правительству. Статьи-воззвания Толстого помогли большевикам в годы русско-японской войны разоблачать царизм.

Из писем редактора иркутской газеты «Восточное обозрение» И. И. Попова Л. Н. Толстой был осведомлен о восприятии событий русско-японской войны самими сибиряками. Попов сообщал Льву Николаевичу о разорении, голоде, болезнях, моральном разложении, которые несла с собой война: «Ужасная война, конечно, отразилась и на Иркутске: масса запасных, проходящие воинские части, всевозможные слухи, плач, пьянство, одним словом, все, что должно характеризовать голод, лежащий перед театром военных действий, — у нас на лицо. К весне и особенно летом попадем прямо-таки в ужасные условия. У нас, вероятно, будут сосредоточены резервы, которые расквартируются по обывателям (мне назначается на постой 30 человек), приведут раненых и больных,

[71] См. С. Ф. Коваль и В. Т. Ангелаков. Начало социал-демократического движения в Сибири и Л. Н. Толстой. «Ангара», 1961, № 9, стр. 121.

[72] Там же, стр. 123.

появятся всевозможные болезни; пожалуй, и чума заглянет, а холеры и разных тифов не избежим. Ко всему этому ужасная дороговизна, уже и теперь хлеб, овес, сахар и пр. сильно вздорожали». ...«Каждый сознает весь ужас и бесцельность войны»[73].

И позже: «у нас было три случая сыпного тифа и теперь ждем развития эпидемии. Иркутск стал военным городом — у обывателей на квартирах войска. Приехали сестры милосердия и санитары. У нас будет главный лазаретный пункт»[74].

«Сибирь войной будет разорена. Сейчас у нас на рынке нет многих товаров, так как подвоз почти прекратился.

...В городе несколько госпиталей и уже имеются тысячи две больных и раненых, но развернут еще 8 госпиталей, и тогда у нас будет 4 тысячи, а в случае размещения по обывателям, то и все 6—8. Вчера получена телеграмма, чтобы немедленно вывести войска в окрестные деревни, а казармы оборудовать под госпитали. Это признак, что под Мукденом ожидается бойня»[75].

Вместе с тем из писем самих солдат, посланных Толстому из Сибири, он знал о настроениях в их среде, о росте их сознания и чувстве протеста против условий и режима воинской службы. Так, солдат Хабаровского 24 Восточно-Сибирского стрелкового полка И. П. Сикора рассказывал о нравах офицерской среды, горькой солдатской жизни, о бесчеловечном обращении офицеров с солдатами[76]:

«Нигде человек не переносит столько горя, унижения, оскорбления и бесчеловечного обращения... За всю службу ничего хорошего не услышишь, кроме ругани бессовестных наших офицеров, выколачивающих за три года из солдата все хорошее... Не человеческими достоинствами наши офицеры дорожат, а золотыми погонами своих мундиров. Большая часть их живет безнравственно и пошло... Сами пьют, гуляют, а солдатам приходится голодать и кормиться на последние свои гроши...

Книг хороших читать не дают, кроме таких, где учат колоть и стрелять в людей, ничего нам не сделавших плохого»[77].

---

[73] Письмо от 5 февраля 1904 г. Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого».

[74] Письмо от 24 марта 1904 г. Там же.

[75] Письмо от 10 декабря 1904 г. Там же.

[76] Письма от 22 мая, 30 июня, 29 августа 1907 г. Там же.

[77] Письмо от 22 мая 1907 г. Там же.

Под влиянием статей и учения Толстого многие из его сибирских почитателей и приверженцев отказались от несения военной службы.

Об этом сообщали в своих письмах к Толстому И. Н. Дерябин (Харбин)[78], А. Архангельский (Тобольск)[79], Е. Е. Гончаренко (Омск)[80], С. П. Чижов и Я. Т. Чага (Иркутск)[81], П. В. Давыдов (Харбин)[82], А. Сорокин (Омск)[83] и другие. Гончаренко, Давыдов, Чага и Чижов рассказывали о тех гонениях, которым они подвергались за свой поступок.

С. П. Чижов и бывший сельский учитель Я. Т. Чага были высланы в Якутскую область на 18 лет и перенесли тяжелые лишения по пути в ссылку.

Бухгалтер г. Константинограда Полтавской губернии Е. Е. Гончаренко в наказание был назначен в роту саперного батальона в г. Омск; после вторичного отказа от военной службы переведен в канцелярию, а затем приговорен к ссылке в Якутскую область на 18 лет. Когда указом о веротерпимости ссылка в Сибирь по религиозным делам была отменена, Гончаренко судили военно-окружным судом и приговорили на 2 года в дисциплинарный батальон.

Толстой знал из писем о его угнетенном душевном состоянии, раздражении и озлоблении, вызванными тяжестью положения и условиями жизни в омской тюрьме[84].

Н. В. Давыдова за отказ, по его собственным словам, от такого «гадкого, грубого дела, как солдатчина», начальство поместило в дом умалишенных; через шесть недель он был переведен на гауптвахту, судим и посажен в томскую тюрьму. Давыдов послал Толстому копию обвинительного акта и сообщил, что многие солдаты «сочувствуют его делу»[85].

Из томской тюрьмы Давыдов был переведен в Бийскую, откуда вновь писал Толстому о своей тюремной жизни: «В настоящее время во всех тюрьмах очень много народу. Я на

---

[78] Письмо от 30 сентября 1907 г. Там же.

[79] Письмо от 28 сентября 1910 г. Там же.

[80] Письмо от 19 января 1905 г. Там же.

[81] Письмо от 7 февраля 1904 г. Там же.

[82] Письмо от 21 августа 1908 г. Там же.

[83] Письмо от 22 ноября 1907 г. Там же.

[84] Письма от 20 и 25 мая 1905 г. и от 3 февраля, 5 марта, 6 апреля 1906 г. Там же.

[85] Письмо от 21 августа 1908 г. Там же.

протяжении трех тысяч верст ж. д. пути заходил в 5 тюрем: как-то Харбин, Чита, Иркутск, Красноярск, Томск и вот сейчас Бийск и везде полно...»[86].

В следующих письмах Давыдов спрашивал у Толстого о причинах ссылки Н. Н. Гусева и о возможных сроках его освобождения, поздравлял писателя с днем рождения, желая, чтобы его жизнь «продлилась на многие годы... на пользу народу»[87].

Под влиянием Толстого отказался от несения воинской службы и будущий омский писатель Антон Сорокин.

Как показано в статье Еф. Беленького[88], А. Сорокин — плодовитый писатель, автор большого числа произведений, из которых только немногие увидели свет. Главные темы творчества А. Сорокина — показ кричащих противоречий буржуазного общества (повесть «Хохот желтого дьявола», пьеса «Золото») и разоблачение войны с общегуманистических позиций (рассказ «Черный вой» и др.).

Как писатель А. Сорокин развивался под решающим влиянием А. М. Горького. Однако истоки основных тем его творчества уходят глубже и связаны с именем Толстого. Во втором письме к Толстому[89] А. Сорокин сообщает, что его решение отказаться от военной службы продиктовано чтением произведений писателя. «Я увидел, что для правительства страшен этот способ отказа от исполнения воинских повинностей, и правительство старается, чтобы этот способ не проник в армию... Недавно я получил сведения об отказе на Востоке 30 нижних чинов...». В письме Сорокина проступает свойственное ему в будущей литературной деятельности критическое отношение к буржуазной действительности, которая автору письма кажется «безумной»[90]. Здесь же он говорит о своем отрицании уродливой буржуазной морали, официальной церкви и поисках смысла и цели жизни.

В письмах к своим сибирским корреспондентам Толстой всегда выражает одобрение их поступков.

---

[86] Там же.

[87] Письма от 15 января и 16 августа 1910 г. Там же.

[88] Еф. Беленький. Незаслуженно забытый. (О творчестве Антона Сорокина). «Сиб. огни», 1962, № 1, стр. 168—175.

[89] Текст первого неизвестен. — А. К.

[90] Письмо от 22 ноября 1907 г. Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого». Полный текст письма дан в приложении.

Он считает правильным решение А. Сорокина отказаться от военной службы (76; 164). Поступок П. Н. Давыдова рассматривает «Как самое важное дело, которое может сделать человек для уничтожения того зла, насилия, жестокости и обмана, от которых теперь страдают люди...» (78; 216—217). Чаге выражает свою «любовь и благодарность» (75; 19—20).

Толстой «радуется тому доброму делу», которое делает Гончаренко (75; 222).

С большой энергией и искренним желанием помочь страдающим людям обращается Толстой ко всем, кто мог так или иначе принять в них участие.

Он пишет письмо редактору газеты «Восточное обозрение» И. И. Попову с просьбой помочь в деле Чаги и Чижова, а также навести справки, отправлены ли они из тюрьмы или оставлены до начала навигации (75; 40); перед иркутским генерал-губернатором П. И. Кутайсовым ходатайствует об облегчении положения Чаги и разрешении ему ехать в Якутск отдельно от партии (75; 47); якутского генерал-губернатора В. Н. Булатова просит разрешить Чаге остаться на жительство в Якутске (75; 79).

Дело Гончаренко для Толстого было очень важным и близким сердцу. В письмах к омскому генерал-губернатору Н. Н. Сухотину (75; 251) и военному министру В. В. Сахарову (75; 249) Толстой просит смягчить наказание Гончаренко.

Писатель следил за всеми изменениями в судьбе своего сибирского последователя и, как только ему стало известно о переводе Гончаренко в дисциплинарный батальон с возможным телесным наказанием, Толстой немедленно пишет А. В. Олсуфьеву, В. В. Стасову, А. Ф. Кони (76; 31, 29—30, 28—29), прося их сделать все возможное через правительственных лиц для пересмотра дела Гончаренко. Он взволнованно благодарит А. Ф. Кони, добившегося перевода Гончаренко из дисциплинарного батальона в омскую гражданскую тюрьму (76; 37).

Одновременно в письмах Толстого звучит мотив его личной моральной ответственности за судьбы страдающих людей и вины за внешнее благополучие и безопасность, в условиях которых проходит его, Толстого жизнь.

П. Н. Давыдову (78; 216—217) и Я. Т. Чаге он пишет: «Стыдно мне от того, что в то время, как вы сидите с так называемыми преступниками в вонючем остроге, я роскоше-

ствую с так не называемыми преступниками, пользуясь всеми материальными удобствами жизни» (75; 19—20).

Переписка Толстого с его сибирскими корреспондентами в годы подготовки, а затем поражения первой русской революции свидетельствует как о силе, так и о слабости идейной позиции писателя.

Сочувствуя борьбе сотен и тысяч людей, Толстой в то же время желает своим сибирским адресатам «мягкости, мира в общении с окружающими», с «терпением и кротостью переносить испытания» (75; 205).

Переписка Л. Н. Толстого с сибиряками не ограничивается рассмотренными обстоятельствами.

Из разных городов Сибири и Дальнего Востока — Томска, Омска, Барнаула, Тобольска, Тюмени, Красноярска, Ново-Николаевска, Хабаровска, Владивостока, а также из деревень разных губерний старой Сибири, ее уголовных и политических тюрем шли письма в Ясную Поляну.

Корреспонденты Толстого — люди самого различного общественного положения: крестьяне, солдаты, служащие, чиновники, представители интеллигенции, учащиеся, а также политические и уголовные заключенные

Авторы писем обращались за разрешением жизненных, моральных, религиозных вопросов, рассказывали о злоупотреблениях местных властей, просили послать книги, автографы.

Большинство этих писем написано людьми малограмотными, социально-приниженными, тем ярче вырисовывается воздействие творчества и личности великого художника, влияние которого проникало в самые низы сибирского общества.

Это влияние было опять-таки двояким. Как свидетельствуют письма к Толстому из Сибири, известная часть почитателей и последователей писателя оказывалась под воздействием его религиозно-философского учения и обращалась к Толстому главным образом за решением религиозно-моральных вопросов. Толстой отвечал этим корреспондентам в духе своего учения и посылал книги религиозного содержания.

И в условиях Сибири религиозно-философское учение Толстого объективно имело реакционное значение.

Однако большая часть писем свидетельствует о стремлении сибирских читателей глубже понять социальный смысл наиболее значительных созданий художника.

Например, служащий управления Томской дороги Н. И. Серенчук обратился к Толстому с просьбой выслать собрание сочинений и заключил свое письмо словами: «Причем моя заветная мечта иметь все твои сочинения на своем столе. Эти книги как «Война и мир», «Анна Каренина», «Люцерн» и другие — мои спутники в жизни»[91].

Простой работник, житель поселка Ачаир Акмолинской области Омского уезда Мишанин просил выслать произведения Толстого «Одумайтесь», «Как освободиться рабочему народу», «Не убий», «Солдатская памятка», «К фельдфебелю», «Офицерская памятка» и др.[92].

Солдат И. П. Сикора из Хабаровска пишет, что он слышал о Толстом «самые добрые отзывы людей, начиная с запада Европейской России... и на далекой окраине Азии», и просит выслать «самое дешевое и полное собрание сочинений без всяких сокращений и пропусков»[93].

Весовщик товарной конторы в Иркутске Г. И. Семин пишет о своем желании приобрести полное собрание сочинений Толстого без цензурных изъятий[94].

Много писем Толстой получал от политических, уголовных заключенных и ссыльных.

Так, политический ссыльный из дер. Тунгузка Енисейской губернии Туруханского края М. Васильченко рассказывал Толстому об ужасных условиях жизни ссыльных, при которых многие сходят с ума, кончают жизнь самоубийством. М. Васильченко просил прислать сочинения Толстого «Не убий», «Не могу молчать»[95].

Близким по содержанию было письмо И. Е. Ермолаева из Якутии[96].

Некоторые из политических ссыльных, как, например, С. И. Мунтьянов, из села Нижне-Илинского Иркутской губернии, вступали в полемику с учением Толстого[97].

Самим Толстым, а также по его поручению В. Ф. Булгаковым было послано в Сибирь много книг самого разнообраз-

---

[91] Письмо от 28 июня 1908 г. Там. же.

[92] Письмо от 2 июня 1908 г. Там же.

[93] Письмо от 22 мая 1907 г. Там же.

[94] Письмо от 12 февраля 1910 г. Там же.

[95] Письмо от 5 марта 1909 г. Там же.

[96] Письмо от 10 марта 1910 г. Там же.

[97] Письмо от 5 января 1910 г. см. «Литературное наследство», 1939, № 37—38, стр. 354.

ного содержания. Главным образом это были сочинения самого Л. Н. Толстого, а также книги по философии, истории, социологии.

На протяжении многих лет Л. Н. Толстой интересовался также исторической и художественной литературой о Сибири, которая для него была наиболее достоверным источником познания сибирской стороны.

Большой интерес представляют книги о Сибири, имеющиеся в личной библиотеке Л Н. Толстого в Ясной Поляне. Всех их более 50-ти. Толстой начал собирать книги о Сибири, начиная с 80-х годов. Среди них известная монография П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», кн. 1, СПБ. 1886; С. В. Максимова «Сибирь и каторга», СПБ, 1891; Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», СПБ, 1872; П. Ф. Якубович (Мельшин Л.) «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника». СПБ, 1896; В. М. Дорошевича «Сахалин (Каторга)», М. 1903; «Амур и Уссурийский край», М. 1885; «Дорожник по Сибири и Азии, России», кн. 3, Томск, 1900, и многие другие.

Много книг послано Л. Н. Толстому в подарок самими авторами с дарственными надписями и выражением глубокого преклонения перед огромным дарованием художника.

Среди них такие книги:

Юдыцкий И. «Горючие ископаемые», Томск, 1887; Медведев Н. И. «Переселенцы в Сибири», СПБ, 1891; Долгоруков В. А. «Путеводитель по всей Сибири», Томск, 1898; Годлевский С. Ф. «Смерть Неволина и его скитания по Сибири», СПБ, 1900; Вольфсон Д. «Сибирские воскресные школы», Томск, 1903; П. И. Соколов-Костромской, «Тайга и ее обитатели. Из путешествия по сибирской тайге», СПБ, 1903; его же «Записки колонизатора Сибири», СПБ, 1903; Амфитеатров А. «Сибирские этюды», СПБ, 1904; Миролюбов И. П. «Восемь лет на Сахалине», СПБ, 1901; Никитин Е. В. «Накануне реформы средних школ». Томск, 1903; Тосенинов Г. В. «Из жизни», вып. 1—4, Владивосток, 1908; Левицкий И. «Нечто новое о наших неудачах на Дальнем Востоке». Иркутск, 1908; Малиновский И. «Кровавая месть и смертные казни», вып. 1—2, Томск, 1908—1909; его же «Русские писатели-художники о смертной казни», Томск, 1910; А. И. Дмитриев-Мамонов. «Декабристы в Западной Сибири». Очерк по официальным документам. М., 1895.

Вот некоторые из дарственных надписей, имеющихся на книгах, посланных писателю: «Великому мыслителю, графу

Льву Николаевичу Толстому, свой скромный труд приносит составитель А. Д. Дмитриев-Мамонов. 1895 г., Омск».

«Прошу принять, как знак глубокого уважения к Вам. Составитель-издатель В. Долгоруков. Томск. 1898 сентября 20».

Д. Вольфсон пишет: «Великому гражданину Льву Николаевичу Толстому. Автор».

Н. И. Медведев: «С чувством глубочайшего уважения Льву Николаевичу Толстому, от автора. 14 сентября 1891».

Эти книги представляли для Толстого богатый источник ознакомления с географией, историей, этнографией края, знакомили писателя с наиболее значительными моментами его экономического развития, с основными этапами колонизации Сибири.

На многих из названных книг имеются пометы Льва Николаевича, многие из них, как сказано выше, он использовал в работе над своими произведениями, особенно над романом «Воскресение».

Большой интерес Толстого вызвала книга профессора Томского университета И. Малиновского «Кровавая месть и смертные казни», вып. 1, Томск, 1908.

На первой странице книги рукой автора написано: «Льву Николаевичу Толстому, обличителю всякого насилия и, в частности, великого зла, именуемого смертной казнью. От автора».

Ниже рукой В. Булгакова написано: «Л. Н. просматривал в 1910 г. и писал автору. В. Б.».

Толстого глубоко заинтересовала и взволновала книга И. Малиновского, в которой показаны исторические корни смертной казни, как явления, порожденного общественно-политической реакцией.

Сам Толстой не раз в своих художественных произведениях — «Божеском и человеческом», романе «Воскресение», резко выступал против смертных казней и потому с особенным вниманием отнесся к книге И. Малиновского, находя в ней много созвучного своим взглядам.

Книга И. Малиновского была написана в годы мрачной реакции, наступившей после разгрома первой русской революции, когда смертные казни стали массовым, «бытовым», по словам В. Г. Короленко, явлением.

В 1908 году Толстой написал гневный памфлет «Не могу молчать», в котором резко осудил жестокую политику царизма.

На полях книги И. Малиновского Лев Николаевич отметил карандашом те места, которые обратили его внимание. Углы некоторых страниц загнуты рукой Толстого.

Так, на стр. 122 отмечен большой абзац, в котором говорится о причинах прилива и отлива смертных казней в России. Автор пишет: «Моя точка зрения такова: под влиянием разнообразных условий общественной и государственной жизни традиции времен кровавой мести то замирают, то возрождаются».

На стр. 71 Лев Николаевич отчеркнул карандашом целый абзац, в котором сообщалось о числе смертных казней за один день в разных городах России.

На стр. 123—124 отчеркнуты заключительные слова из монографии историка Костомарова о Стеньке Разине, которые приводит И. Малиновский в доказательство неизбежности народного возмездия, как исторического закона.

На стр. 131 двумя чертами отмечена целая страница, где приводятся данные о числе самоубийств в России.

На стр. 137 отмечены слова, свидетельствующие о позиции правящих кругов в период реакции: «Князь Касаткин-Ростовский на заседании Государственного Совета (сессии 1906 года) при обсуждении вопроса о смертной казни доказывал, что смертная казнь не противоречит воззрениям русского народа».

На стр. 138 отмечены двумя чертами данные о выступлениях депутатов Государственной Думы в защиту смертных казней.

Заметки, сделанные Л. Н. Толстым на полях книги, свидетельствуют о том, что его интересовало прежде всего общественно-политическое ее содержание.

Лев Николаевич благодарил И. Малиновского за присылку и написание «прекрасной книги», которая будет иметь «большое значение для освобождения нашего общества и народа от ужасного гипноза... (т. е. смертных казней—А. К.). Книга ваша, как я уверен, благодаря импонирующему массам авторитету науки, главное же — тому чувству негодования против зла, которым она проникнута, будет одним из главных деятелей этого освобождения» (82; 169—170).

И. А. Малиновский отвечал Л. Н. Толстому письмом, в котором говорил об исторической и государственной обусловленности смертных казней:

«Где же выход из этого ужасного положения? Нужно так перестроить общество и государство, чтобы не было тех ус-

ловий, которые доводят людей до отчаяния. Нужно так переделать, перевоспитать человека, чтобы он ни в коем случае не мог решиться на кровопролитие»[98].

В переписке Л. Н. Толстого с его сибирскими корреспондентами собственно сибирская тема занимает свое место, не являясь, однако, главной.

Общественные и политические события конца 19, начала 20 веков определили ее содержание.

Переписка дополняет представление об идейной позиции Л. Н Толстого этого периода, вводит в атмосферу творчества писателя.

Для сибиряков Л. Н. Толстой был великим общественным и нравственным авторитетом. Письма сибиряков к Толстому расширяют представление о большом влиянии прогрессивных сторон его творческого наследия на самосознание сибирского общества и прежде всего демократических его слоев.

Л. Н. Толстой был одним из самых популярных и любимых писателей в Сибири.

Об этом свидетельствует, в частности, отношение сибирской общественности к юбилею великого художника — 80-летию со дня его рождения, отмеченному всей прогрессивной общественностью мира.

В сибирской периодической печати появилось много статей, в которых говорилось об огромном значении творчества Л. Н. Толстого в истории русской и мировой литературы и культуры.

В юбилейном номере журнала «Сибирские вопросы» на первой странице было напечатано:

«Посвящается великому писателю земли русской».

Журнал открывался статьей «День 28 августа», в которой юбилей великого художника назывался «светлым, торжественным днем, чудным праздником русской речи, русской мысли, русского самосознания»[99].

Специальная статья посвящена отношению Л. Н. Толстого к Сибири.

В ней говорилось также об огромной популярности произведений писателя в Сибири: «Как и вся остальная Россия, Сибирь хорошо знакома с сочинениями Льва Николаевича.

---

[98] Письмо от 29 сентября 1910 г. Фонд «Корреспонденты Л. Н. Толстого».

[99] «Сибирские вопросы», 1908, № 21—22, стр. 3.

Нет ни одного сколько-нибудь культурного центра Сибири, где у него не было бы усердных читателей и пламенных почитателей.

Политические ссыльные познакомили с Толстым жителей и таких беспросветных захолустьев, как Туруханский край, северные округа Якутской области, Приангарье. Просматривая отчеты сибирских библиотек, видишь, что сочинения Толстого читаются очень охотно»[100].

В статье выражалось глубокое сожаление о том, что Толстой не был в Сибири: «В противном случае, нет сомнения, Сибирь вдохновила бы его, и мы имели бы новый ряд несравненных произведений»[101].

Сибирские газеты «Красноярец»[102], «Далекая окраина» (Владивосток) [103], и др. выходят с приложениями, в которых печатаются портрет Л. Н. Толстого, биография, статьи, посвященные творчеству писателя, приветственные телеграммы.

Множество поздравительных телеграмм шло в Ясную Поляну от простых тружеников Сибири.

Так, железнодорожные служащие с Амура послали Л. Н. Толстому телеграмму следующего содержания:

«Переносясь мысленно в центр России, где Вас, Лев Николаевич, приветствуют все поборники лучшего общества, мы приносим вам свои лучшие пожелания, как великому художнику и великому, грозному своей правдой, обличителю творящегося зла. Мы верим, что еще не раз прозвучит ваше могучее слово, призывая к ответу поработителей и угнетателей народа. От всей души желаем, чтобы при вашей славной жизни успел вздохнуть свободно, согретый взаимной любовью, могучей грудью измученный народ. Служащие технического отдела Амурской дороги»[104].

Из далекого Сунтарского улуса Якутии Л. Н. Толстому было послано приветствие от кружка грамотных якутов.

В газете политических ссыльных «Якутская жизнь» говорилось: «Будет время, когда якуты, дав свое, почерпнут обеими пригоршнями очень многое из русской литературы...

---

[100] «Сибирские вопросы», 1908, № 21—22, стр. 5—6.

[101] Там же, стр. 7—8.

[102] «Красноярец», 28 августа 1908 г., № 190.

[103] «Далекая окраина», 28 августа 1908 г., № 701.

[104] См. П. И. Бирюков. Биография, т. 4, 1923, стр. 163.

Тогда русский Толстой будет в такой же степени и якутским. Толстой бессмертен, он доживет до этого»[105].

Смерть великого русского писателя потрясла весь мир. Глубокой скорбью отозвалась она и в Сибири.

Сибирское общество внимательно следило за тяжелой драмой последних лет жизни Льва Николаевича Толстого. Об этом свидетельствуют сообщения многих сибирских газет. Так, томская газета «Сибирская жизнь» и «Омский Вестник» печатают известия об уходе писателя из Ясной Поляны[106], бюллетени о состоянии здоровья[107], о похоронах великого писателя. 9 ноября 1910 года номер «Омского вестника» вышел в траурной кайме и весь был посвящен Л. Н. Толстому[108].

Газета отмечала, что смерть Льва Николаевича Толстого глубоко потрясла простых людей города. Простой народ воспринял ее, как невозвратимую потерю своего заступника и борца с социальной несправедливостью.

Рабочие и служащие типографии «Иртыш» послали в Ясную Поляну телеграмму следующего содержания:

«Рабочие и служащие типографии «Иртыш» выражают безграничную скорбь по поводу мировой утраты — смерти Льва Николаевича — благородного и смелого обличителя социальной неправды»[109].

На омском заводе Рандруп в знак траура рабочие прекратили работу.

Трагическая весть достигла и глухих уголков нашего края. Из деревень поступали в редакцию запросы о высылке номеров газет, посвященных Л. Н. Толстому[110].

Великим художником, страстным и непримиримым обличителем социального зла вошел Л. Н. Толстой в сознание своих сибирских читателей. Таким сложился его образ и в народном творчестве сибиряков.

Краевед Е. И. Владимиров записал в Красноярском крае фольклорный рассказ о Л. Н. Толстом и его борьбе с церковниками:

---

[105] См. А. Малькова. Учитель и друг якутов. «Литература и жизнь», 23 ноября, 1960 г., № 139.

[106] «Сибирская жизнь», № 243; «Омский вестник», № 234.

[107] «Сибирская жизнь», № 248; «Омский вестник», № 240, № 244.

[108] «Омский вестник», № 241.

[109] «Омский вестник», № 241.

«А сколько чудес творил Л. Толстой с духовенством. Вот, однажды, прошел слух по губернии, что в такой-то день, в 10 часов утра, к заутрени придет на молебствие Лев Николаевич Толстой. Народу собралось видимо-невидимо, все недоумевали, как-де это так, Толстой высмеивал попов и монахов, а тут в лавру на молебствие идет.

Монахи дорогу к лавре усыпали зеленью, цветами. Полицейские разгоняют толпу, собравшуюся посмотреть на Толстого.

Время вышло, а Толстой не появляется на тропе, усыпанной цветами. Но вот какой-то старик, в рваных лаптях, в старой холщовой рубашонке, в изношенной шляпе и опоясан красным поясочком выделился из толпы и направился к лавре. Его немедленно схватили полицейские и за шиворот втолкали в толпу.

Лев Николаевич снял шляпу, обратился к народу и говорит:

— Вот она церковь какая: если графу Толстому, так можно входить в лавру, а мужику Толстому нельзя.

Толпа так и ахнула и убедилась, что Толстой не богу молиться пошел, а чтобы новый раз выставить на чистую воду духовенство. Назавтра в своей же типографии книжечку об этом напечатал, и узнала об этом вся наша Россия»[111].

Творческое наследие Л. Н. Толстого поражает эпической широтой. Круг жизненного общения великого художника охватывал людей многих стран мира.

Связи Л. Н. Толстого с Сибирью — одна из граней этого общения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Первое письмо я послал вам через приятеля своего (по его адресу) еще из России. Сообщал Вам о том, как сестры ехали с Кавказа до г. Козлова. Состояние их было тогда довольно хорошее; только у одной женщины был воспален глаз (соединит. обол. и роговица), да мальчик лихорадил.

---

[110] «Омский вестник», № 243.

[111] Ал. Гуревич. Народные рассказы и легенды о Толстом. «Восточно-сибирская газета» от 21 ноября 1940 г.

В ст. Козлов нас встретили очень гостеприимно, о чем я Вам сообщал в первом письме.

Также упомянул о том, что сопровождающий их полицейский надзиратель К. В. Высоцкий о сестрах и детях всячески заботился.

Из Москвы я выехал 14 марта по билету прямого сообщения до Иркутска (в 3 классе), а сестры из Новороссийска до Иркутска взяли билеты 4 кл. (7 р. 15 коп.).

Так как сестры в общем ехали хорошо, имели надежного и отзывчивого провожатого, не лишены были медицинской помощи (на станциях то и дело встречались железнодорожные и переселенческие врачи), то я решил несколько опередить партию и заехать в Томск, где рассчитывал сделать сборы в пользу детей и женщин.

Томские знакомые и вообще сибиряки не обманули моих надежд, отнеслись очень сочувственно, и я в течение 2-х дней собрал 93 р. 50 к. Будь другое время, то я, наверное, собрал бы еще больше: томская интеллигентная публика в нынешнем году очень напряженно помогала увольняемым и высылаемым студентам (собрано было всего около $2^1/_2$ тысячи рублей). Потому нынешний год был неблагоприятный для сборов. Сибиряки помогали нам немало и вообще отнеслись очень сочувственно к судьбе этих женщин и детей. Жаль, что сейчас у меня нет времени, и я не могу коснуться некоторых подробностей дела.

В станции «Тайга» я вновь встретил партию 7 апреля. Тут я узнал, что один мальчик уехал из Кавказа с больными деснами и зубами, так что запах изо рта тяжелый. Оказалось, что у него цынга, но только сестры долго не придавали этому значения и почти совсем не лечили.

На ближайшем переселенческом пункте у доктора Сосунова мы взяли лекарства и рыбий жир.

Четыре гниющих зуба я выдернул пальцами, а на переселенческом пункте вытащил еще три зуба. Теперь состояние мальчика улучшилось.

14 апреля мы приехали в Иркутск, где нас как администрация, так и общество приняли радушно. Городское управление отвело пустующий дом, снабжало водой и дровами. Две сестры и старик из Иркутска съездили в Александровскую тюрьму (за 60 верст), где сестры видели своих мужей.

В Александровской тюрьме сидит 11 человек духоборов и ждет отправления этапом. Нас сначала хотели отправить в виде особой партии, так как первую этапную партию, кото-

рая должна быть отправлена 3 мая, мы пропустили, а вторая будет отправлена только в июле месяце. Но входя в положение сестер, администрация хотела отправить нас в виде особой партии 22 апреля. Я побывал в Иркутске у губернатора, тюремного инспектора и полицеймейстера и вел разные переговоры по поводу отправки сестер и разрешения им сопутствовать.

Принимали повсюду любезно и предупредительно. Но потом, благодаря Митрофану Васильевичу Пихтину, которому привез ваше письмо, дело повернулось совсем иначе и появилась возможность нам ехать на частные средства.

Митрофан Васильевич (интеллигентный и предприимчивый доверенный А. И. Громовой) решил на счет Громовой нанять возчиков до Качуги, что на верховьях Лены, а дальше отправить до ближайшей пароходной станции на торговых паузках. Оттуда их посадят на баржу Громовского парохода и доставят не только в Якутск, но провезут еще 880 с лишком верст по Лене и Алдану до устья реки Ноторы.

В Якутске сестер встретят их мужья. Громовы отправляют их совершенно даром, значит нам нужны средства только на пропитание.

Разные сопутствующие лица в пользу сестер собрали в Иркутске более 200 рублей.

Шлю Вам искренний привет и желаю Вам здоровья, бодрости и энергичной работы на пользу ближних»[112].

2.

1899, 19/VI

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Я должен извиниться перед Вами в том, что не написал Вам тотчас же по приезде, а пишу спустя 18 дней. Скажу, что было очень много хлопот, и я ездил в свой улус (за 150 верст от Якутска).

В Якутск мы приехали 17 июня. Сестер встретили братья и мужья их, живущие в Якутске и под Якутском. О положении здешних духоборов пока я имею отрывочные сведения. Сообщу подробнее после. На Ноторе последнее время было только 33 человека: разъехались на летние заработки. По

[112] Письмо П. Н. Сокольникова от 25 апреля 1899 г. Архив Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

рассказам других, духоборы здесь живут плохо: много хворают. По самым последним известиям, на Ноторе из 33-х человек 11 больных (двое из них, говорят, при смерти). По мнению частного лица, у них цынга. Усть-Ноторский поселок относится к ведению другого врача (Амгинского); я же врачом в 4-м участке Якутского округа (Чурапчинском). По частным справкам оказывается, что Усть-Ноторский поселок от моего села даже ближе, чем от Амгинской слободы, где живет врач Амгинский. Я теперь хлопочу, о том, чтобы Усть-Ноторский поселок перевели под мое ведение. Тогда я съездил бы на Усть-Нотору и увидел на месте, как живут духоборы. Летом туда можно проехать на верховых лошадях ближайшей дорогой (тогда будет от моего села до ноторского поселка 200 верст с небольшим).

Некоторые сестры и братья уехали на пароходе А. И. Громовой 12 июля. Меня тогда в Якутске не было. Часть сестер и братьев осталась в Якутске или под Якутском на заработках. Подробнее напишу позже.

В личной моей жизни есть неприятность: мать моя умерла только за месяц до моего приезда в Якутск. Отец у меня умер, когда я был на II курсе университета.

Шлю искренний привет всем членам Вашей семьи и друзьям вашим. Сохраняю о Вас и о всех, кого у Вас видел, очень приятные воспоминания. Буду очень рад, если получу какие-нибудь известия о Вас и ваших друзьях. Адрес мой: г. Якутск, врачу 4-го участка Прокопию Несторовичу Сокольникову.

П. СОКОЛЬНИКОВ.

Р.. Вернее писать заказные письма. Я забыл отметить, что якутский губернатор оказал сестрам очень радушный прием и даже отвел им временную квартиру в своем доме, так как он сам жил на даче. Население меня приняло очень радушно. Нужда в медицинской помощи подавляющая[113].

3.

«Любезный брат Лев Николаевич!

Сообщаю тебе, что я приехал из г. Баку в г. Змеиногорск Томской губернии. Опишу жизнь и местность. Начиная с Петропавловска до Змеиногорска дождей не было; посе-

[113] Письмо П. Н. Сокольникова от 19 июня 1899 г. Там же.

вы и луга все посохли; удивительная местность — Змеиногорск; когда стали подъезжать к Змеиногорску, показалась окончательно другая природа, место гористое, разнотравье, разные цветы: мы насчитали разной породы до 70 цветов. Лес строевой в 8 верстах от города, в городе три речушки и лес мелкий, смородина красная и зеленая, черемуха, рябина, калина, боярка, малина, клубника, брусника, голубица или черника, крыжовник; место потное, земля черная:, трава и пшеница не засохли около Змеиногорска верст на 400; все здесь дешево: масло коровье 6 р. пуд, мед 6 р. пуд, картофель 8 коп. мера или пуд, капуста 3 р. сотня.

Мы купили корову за 11 рубл., молока доит 5 крынок; коровы от 8 рублей до 20; дороже нет; лошади от 8 рублей до 30 р. — ломовые, выездные от 40 р. до 60 р., дороже не бывают.

Земли — пахотная 40 коп. десятина, луга для покоса 80 коп., под пастбища 20 коп. десятина. Место в городе для постройки дома одна десятина 1 руб. в год.

Здесь от Омска до Змеева более 300 заводов масляных, здесь кормиться можно: квартира один р. 30 коп. в месяц, дрова 2 руб. 20 к. сажень.

Я сообщаю тебе для того, может у тебя есть на предмете крестьяне, живущие в очень тесном месте, то можно переехать сюда, здесь прожить и питаться можно легко. Селения от селения верст 40... живут пространно, всего много... Мы приехали три семейства из Баку, 12 душ всего с детьми. 2 июля на наше собрание явился поп и волостной писарь, нас всего было около 30 человек. Я читал Евангелие, 5 глав Матвея, когда окончил я, то спросил всех вообще, может быть кто имеет что спросить относительно прочитанного мною, поп и писари встали и пошли, ничего не сказав, но народ слова евангельского не слышал; удивляются и говорят, что этого нет и писанного, когда укажешь, то удивляются...»[114].

4.

«Лев Николаевич!

Я знаю, многие спрашивают у вас совета, как жить? Что делать? Таким людям вы можете ответить только одно: читайте мои сочинения. Прежде чем написать Вам письмо, я прочитал Ваши сочинения. Вы нашли цель жизни и указы-

[114] Письмо А. В. Власова от 9 июля 1900 г. Там же.

ваете другим эту разумную цель. В 1906 году 26 июня я получил от Вас ответ на свое письмо. Я спрашивал Вас, как должен поступить христианин, должен ли он отказаться от службы (военной) или не противясь злому, служить, но отказаться только от убийства. Вы мне ответили, что только два способа, третьего нет. Или служить и сознавать, что поступаешь дурно, или отказаться.

Я отказался от службы, но поступил осторожно, пользуясь вашими указаниями, которые я нашел в книге «Царство божие внутри нас». Меня от службы освободили. Я увидел, что для правительства страшен этот способ отказа от исполнения воинских повинностей и правительство старается, чтобы этот способ не проник в армию.

В настоящее время я думаю помогать тем, кто отказывается от исполнения воинской повинности по евангельскому учению.

Недавно я получил сведения об отказе на Востоке 30 нижних чинов.... Конечно, за освобождение от службы я должен быть благодарен Вам, одно необдуманное слово в этом случае могло бы погубить меня... и, конечно, пришлось бы посидеть в тюрьме...

В Ваших сочинениях я читаю: человек должен быть с вашей нравственностью, высшая нравственность и цель жизни в исполнении евангельского учения и вера в Бога.

Бог — любовь. Для человека с высшей нравственностью вся жизнь цивилизованных людей кажется безумной. Театры, цирки, где под куполом извиваются полуголые люди, рискуя упасть и расшибить голову... Университеты, где учатся на доктора, убивая тысячи больных, дома терпимости, бойни, где убивают тысячи скота... и даже супружество не может оправдать человека с высшей нравственностью. Люди женятся только для того, чтобы получить удовольствия и избавиться по возможности от потомства...

В церквах люди молятся кровожадному богу... молятся и ждут чудо, что бог поможет только им одним. Священники подносят крест — символ любви и всепрощения — к губам присужденного к смерти.

Политические деятели, желающие облегчить жизнь народа насилием, также имеют цель жизни ложную, и когда сознают это, то, потратив лучшие годы своей жизни, не хотят уже отказаться от заблуждения... Я не знаю, может ли для последователя христианского учения исчезнуть цель жизни, например, когда его дети не будут последователями этого уче-

ния?.. И когда он увидит, что только люди, пользующиеся насилием, живут, наслаждаясь жизнью, а он мерзнет от холода, умирает с голода... Когда он увидит, что никогда все люди не могут быть христианами...

Может быть, мое письмо наивно, я надеюсь, Лев Николаевич, Вы ответите, что делать человеку, когда он потеряет веру в высшую нравственность, в Бога — любовь... потеряет веру в человека... и будет задавать вопрос, если есть создатель жизни, почему он так неразумно создал жизнь людей, а если нет, стоит ли жить?

Отличается ли человек от животного, если свою жизнь он поддерживает, убивая друг друга и пожирая труды своих братьев и питаясь жизнями животных? С уважением Антон Сорокин»[115].

---

[115] Письмо А. Сорокина от 22 ноября 1907 г. Там же.

ПОВЕСТЬ Н. С. ЛЕСКОВА «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК».

В хрониках «Соборяне», «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род» Н. С. Лесков пытается найти идеальную действительность и идеального героя в давнем и недавнем прошлом. Однако при всем своем скептическом отношении к пореформенной русской жизни писатель не оставляет надежды и в современной ему действительности обнаружить положительные начала, на которых зиждется мощь и крепость страны, с честью выдержавшей большие исторические испытания. И уже хроники Лескова, посвященные милой его сердцу русской старине, во многом предопределяют основное направление его дальнейших поисков, связанных с решением этой главной проблемы его творчества — проблемы положительного идеала.

Любимые герои Лескова, изображенные в его хрониках с нескрываемой теплотой и симпатией, — это люди, органически связанные с родной «почвой», преданием, сказкой. Как старые могучие деревья, они имеют глубокие корни, как бы связующие их с живой стихией русского национального духа. Дерзостная строптивость протопопа Туберозова в «Соборянах» оказывается сродни мужественной преданности своей вере опального протопопа Аввакума, самая личность которого представлялась писателю квинтэссенцией русского характера. В характере боярыни Плодомасовой Лесков также акцентирует типические черты русского психологического склада, роднящие ее с простыми людьми, среди которых она живет. В «Соборянах», «Старых годах в селе Плодомасове», а позднее и в «Захудалом роде» перед нами старая, кондовая

Русь, Русь «черноземная», еще почти ничего не утратившая в своей колоритной национальной самобытности. В органической близости к этой Руси и кроется источник необоримой нравственной силы идеальных героев хроник. Герои, оторвавшиеся от нее, изображены писателем людьми мелкими, ничтожными в своем ограниченном самодовольстве, внутренне опустошенными. Так в сознании Лескова, а вместе с тем и в его произведениях все более четко оформляется мысль о том, что важнейший критерий нравственной ценности человека — его близость к живой национальной стихии русской жизни и верность ее традициям, уходящим в далекое прошлое. Естественно поэтому, что в современной ему действительности идеальных героев — носителей лучших черт национального духа — Лесков ищет и находит не в привилегированных сословиях, где ему видится засилие духа буржуазного меркантилизма и аристократической кастовости, а в среде самого народа, верного самому себе, своей истории, своим преданиям, отразившим его исстари сложившийся нравственный идеал. Вслед за хрониками «Соборяне» и «Старые годы в селе Плодомасове» писатель создает одно из лучших своих произведений повесть «Очарованный странник» (1873), главным героем которой оказывается крепостной крестьянин Иван Северьяныч Флягин.

Само обращение Лескова в поисках положительных начал русской жизни к народной среде заключало в себе известный вызов широко бытовавшему тогда в критике мнению о том, что в «низком» сословии писателю якобы невозможно найти поэтических характеров и внутреннего драматического содержания.

О том, насколько устойчивым было тогда в литературной среде предубеждение против изображения народной жизни, с которым последовательно боролся Лесков, свидетельствует программная статья Салтыкова-Щедрина под красноречивым заглавием «Напрасные опасения» (1868). Основной пафос ее — полемика с аристократической критикой; в противоположность ей автор утверждает, что, несмотря на свою известную неразвитость, только простонародная среда может породить те положительные типы, появления которых так давно ожидает русская литература. В изучении этих типов и их правдивом изображении он видит главную задачу литературы своего времени.

Обращаясь в повести «Очарованный странник» к теме народа, Лесков в принципах художественного изображения его

не следует уже сложившимся к этому времени традициям современной ему демократической беллетристики, а идет своим особым путем. В центре его повести не масса, а личность, яркая, даже по-своему исключительная и в то же время воплощающая некоторые существенные черты русского национального характера. При этом материальная, экономическая сторона жизни игнорируется писателем, все его внимание устремлено на познание и изображение особого склада души русского простого человека, в которой, ему чудится, и скрывается разгадка многих тайн русской жизни. Герой повествования Иван Северьяныч Флягин предстает в нем фигурой, исполненной эпической широты обобщения, это не просто удивительно интересный человек, богато одаренная, неповторимая личность, а живое воплощение могучих физических и душевных сил народа.

Уже в первом портретном описании «очарованного богатыря» автор подчеркивает его сходство с любимым героем русского эпоса Ильей Муромцем. Это сходство — своего рода ключ к правильному пониманию образа: Иван Северьяныч — богатырь не только с виду, по своей стати и необыкновенной физической силе, но и по натуре своей, имеющей много родственного с характерами героев древних русских былин и сказок, то есть он тип глубоко национальный, народный, исконно русский. С самого рождения ему свойственны неуемная жизненная сила, энергия, жажда действия, которые толкают его порой на самые безрассудные поступки, как та сила богатыря Святогора, о которой в былине говорится:

> «Не с кем Святогору силой померяться,
> А сила-то по жилочкам так живчиком и переливается.
> Грузно от силушки, как от тяжелого беременя»[1].

Именно эта сила взыграла в Иване Северьяныче, когда он в бытность свою кучером у графа неожиданно для самого себя из одного только молодецкого ухарства насмерть засек старика-монаха, который беспечно заснул на возу с сеном и вовремя не посторонился с дороги. Позже, прозябая в вынужденном бездействии в роли няньки при грудном ребенке, Иван Северьяныч нарочно задирает молодцеватого и самоуверенного офицера, чтобы вызвать его на драку и посрамить в его заносчивости. Та же потребность испытать свою кре-

[1] «Святогор и тяга земная». — Былины. Библиотека поэта. Больш. сер., 1957, стр. 47.

пость и выносливость заставляет Ивана Северьяныча сечься «на перепор» с татарами.

Озорство, проистекающее из молодечества, из желания потешить свою богатырскую силу, измерить ее в боевой схватке роднит героя Лескова с легендарным Васькой Буслаевым, который также не знал, куда деть ему свою молодецкую удаль, также жаждал опасного единоборства и готов был вызвать на бой весь Новгород.

Надо сказать, что и конкретные проявления этого озорства своего героя (самый жестокий поступок Ивана Северьяныча — это убийство старика-монаха) Лесков рисует в своей повести в полном соответствии с духом былин о Ваське Буслаеве и сказок об Иванушке-дурачке. В пылу драки Васька Буслаев убивает старца-Пиллигримиша.

«Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележную —
Качается старец, не шевельнется.
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,
И во лбе глаз — уж веку нету»[2].

А Иванушка-дурачок русских народных сказок, получив быстроногого коня, при встрече на дороге со своими братьями не раз с маха огревает их ударом кнута, оставаясь безнаказанным в своей молодецкой дерзости.

Эта черта характера Ивана Северьяныча — его безудержное молодечество и озорство — важна Лескову не сама по себе: за ней ему видится то смутное стремление к пределу, к богатырскому патриотическому подвигу, требующему крайнего напряжения всех душевных и физических сил, которое в конце концов находит свое сознательное выражение в венчающих рассказ героя его последних словах: «Мне за народ очень помереть хочется»[3].

С другой стороны, эта свойственная герою повести чрезмерность во всех его увлечениях, приводящая порой к трагическим последствиям, осознается писателем как исконно национальная черта и прямая противоположность филистерской умеренности, аккуратности, рассудительности, ставшими своего рода знаменем нового буржуазного века. Именно поэтому Лесков горячо симпатизирует своему герою в самых его сла-

---

[2] Былины, стр. 371.

[3] Н. С. Лесков. Собр. соч в 11 томах, т. IV; Гослитиздат, М., 1957, стр. 513. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

бостях, предпочитая его стихийную, дикую, необузданную азартность мещанскому самоограничению, довольству малым, измельчанию чувств.

Органическая близость Ивана Северьяныча к героям русских былин особенно очевидна в том эпизоде повести, где он рассказывает своим слушателям, как ему удалось усмирить дикого коня, не поддававшегося ни одному из наездников. Как и Илья Муромец в былине о Соловье-разбойнике, герой Лескова подчиняет своей воле непокорного коня с помощью одной нагайки. Даже обращение Ивана Северьяныча к коню: «Стой, собачье мясо, песья снедь!» (IV, 393) — по своей лексике и ритму это вариация гневных слов Ильи Муромца, которые он приговаривает, награждая тяжелыми ударами своего заупрямившегося было коня: «Ах ты, волчья сыть да травяной мешок, Ты идти не хошь али везти не мошь?»[4].

Опора на фольклор в раскрытии национального характера героя повести показывает, что эстетический идеал Лескова был во многом близок народному эстетическому идеалу, формировался на его основе. Из воспоминаний знавшего писателя С. Ф. Либровича видно, с какой любовью относился Лесков к народному творчеству, как высоко ценил он, в частности, народную сказку[5].

Однако «Очарованный странник» — отнюдь не описательное, стилизаторское произведение; автор стремится в нем не только «живописать» самобытный характер русского человека в его высшем проявлении, но и дать свое истолкование этого характера, во многом полемичное по отношению к существующим воззрениям.

С этой точки зрения знаменательно, что азарт и удивительную энергию Иван Северьяныч проявляет лишь в отдельные кульминационные моменты своей жизни. Когда минута напряжения проходит, он сразу же превращается во внешне совершенно обыкновенного человека, к тому же несколько медлительного и ленивого в своих движениях. Характерно описание его манеры говорить: «Это все ничего не значит, — начал он, лениво и мягко выпуская слово за словом из-под густых, вверх по-гусарски закрученных седых усов...» (IV, 387). В этом описании только одна деталь — по-гусарски закрученные усы — намек на молодецкую удаль героя, скрытую пока за его спокойствием и ленью. То же определение

[4] Былины, стр. 78.

[5] С. Ф. Либрович. На книжном посту, 1916, стр. 38.

«лениво» употреблено и в другом замечании автора о герое: «...сидеть бы ему на «чубаром» да ездить в лаптищах по лесу и лениво нюхать, как «смолой и земляникой пахнет темный бор» (IV, 387). Этот контраст энергии и вялости, на котором строится в повести изображение внутреннего состояния Ивана Северьяныча, далеко не случаен, таящаяся в герое и не сразу обнаруживающаяся необоримая сила как бы олицетворяет собой, по мысли писателя, огромные потенциальные силы русского народа, которые в обычное время не дают знать о себе, но в критическую для судеб отечества минуту проявляются в полной мере и решают дело. В них секрет могущества России.

Впоследствии подобное истолкование русского характера дадут в литературе Короленко («Река играет») и Горький («Ледоход», «Ванька Мазин»).

Ключевое значение для понимания концепции народного характера в повести Лескова имеет ее символическое название «Очарованный странник». Естественно, что оно должно было привлечь внимание исследователей творчества писателя, однако до сих пор смысл его не прояснен. А. Волынский, автор одной из первых монографий о Лескове, в соответствии со своими идеалистическими взглядами акцентировал в своей книге религиозно-мистический элемент в названии повести[6].

Подобное истолкование ее заглавия можно встретить и в работах о Лескове современных буржуазных литературоведов[7].

Советские исследователи, разумеется, отказались от тенденциозно-идеалистического истолкования названия повести, однако и в их работах оно не получило еще своего раскрытия.

Что же значат знаменательные слова Лескова о его герое, вынесенные в заглавие повести и не раз повторенные потом на ее страницах? Или, иначе говоря, чем объясняются в ней бесконечные странствия и злоключения героя, его удивительные и подчас неожиданные поступки?

---

[6] А. Волынский. Н. С. Лесков. Пб., 1923, стр. 69—70.

[7] M. L. Rôβler. Nikolai Leskov und seine Darstellung des religiosen Menschen. Weimar, 1939. Al. B. Ansberg. Frame story and first person story in N. S. Leskov—Scando-Slavica, t. III. Copenhagen, 1957, p. 49—73 Heinz Piontek. Buchstab Zauberstab über Dichter und Dichtung. Bechtle Verlag, 1959.

Достаточно вспомнить хотя бы некоторые из этих поступков, чтобы обратить внимание на следующее обстоятельство: в них невозможно обнаружить никакой логической или практической сообразности, все они случайны и противоречивы, ибо ведущим началом в поведении героя оказывается не разум, а непосредственное чувство, не поддающееся рациональному истолкованию. Порой оно так сильно повелевает действиями Ивана Северьяныча, что самому ему кажется сверхъестественным чудом, загадочным «магнетизмом», наваждением, колдовством.

Подчеркивая это господство стихийно-эмоционального начала в поведении героя, Лесков придает ему черты Иванушки-дурачка. Итак, и это свойство натуры Ивана Северьяныча представляется писателю коренным, национальным, многое проясняющим в жизни русского человека.

Как и Иванушка-дурачок, герой Лескова в самых трудных житейских обстоятельствах берет не умом, а хитростью, «ухватливостью», лукавством, граничащим порой с юродством, и в конечном счете, при всем своем детском простодушии и нерасчетливости, он оказывается гораздо проницательнее и удачливее тех людей, которые на первый взгляд превосходят его здравостью своих суждений и развитием.

Выразителен в этом отношении рассказ Ивана Северьяныча о том, как ему удалось укротить коня, отличавшегося особой свирепостью нрава. Действия героя противополагаются в этом его рассказе поведению англичанина Рарея, известного укротителя-профессионала. Уже само по себе это противопоставление: Иван Северьяныч — мистер Рарей красноречиво свидетельствует, что различие в подходе обоих наездников к своему опасному ремеслу объясняется не столько индивидуальными, сколько национальными особенностями их характеров, которые с наибольшей непосредственностью проявляются в подобных критических ситуациях.

Иван Северьяныч, задумав усмирить коня, от которого отступился Рарей, отказывается от всякого специального инструмента, у него нет стальных наколенных щитков, которые спасли англичанина от искалечения, нет надлежащего костюма. Он садится на коня в одних шароварах и берет в руки только татарскую нагайку и горшок с жидким тестом. Как только его помощники отпускают поводья, Иван Северьяныч разбивает этот горшок о голову коня, слепит ему глаза и одновременно хлещет его нагайкой по обоим бокам. К тому же он пугает его страшным зубовным скрежетом. Ослепле-

ный и оглушенный ударами конь в ярости и испуге птицей носит седока, но в конце концов в изнеможении сдается. Итак, Иван Северьяныч побеждает не умом, а «глупостью» — нутряной хитростью, граничащей с прямым юродством, тем самым, которое обнаруживает Иванушка-дурачок, когда в сказке Ершова, обуздывая непокорную кобылицу, «он садится на хребет, только задом наперед».

Настойчивое выделение в поступках и действиях героя повести в качестве решающего и определяющего фактора стихийно-эмоционального начала связано с весьма существенными особенностями мировоззрения писателя, его общей концепции русского национального характера и русской жизни.

Начиная со своих первых статей и рассказов, Лесков выступает противником всякого рода «теорий», которые, как ему кажется, всегда насилуют жизнь, не способствуя ее усовершенствованию. Разумеется, в первую очередь имелись в виду теории «Современника», неприемлемые для писателя по своей революционной направленности, но, с другой стороны, не менее категорично отвергались и теории «Русского вестника» и «Вести», чуждые ему по своему духу кастовой исключительности, аристократической обособленности.

Критикуя «теоретиков», Лесков начисто отказывается в своих произведениях от какого бы то ни было теоретического спора с ними и от попыток создать собственную всеобъемлющую идейную систему. В своем практическом познании русской жизни он приходит к убеждению, что в ней нельзя обнаружить присутствия какого бы то ни было логического начала, поэтому любые попытки создания объясняющей ее теории представляются ему заранее обреченными на неудачу. Современная действительность видится писателю крайне «неразумной», изобилующей анекдотическими несообразностями, парадоксами. Именно такой рисуется русская жизнь в сатирическом обозрении Лескова «Смех и горе», в его хронике «Загадочный человек», а также в его обозрениях в «Биржевых ведомостях» (1869, №№ 208, 319). Поэтому-то Лесков проявляет в своих произведениях известное пристрастие к анекдоту: это не формальная особенность его художественной манеры, а непосредственное отражение его писательского видения действительности. В соответствии со своим общим взглядом на русскую жизнь он отрицает сколько-нибудь серьезное значение рационального начала и в поведении отдельного человека. Опираясь на фольклор, Лесков стремится показать, что русский человек якобы по самой своей природе ни-

тает инстинктивное недоверие к системе, в своих поступках он всегда руководствуется непосредственным чувством, а не расчетом, не логическими соображениями. В повести «Очарованный странник» Лесков наиболее последовательно развивает эту свою излюбленную идею о чуждости русскому человеку стихии рассудочности и в своем отрицании рационального момента в самосознании героя доходит почти до фатализма, близкого фатализму Л. Толстого в романе «Война и мир».

Как и Платон Каратаев, Иван Северьяныч Флягин в своем бессилии объяснить превратности своей судьбы склонен думать, что его злоключения предустановлены высшей волей, о которой говорит ему в ночных видениях убитый монах. Последний предрекает ему многотрудную судьбу, и жизнь Ивана Северьяныча подтверждает верность этого предсказания; таким образом, фатализм героя как будто бы получает в повести известное реальное обоснование. И при всем том философская концепция Лескова существенно отличается от концепции автора «Войны и мира». В романе Толстого фатализм отличает самосознание не только неграмотного крестьянина Платона Каратаева, но в ином своем проявлении он присущ и фельдмаршалу Кутузову и самому автору. Другую картину мы видим в повести Лескова. Фатализм, дающий себя знать в рассказе Ивана Северьяныча о его жизни, — выражение его детской наивности, его простодушия, его интеллектуальной неразвитости, но не авторского взгляда на вещи. Самые необыкновенные происшествия и злоключения, которые претерпевает герой, получают в повести трезвые реалистические объяснения: так выясняется, что свечи в церкви он рассыпал по собственной неловкости, Груша явилась к нему во сне потому, что он все время только о ней и думал, а самоубийца, вздыхавший у него под дверью, — это монастырская корова, забредшая к нему в дом.

По сравнению с фатализмом Платона Каратаева, фатализм Ивана Северьяныча значительно снижен, сплошь и рядом низведен до смешного суеверия, обличающего младенческую неразвитость и наивность сознания героя. Показателен в этом отношении его рассказ об искушениях, которые преследовали его в монастыре, о каверзах, которые подстраивали ему бесенята и черти. Об этой мелкой нечисти он говорит без тени сомнения и даже с некоторой долей снисхождения взрослого к несмышленой ребятне. По своей интонации рассказы Ивана Северьяныча о бесах и малых бесенятах напоминают древние легенды «Киевско-Печерского патерика».

в свое время восхитившие Пушкина «прелестью простоты и вымысла»[8].

В целом в мировосприятии Ивана Северьяныча элемент трезвой оценки вещей явно превалирует над элементом религиозно-мистического их истолкования. Забывая о собственном заявлении о предустановленности своей жизни высшей волей, он в большинстве случаев объясняет неожиданные повороты в своей судьбе конкретными житейскими обстоятельствами. И даже свой уход в монастырь — акт, свидетельствующий как будто об исполнении давнего пророчества монаха, он истолковывает самым прозаическим образом: «Совсем без крова и без пищи было остался... На фиту не захотел ворочаться, да и к тому на ней уже другой бедный человек сидел, мучился, так я взял и пошел в монастырь. — От этого только? — Да ведь что же делать-с? деться было некуда. А тут хорошо» (IV, 504). Итак, он пошел в святую обитель с отчаяния, от сознания безвыходности своего положения, просто, чтобы не умереть с голоду. Далее он рассуждает о монастырской жизни с той же мужицкой практичностью, не проявляя никакого чисто религиозного воодушевления.

Надо сказать, что в годы написания «Очарованного странника» Лесков и в своих публицистических выступлениях берет под сомнение официозное представление о религиозности русского человека и его приверженности к церкви[9]. Поэтому, в пророчестве монаха, обращенном к Ивану Северьянычу: «...будешь ты много раз погибать и ни разу не погибнешь, пока придет твоя настоящая погибель...» (IV, 400) правильнее видеть не столько религиозный фатализм, сколько символическое выражение идеи бессмертия героя, воплощающего своей судьбой живые силы народа. Лесков следует здесь опять-таки традициям русского эпоса, где мы встречаем подобное художественное отражение оптимистического самосознания народа. В некоторых вариантах былины «Исцеление Ильи Муромца» калики перехожие (персонажи, родственные монаху в повести Лескова) предсказывают Илье, что ему смерть в бою не писана («Смерть тебе на бою не писана...», «Во чистом-то поле тебе да смерть не писана, ты не бойся, езди по чисту полю»). В. Я. Пропп так истолковывает этот

[8] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах. изд. АН СССР, М., т. 10, 1958, стр. 347.

[9] Наша провинциальная жизнь. «Биржевые ведомости», 1869, № 265. Монашеские острова на Ладожском озере. — «Русский мир», 1873, № 276.

важный идейный мотив былины: «Слова странников не представляют собой волшебного заклятия. Они означают, что Илья навсегда исключил для себя вопрос о своей смерти. Этот вопрос для него раз навсегда решен, и решился он тогда, когда Илья осознал себя богатырем. Это полное отсутствие страха смерти, полное ее исключение из своего сознания и делает его бессмертным в глазах народа. Илья, всегда бросающийся в самые страшные бои, никогда не погибает именно потому, что он смерти не боится, что она для него просто не существует»[10].

Эти слова можно с полным правом отнести и к герою Лескова. Как и Илья Муромец, Иван Северьяныч свободен от страха перед смертью, так же спокойно и просто идет он навстречу опасности и выходит невредимым из самых острых ситуаций. Во многом именно поэтому его жизнь самому ему представляется заколдованной. Нечто подобное мы встречаем и в повести Лескова «Несмертельный Голован». Ее заглавие очень родственно названию повести об Иване Флягине (кстати его также зовут Голованом за большую голову). Однако налет мистицизма, который имеет место в «Очарованном страннике», здесь снимается совершенно. Уже на первых страницах произведения автор поясняет: «Прозвище «несмертельного», данное Головану, не выражало собою насмешки и отнюдь не было пустым, бессмысленным звуком — его прозвали несмертельным вследствие сильного убеждения, что Голован — человек особенный: человек, который не боится смерти» (VI, 351).

Таким образом, слово «очарованный» вовсе не имеет в повести Лескова того религиозно-мистического смысла, который пытаются увидеть в нем некоторые зарубежные исследователи его творчества.

Фаталистическая вера Платона Каратаева в высшее предустановление обусловливает собой его пассивность, безропотность, умаление в его сознании значения собственной личности и ту всепрощающую доброту, за которой в сущности скрывается внутреннее равнодушие к человеку.

Иван Северьяныч Флягин в этом отношении предстает совершенным антиподом толстовского героя. В его психике нет и следа приниженности, наоборот, ему в высшей степени присуще чувство собственного достоинства, самоуважения.

---

[10] В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. Ленинградского университета, 1955, стр. 282.

Об этом говорит уже самая его манера держаться: «Но, при всем этом добром простодушии, не много надо было наблюдательности, чтобы видеть в нем человека много видевшего и, что называется, «бывалого». Он держался смело, самоуверенно, хотя и без неприятной развязности, и заговорил приятным басом с повадкою» (IV, 387).

Гордость Ивана Северьяныча несет на себе отпечаток его социального самосознания: это не просто общечеловеческая, а именно народная, мужицкая гордость, которая, как и у героев русских былин и сказок, сопряжена у него с пренебрежительным отношением к дворянам и князьям как к людям иной, более слабой породы, ничего не смыслящим в практической жизни и ни к чему не способным. Так, офицеры в рассказе Ивана Северьяныча не справляются с своенравными конями, предпочитая им смирных заводских лошадок, легко дают себя обмануть при покупке лошади, беспутно тратят деньги, разоряются. В ответ на слова хана Джангара, пожалевшего, что биться «на перепор» за кобылу вышел не русский князь, а простой мужик, Иван Северьяныч категорически отрицает возможность такой ситуации и с горькой пренебрежительностью замечает о князьях: «...наши князья... слабодушные и не мужественные, и сила их самая ничтожная» (IV, 431).

Платон Каратаев с христианским смирением переносит любую обиду и несправедливость, поражая Пьера безмятежной ясностью своего духа. Иван Северьяныч, с его сознанием высокой ценности собственной личности, естественно, иначе реагирует на оскорбление. Стоило управляющему графа — немцу наказать его за проступок унизительной работой, как Иван Северьяныч, рискуя собственной жизнью, бежит из родных мест. Так в повести повторяется ситуация раннего рассказа Лескова «Язвительный»: самым страшным и невыносимым для простого человека оказывается не телесное наказание, а оскорбление чувства его нравственного достоинства. Герой Лескова — не мститель, но борец против господ; он идет в разбойники с отчаяния, но все-таки очень важно, что он, крепостной человек графа К., не холоп по своей натуре, а человек, остро сознающий свое достоинство, предпочитающий гибель постыдному унижению.

Даже когда Лесков вводит в свою повесть традиционный для его произведений житийный мотив, он делает это, прежде всего, для того, чтобы продемонстрировать упорство, мужество и силу духа своего героя, а не его кротость и готов-

ность к всепрощению — специфически христианские добродетели, которые обычно воспеваются в произведениях житийной литературы.

Читая житие Тихона Задонского, Иван Северьяныч пришел к убеждению, что скоро настанет «реченное всегубительство», т. е. война. Он сам решает идти на войну и увещевает других молиться за нашу победу против супостата. Пророчества Ивана Северьяныча встречают недовольство монастырского начальства, с этого-то момента его жизнь и обращается в житие. Его наказывают, сажают в пустую избу, ему велят каждый день бить поклоны перед образом «Благого молчания», пока не умолкнет в нем провещающий дух. Но Иван Северьяныч не успокаивается и продолжает пророчествовать. Таким образом, даже в монастыре он остается бунтарем. Лекарь, которого прислали его осмотреть, с осуждением и соболезнованием говорит ему: «Экий ... ты, братец, барабан: били тебя, били, и все никак еще не добьют» (IV, 512). Не добившись от Ивана Северьяныча ожидаемого смирения, церковное начальство отсылает его на богомолье в Соловки. Однако и по дороге туда он не перестает возвещать о близкой войне.

В этих заключительных эпизодах повести образ Ивана Северьяныча несколько теряет в своем богатырском величии: еще более, чем раньше, акцентируя интуитивное начало в душе своего героя, Лесков изображает его здесь почти блаженным, юродивым наподобие того, который в опере Мусоргского, также выражая народные предчувствия, сулит войну и несчастье. И тем не менее последние страницы повести полны высокой простоты и поэзии.

Ум Ивана Северьяныча как будто бы так и остался непробужденным. Но это вовсе не значит, что внутренний мир его примитивен и неинтересен. Бедность интеллектуальных устремлений окупается в нем неисчерпаемым богатством чувств и необыкновенной живостью воображения. Эта присущая герою обостренность эмоционального восприятия мира, доходящая порой до экзальтации, и вызывает у него порой чудесные видения, в которых сам он усматривает пророческий смысл. Более всего его душу волнует красота в самых разнообразных своих проявлениях: красота родной природы, красота коней и, наконец, женская красота. Она настолько захватывает его, что кажется ему колдовским наваждением. Итак, именно вследствие чуткой восприимчивости Ивана Северьяныча к прекрасному и его обостренной внутренней ин-

туиции над его душой все время тяготеют те или иные чары, а его жизнь — это история его очарований. В этом, на наш взгляд, кроется главный смысл названия повести, не раз повторенного на ее страницах.

Самый выбор такого героя и истолкование его богатой приключениями жизни свидетельствует об известной близости Лескова к основоположнику английского сентиментализма Л. Стерну.

Известно, что Лесков любил Стерна и не раз сочувственно отзывался о сочинениях «остроумнейшего пастора» (IV, 80). Нам представляется, что горячая привязанность к Стерну порождалась у Лескова сознанием определенной родственности в их мировосприятии, в понимании природы человека и в близости их художественных принципов.

Полемический пафос, одушевляющий сочинения Стерна, — это пафос борьбы с просветительским рационализмом XVIII века, против которого в его новейшей модификации борется и Лесков.

Будучи современником великих просветителей, Стерн одним из первых в мировой литературе попытался пересмотреть их точку зрения на человека, его возможности, роль сознательного и интуитивного начала в его поведении и т. д.

Герои Стерна — тоже своего рода «очарованные странники», руководимые в своем поведении не рассудком, а непосредственным чувством, страстью, люди, легко погружающиеся в мир иллюзий и грез.

Протест против рационалистического мировосприятия носит у Стерна ярко выраженный моралистический антибуржуазный характер. Писатель отвергает меркантилизм, расчетливость, обывательскую премудрость; эгоистам, скупцам и ханжам он противопоставляет в своих романах добрых, непрактичных чудаков.

Его любимые герои стремятся исполнить прежде всего не свой служебный долг, а долг человека.

Все это не могло не импонировать Лескову с его неприятием и революционно-просветительского рационализма, и опустошающего человека духа буржуазного стяжательства.

Однако яркие, колоритные характеры героев Лескова отличаются от тех, что мы видим у английского романиста, своей национальной самобытностью. В богатстве внутреннего мира героя Лесков всегда ищет выражение типических черт душевного склада русского человека.

Крепостной мужик графа К. предстает в повести «Очарованный странник» человеком, от природы наделенным душой художника, артиста, жадно тянущимся к красоте, способным в своем восторге перед нею к полному самозабвению и альтруистическому подвигу. Именно эта особенность его мировосприятия и оказывается основой раскрытия его самобытной личности.

Артистическая одаренность Ивана Северьяныча раньше всего проявляется в его горячем пристрастии к коням, удивительном понимании их нрава и его бескорыстном любовании их грацией и красотой. Сам он считает свое глубокое понимание коня божьим даром и гордится им.

Не случайно поэтому в его рассказе, в целом весьма динамичном, большое место занимают восторженные описания коней, особенно сильно взволновавших в свое время его художническое чувство. Это описание белой кобылки, которую он увидел на татарской ярмарке, каракового жеребца, соперничавшего с ней в легкости бега, и кобылицы Дидоны — виновницы последнего «выхода» Ивана Северьяныча. Из его рассказа кобылица эта предстает перед нами удивительно изящным существом, не похожим однако в своей особой красоте на тех коней, о которых он говорил до сих пор. «Дивная была красавица: головка хорошенькая, глазки пригожие, ноздерки субтильные и открытенькие, как хочет, так и дышит; гривка легкая; грудь меж плеч ловко, как кораблик, сидит, а в поясу гибкая, и ножки в белых чулочках легкие, и она их мечет, как играет...» (IV, 455). Почти каждое определение здесь удивляет своей незатейливой простотой и вместе с тем истинно поэтической меткостью, а в своей совокупности все они создают пленительный образ красавицы-кобылицы, причем динамизм описания позволяет увидеть ее в живом движении.

Страстная любовь Ивана Северьяныча к лошадям так сильна, что подчас кажется ему наваждением. Сам он говорит об этом: «Особенно если отдалишь от себя такого коня, который очень красив, то так он, подлец, у тебя в глазах и мечется, до того, что как от наваждения какого от него скрываешься, и сделаешь выход» (IV, 454). «Очарованный странник» Иван Северьяныч очарован прежде всего красотой коня. Однако ему было суждено пережить и высшее очарованье — очарованье женской красотой, человеческим талантом, познать, что такое «краса природы совершенство».

Проходимец-магнетизер, подпоив Ивана Северьяныча, приводит его к цыганам, где он видит красавицу — цыганку Грушу, слышит ее чарующее пение. Уже из первых слов рассказа Ивана Северьяныча о Груше видно, что, вопреки самым неблагоприятным обстоятельствам его знакомства с ней, вспыхнувшее в его душе чувство — это не хмельная страсть, не пошлый купеческий разгул, а бескорыстное восхищение красотой в новом, высшем, неведомом ему ранее ее проявлении. В своем дальнейшем рассказе Иван Северьяныч снова открывается как человек чуткой и щедрой души и большого художественного таланта. Вот как описывает он свое самое первое впечатление при виде Груши: «...и промежду всей этой публики цыганка ходит этакая... даже нельзя ее описать как женщину, а точно будто как яркая змея, на хвосте движет и вся станом гнется, а из черных глаз так и жжет огнем...» (IV, 469). Нельзя не поразиться яркой живописной, пластической и эмоциональной выразительности этого описания. Увиденная Иваном Северьянычем цыганка — это нечто сверхъестественное по своей ослепительности, нечто красивое, изящное, грациозное, но недоброе, смертельно опасное. Поэтому возникает сравнение со змеей, сообщающее образу Груши почти материальную осязаемость. В дальнейшем ходе рассказа это удачно найденное сравнение развивается и обогащается новым внутренним содержанием, делающим его еще более оправданным. Окончив песню, Груша подошла к Ивану Северьянычу «и своими устами так слегка даже как и не поцеловала, а только будто тронула устами, а вместо того точно будто ядом каким провела, и прочь отошла» (IV, 471). Так ощущение сходства со змеей усиливается, хотя прямо о ней и не говорится. По приказу отца Груша поцеловала Ивана Северьяныча другой раз, «и опять то же самое осязание: как будто ядовитою кисточкою уста тронет и во всю кровь до самого сердца болью прожжет» (IV, 471). Здесь это скрытое сравнение цыганки со змеей имеет и глубокий психологический подтекст: Груша внутренне еще враждебно относится к Ивану Северьянычу, она видит в нем только богатого мужлана, который насильно принуждает ее ублажать себя пением. Иван Северьяныч, со свойственной ему чуткостью, быстро угадывает эту ее настроенность, поэтому и поцелуй ее кажется ему не сладким, как это можно было бы ожидать, а жалящим, ядовитым, как укус змеи.

Но вот Иван Северьяныч описывает Грушу в танце, и сравнение со змеей получает новое обоснование: на этот раз

оно позволяет рассказчику передать удивительную пластичность танца цыганки, прирожденную грацию ее движений: «Я видал, как плящут актерки в театрах, да что все это, тьфу, все равно что офицерский конь без фантазии на параде для одного близиру манежится, невесть чего ерихонится, а огня-жизни нет. Эта же краля как пошла, так как фараон плывет — не колыхнется, а в самой, в змее, слышно, как и хрящ хрустит и из кости в кость мозжечок идет, а станет, повыгнется, плечом ведет и бровь с носком ножки на одну линию строит...» (IV, 473).

В Груше, которая вынуждена скрывать свои чувства, тем не менее все так внутренне одушевлено; и пение, и движения, и лицо, и руки, что кажется наделенным собственной жизнью. Это и определяет особый характер сравнений — олицетворений, на которых строится далее рассказ о ней Ивана Северьяныча. Сама Груша — змея, ее ресницы, длинные и черные, — это птицы, шевелящие крыльями, а летающие по струнам гитары пальцы — осы. «...Ей богу, — рассказывает Иван Северьяныч, — вот этакие ресницы, длинные-предлинные, черные, и точно они сами по себе живые и, как птицы какие, шевелятся, а в глазах я заметил у нее, как старик на нее повелел, то во всей в ней точно гневом дунуло» (IV, 470). В другой раз он почти так же говорит о ее ресницах, передающих в своем невольном движении живую трепетность испытываемого ею чувства: «...князь впереди идет и в одной руке гитару с широкою алой лентой несет, а другою Грушеньку, за обе ручки сжавши, тащит, а она идет понуро, упирается и не смотрит, а только эти ресничищи черные по щекам как будто птичьи крылья шевелятся» (IV, 478).

Итак, стоило Ивану Северьянычу увидеть Грушу, как он весь обратился в восторженное созерцание ее красоты. В порыве эстетического восторга Иван Северьяныч мечет на поднос Груше все свои деньги, причем красота цыганки заставляет его все вокруг увидеть в новом, поэтическом свете, и денежные бумажки превращаются в его восприятии в сказочных синих синиц, серых утиц, красных косачей и белых лебедей. Он их выпускает одну за другой, не считая и не думая о своем неминуемом полном разорении, о своем долге перед князем, а только с дерзостью кричит танцующей Груше: «Ходи шибче!» и сам идет в пляс. В эту кульминационную минуту душевного взлета с особой ясностью обнаруживаются коренные свойства его натуры: восторженное до азарта поклонение прекрасному, молодецкая удаль, которая тре-

бует и от всякого другого подобного же размаха души, благородное бессеребреничество. Так в один вечер Иван Северьяныч разоряется совершенно, но Лескову очень важно, чтобы читатели правильно поняли причину этой расточительности, погубившей его героя, и он заставляет князя растолковать ее Ивану Северьянычу, который пришел к нему с повинной: «А, что, братец, делать, когда ты артист», — говорит князь. — «Как, — говорю, — это так?» «Так, — отвечает, — так, любезнейший Иван Северьяныч, вы, мой полупочтеннейший, артист...» (IV, 477).

Однако есть и еще один мотив у этой широкой, безоглядной щедрости, проявленной героем на вечере у цыган. Перед тем, как бросить на поднос деньги, он услышал за своей спиной ропот господ, недовольных тем, что в их общество затесался простой мужик. По словам Ивана Северьяныча, он подумал: «Ах вы, волк вас ешь! Неужели с того, что вы меня богатее, то у вас и чувств больше? Нет уже, что будет, то будет: после князю отслужу, а теперь себя не постыжу и сей невиданной красы скупостью не унижу» (IV, 470).

Итак, в Иване Северьяныче говорит еще и мужицкая гордость, оскорбленная барским высокомерием. С публицистической прямотой и определенностью выражает здесь Лесков свою излюбленную мысль о том, что простой человек не уступает людям привилегированного сословия по тонкости и благородству чувств, пониманию прекрасного, душевному богатству. Дальнейшее сюжетное развитие повести служит доказательством этого существенного ее идейного тезиса.

Вслед за Иваном Северьянычем пылкое увлечение Грушей переживает и князь. В комментарии И. З. Сермана к «Очарованному страннику» правильно указывается, что в описании взаимоотношений князя и Груши Лесков воспроизводит основную психологическую коллизию «Бэлы» Лермонтова (IV, 552). Важно однако понять причину использования в кульминационном эпизоде повести Лескова лермонтовского мотива.

И в романе Лермонтова и в повести Лескова отмеченная сходная сюжетная коллизия позволяет выяснить соотносительную ценность героев их произведений, однако результаты этого сопоставления у Лескова оказываются принципиально иными, чем у Лермонтова. Внешнее сюжетное сходство ситуаций только подчеркивает по контрасту их глубоко отличное идейное содержание. У Лермонтова Печорин даже в самый невыгодный для него жизненный момент все же кажется чи-

тателю натурой несравненно более тонкой и сложной, глубокой и романтически загадочной, чем добрый, жалостливый, но примитивный по своему пониманию вещей Максим Максимыч. Совсем иначе поставлены герои у Лескова. Князь, как правильно заметил Серман, — это сниженный Печорин, лишенный романтического ореола. Это добрый, мягкий, но пустой, избалованный и никчемный человек. Он вовсе не знает тех мук, которые терзают душу Печорина и объясняют странности его поведения. Для него любовь к Груше — только очередной каприз, и это отлично понимает Иван Северьяныч, который так объясняет слушателям увлечение князя. «Видите, — начал Иван Северьяныч, — мой князь был человек души доброй, но переменчивой. Чего он захочет, то ему сейчас во что бы то ни стало вынь да положи — иначе он с ума сойдет, и в те поры ничего он на свете за это достижение не пожалеет, а потом, когда получит, не дорожит счастьем. Так это у него и с этой цыганкой вышло...» (IV, 480).

Однако Иван Северьяныч — это совсем не Максим Максимыч. Тот просто жалеет Бэлу как человек доброй души, но не может уразуметь ни неожиданного воодушевления Печорина, увлеченного ее красотой, ни его последующего охлаждения. Увидев Грушу, Иван Северьяныч сам переживает истинно поэтический восторг, и в своем чистом, бескорыстном, самозабвенном восторге он гораздо выше князя, не сумевшего по достоинству оценить прекрасное. Естественно поэтому, что в переживаниях и мыслях князя нет ничего, что бы оказалось недоступным пониманию Ивана Северьяныча. Когда князь в пылу своего увлечения цыганкой спрашивает своего конэсера, может ли он понять, что за женщину и умереть ничего не стоит, тот с достоинством отвечает: «Что же, — говорю, — тут непонятного, краса, природы совершенство...» «Как же ты это понимаешь?» «А так, — отвечаю, — и понимаю, что краса природы совершенство, и за это восхищенному человеку погибнуть... даже радость!» (IV, 478).

Князь самоуверенно заявляет о своей готовности отречься от человеческого общества и смотреть только на Грушу в добровольном заточении в глуши. Иван Северьяныч сразу предугадывает в этом нечто недоброе. «Эх, нехорошо, это, — думает он, — что ты так утверждаешь, что на одно ее лицо будешь смотреть! Наскучит!» (IV, 478). Быстро пережив период своего увлечения цыганкой, князь вынужден сам признать в конце концов человеческое превосходство над собой своего слуги. С сознанием собственной вины он поручает

Грушу заботам Ивана Северьяныча: «Береги, — говорит, — ее, полупочтенный Иван Северьянов, ты артист, ты не такой, как я, свистун, а ты настоящий, высокой степени артист, и оттого ты с нею как-то умеешь так говорить, что вам обоим весело...» (IV, 482).

Итак, простой человек в повести Лескова предстает значительно более яркой и внутренне богатой личностью, чем князь, самый титул которого свидетельствует о его «благородном» происхождении. Использование традиционной литературой коллизии в «Очарованном страннике» носит, следовательно, полемический характер. По-своему переосмысляя сюжетную ситуацию романа Лермонтова, Лесков стремится доказать, что тонкость и благородство чувств — вовсе не аристократическая привилегия; человек из народа, крепостной крестьянин живет подчас не менее содержательной внутренней жизнью, его душе доступны и эстетические наслаждения, и гуманные альтруистические чувства. Поэтому он с еще большим правом, чем люди дворянского сословия, заслуживает поэтического апофеоза.

Тот же смысл имеет в повести Лескова и «оглядка» на Тургеневского Чертопханова, о которой в том же комментарии к «Очарованному страннику» справедливо говорит Серман. Лескову важно подчеркнуть, что его герой — неграмотный крепостной мужик — пережил те самые «благородные» страсти, которые Тургенев поэтизирует у дворянина Чертопханова, причем Ивану Северьянычу они знакомы в еще более «очищенном» виде, чем его литературному двойнику: герой Лескова совершенно бескорыстен в своем поклонении красоте, у него нет тщеславного эгоистического желания стать единственным обладателем ее, которое обнаруживают и Печорин, и Чертопханов.

В связи с цыганским эпизодом в «Очарованном страннике», кроме имен Лермонтова и Тургенева, должно быть упомянуто и имя Писемского, в очерке которого «Питерщик» (1852) мы находим сюжетную коллизию, еще более близкую повести Лескова. Герой повествования — мужик Клементий рассказывает о пережитом им в молодости страстном любовном увлечении, которое едва не привело его на край гибели. Как и в повести Лескова, магическое действие на героя этого очерка произвело пение незнакомой, впервые увиденной им девушки. «...Поозиравшись немного, — рассказывает он о ней, — и на гитаре заиграла, и песенку запела, и такой голос показала, что я отродясь не слыхивал, даже в жар меня ки-

нуло, в голове-то блажи уж много было»[11]. Очарованный ее пением, Клементий делает все для сближения с девушкой, не жалеет сбережений, накопленных годами труда, выдает себя за купца, снимает квартиру, дарит любимой богатые подарки, выполняет все ее прихоти и в результате совершенно разоряется. Происходит неминуемый разрыв, после которого Клементию много лет спустя все-таки удалось снова встать на ноги и разбогатеть. В конце очерка сам автор замечает о своем герое: «Его душе, как мы видели, были доступны нежные и почти тонкие ощущения. Даже в самом разуме его было что-то широкое, размашистое, а в этом мудром осознании своих проступков сколько высказалось у него здравого смысла, который не дал ему пасть окончательно и который, вероятно, поддержит его и на дальнейшее время»[12]. Нетрудно заметить, что не только сам кульминационный эпизод очерка Писемского, но и его трактовка чрезвычайно родственны «цыганскому» эпизоду в повести Лескова. Если с Лермонтовым и Тургеневым Лесков спорит, то на Писемского он опирается, оригинально развивая то, что было только намечено в «Питерщике» и что оказалось весьма родственным его собственному замыслу. По сравнению с «Очарованным странником» очерк Писемского «Питерщик» — это только этюд к картине, в которой все обрело новую жизнь, все оказалось объемнее, богаче, сочнее нарисовано, чем на первоначальном наброске. Достаточно сопоставить цитированные выше описания женского пения в обоих произведениях, чтобы убедиться в этом. У Писемского основная идея его рассказа выражена в значительной степени декларативно, у Лескова она получает истинно художественное развитие. Не только автор говорит в «Очарованном страннике» об артистической одаренности своего героя, о тонкости и благородстве его чувств, но об этом свидетельствует каждое слово рассказа Ивана Северьяныча о его жизни, поэтическая образность его описаний, его умение передать словесно казалось бы невыразимые эстетические впечатления или душевные движения.

Как ни сильно в душе Ивана Северьяныча тяготение к прекрасному, рядом с ним живет и крепнет, а в конце концов оказывается всевластным еще более высокое чувство — органической любви к родине. Оно просто и естественно в

[11] А. Ф. Писемский. Собр. соч., т. 2, М., 1959, стр. 231.

[12] А. Ф. Писемский. Собр. соч., т. 2, стр. 242.

нем и не ищет риторических проявлений. В обычной обстановке сам Иван Северьяныч и не задумывается о том, что значит для него родина. Но вот волей обстоятельств герой очутился в татарском стане, в бескрайней каспийской степи, в этот-то момент насильственной оторванности от родины и становится очевидной его тесная, нерасторжимая внутренняя связь с ней, органическая невозможность для него жить на чужбине, среди пленивших его людей. Вспоминая об этих самых тяжелых днях своей жизни, Иван Северьяныч не говорит прямо о своей любви к родине, но он рассказывает о мучившей его тогда тоске, как о физически реальном недуге, который не под силу было ему переносить. При этом он опять-таки заставляет своих слушателей вместе с ним пережить это гнетущее чувство. Он рисует картины однообразной степной природы, навевающей ему тоску по родному краю, и каждое слово его рассказа выражает его внутреннее неприятие этого чужого его сердцу края, безжизненного и мертвенного во все времена года. Здесь все не радует, а досаждает: и простор, и ветер, и запахи, и солнце — все только распаляет его тоску. И естественно по контрасту возникают в памяти Ивана Северьяныча иные картины с детства близкой, веселой, домашней деревенской жизни.

Характерно, что в этот кульминационный момент рассказа, требующий как будто бы по своему высокому патриотическому содержанию патетической интонации, Лесков рисует нарочито сниженную бытовую картину деревенской жизни своего героя и заставляет его прибегнуть для выражения своих переживаний к самым прозаическим, просторечным словам. Таким образом, мы убеждаемся, что чувство патриотизма естественно и органично у Ивана Северьяныча, чуждо какой бы то ни было аффектации и в то же время так сильно в его душе, что оторванность от родных мест переживается им с той же остротой, что и физическая боль.

Тоска по родине доводит Ивана Северьяныча до галлюцинаций, именно в этой связи автор снова называет своего героя «очарованным богатырем» (IV, 436.) Здесь определение «очарованный» означает охваченный любовью к родине, ведомый этой любовью.

Непреодолимая тяга к родным местам заставляет Ивана Северьяныча, рискуя собственной жизнью, убежать из татарского плена. Он обнаруживает при этом удивительную хитрость, изобретательность и выдержку: едкой землей выправляет свои «подщетиненные» пятки, зажигает фейерверк и,

пользуясь общей панической растерянностью, исчезает в степи.

Таким образом, в повести Лескова используется еще один традиционный литературный мотив — мотив побега героя из плена. В комментарии Сермана правильно указывается, что он возник в повести не без влияния рассказа Толстого «Кавказский пленник» (1872). Эта перекличка с Толстым имеет тот же полемический смысл, что и перекличка с Тургеневым и Лермонтовым, о которой говорилось выше. Неожиданно попавший в плен к горцам Жилин — дворянин. Лесков нарочно ставит своего героя — простого мужика в подобные житейские обстоятельства, и Иван Северьяныч обнаруживает в них не меньше благородства, стойкости и находчивости.

В то же время мотив плена и бегства героя на родную землю, несомненно, привлек Лескова еще и потому, что он совершенно в духе русского народного творчества и древнейших памятников русской литературы. Таким образом, используемая в повести традиционная литературная сюжетная ситуация способствует выявлению национальной, исконно русской природы патриотизма и характера ее героя.

Уже на склоне своих лет в монастыре Иван Северьяныч проникается необъяснимым предчувствием грядущей войны, якобы губительной для России, и сознание опасности снова рождает в его душе высокий патриотический подъем. Его охватывает жажда воинского подвига, и об этом своем благородном порыве он опять-таки говорит удивительно простыми словами, трогательными в своей искренности и непосредственности. «Разве вы и сами собираетесь идти воевать?» «А как же-с? Непременно-с: мне за народ очень помереть хочется» (IV, 513). И перед этим новым высшим «очарованием» в душе Ивана Северьяныча меркнут все те, которые он знал до сих пор.

Специфически народный характер патриотического чувства, одушевляющего героя повести, по мысли Лескова, проявляется в том, что его желание идти на войну есть и желание пострадать одному за всех, которое писатель позднее обнаруживает и у Л. Толстого в его непонятных многим «чудачествах». В своих письмах 1880-х годов Лесков не раз подчеркивает народный характер обуревающего Толстого душевного беспокойства. В письме к А. С. Суворину 8 октября 1883 года он замечает: «А Толстому, знаете ли, чего хочется!.. Он совсем онародовел и «жаждет пострадать». Поверьте, что это так!» (XI, 287). В следующем письме к тому же

адресату: «О Льве Н. Толстом я совершенно тех же мыслей, как и Вы, но это не исключает сбыточности моих предположений насчет «желания» пострадовать. Он будет рад, если его позовут к суду за ересь...» (XI, 287). Позже: «Поступки Толстого «есть чудачество», но оно в народном духе» (XI, 288). Такое истолкование поведения позднего Толстого в известной степени справедливо, так как правильно вскрывает близость психологии писателя к психологии патриархального крестьянства, которому было действительно присуще стремление к жертвенности, к очищающему подвигу. Заслуживает внимания самый тон цитированных выше слов Лескова о Толстом. Известно, что Лесков всегда любил Толстого как великого художника и правдоискателя, поклонялся ему, следовал ему в своем творчестве, и тем не менее о тяге Толстого к жертве он говорит с оттенком снисходительной иронии, как о своего рода блажи, проистекающей из гипертрофированного в народном духе стремления к нравственному усовершенствованию, очищению. Подобным же образом относится Лесков к Ивану Северьянычу и другим своим героям-праведникам: он и любуется детской чистотой их души, идеальностью их помыслов, готовностью к нравственному подвигу и в то же время ясно видит известную экзальтированность в их стремлении к самопожертвованию, о котором говорит поэтому с доброй улыбкой. Эту особенность авторской позиции Лескова по отношению к его любимым героям тонко подметил Горький. «...Лесков изображает своих героев праведниками, людьми крепкими, ищущими упрямо некоей всесветной правды, но относится к ним не с истерическими слезами Достоевского, а с иронией добродушного и вдумчивого человека»[13].

Итак, в композиционном построении повести среди огромного множества составляющих ее отдельных эпизодов явно выделяются три доминанты, организующие все повествование: это увлечение героя лошадьми, затем очарование женской красотой, и, наконец, пережитое им высокое патриотическое озарение, вызвавшее у него желание умереть за свой народ. В результате такой композиционной организации произведения личность героя постепенно все более и более явственно раскрывается в своих главных качествах, обретая черты подлинно эпического величия. Поэтому вряд ли следует согласиться с известным замечанием Н. К. Михайловского

[13] М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 275.

насчет случайного соединения в пределах повести многочисленных «фабул, нанизанных как бусы на нитку» (IV, 553). При ближайшем рассмотрении оказывается, что в их многообразии и самом расположении есть своя закономерность, определяемая характером главного героя. Он человек удивительно жизнедеятельный, увлекающийся, разносторонне одаренный, русский человек, который, по убеждению автора, «все может», отсюда и богатство фабул, отмеченное критиком как несомненное достоинство произведения. Стихийность натуры героя обусловила собой внешнюю хаотичность композиционного построения повести, однако мы уже отметили три кульминационных момента в развитии ее сюжета, соответствующие трем главным увлечениям Ивана Северьяныча. Последовательно выдержанный принцип сказового повествования от лица главного героя усиливает впечатление внутренней цельности произведения, где все внимание автора направлено на колоритную фигуру «очарованного богатыря».

Тем не менее повесть Лескова «Очарованный странник» — это не только апофеоз ее героя — великодушного богатыря, талантливого артиста и верного патриота родной земли. На всем протяжении повести Иван Северьяныч Флягин — реальный человек, мысли и чувства которого при всей своей яркой индивидуальности носят отпечаток его времени и его среды. Лесков не скрывает слабостей, присущих герою, его известной ограниченности, относится к нему, как уже говорилось, не только с любовью, но и добродушной иронией.

В душе Ивана Северьяныча причудливо уживаются друг с другом гуманность и первобытная жестокость. Он лелеет голубиных птенцов и до полусмерти избивает кошку, разорившую их гнездо, не испытывая уже никакого сострадания к ней как к живому существу. В состязании на «перепор» он насмерть засекает татарина. Самый жестокий поступок героя Лескова — это убийство старика-монаха, совершенное, как уже говорилось, из одного молодецкого озорства. Из рассказа Ивана Северьяныча о его детстве явствует, что его воспитание совершалось при помощи грубых варварских методов. Естественно, что это не могло не сказаться на формировании его нравственных понятий. Приходится только удивляться, как оно совсем не убило в душе героя повести его природной доброты и сердечности.

Именно эта доброта Ивана Северьяныча и его способность непосредственно откликнуться на чужое горе заставляет его, несмотря на опасность собственному благополучию,

отдать порученную ему маленькую воспитанницу ее матери, убежавшей из дома с молодым офицером. Рассказ Ивана Северьяныча об этом происшествии поражает глубиной проникновения в душевное состояние женщины, теряющей родное дитя. Столь же бескорыстно помогает он позже Груше и старикам-родителям единственного сына, вместо которого идет в солдаты, бедным крестьянам, торгующим на базарах лошадей, и беззащитной девушке-актерке в театре, страдающей от домогательств одного артиста.

Несмотря на кажущуюся примитивность своей внутренней организации, Иван Северьяныч сплошь и рядом обнаруживает подлинную человечность, тем более притягательную, что она так же органична и естественна в нем, как и бессознательная варварская жестокость.

Характерные черты патриархальной крестьянской психологии обнаруживаются в рассказе Ивана Северьяныча о его пребывании в татарском плену. С невозмутимым спокойствием рассказывает он о своем многоженстве, не видя в нем никакого греха, поскольку его женами были татарки, а не русские женщины. Ему и в голову не приходит возможность каких-нибудь серьезных чувств к «нечистым», для него все они только безликие Наташи, которые кое-как скрашивают однообразие его подневольной жизни.

По складу своей натуры Иван Северьяныч — человек удивительной энергии, напористости, горячности, граничащей с настоящей одержимостью. В то же время в своем социальном поведении он обнаруживает черты пассивности и наивной детской беспомощности. Обиженный управляющим, он с риском для жизни бежал из графской усадьбы, но его протест носил исключительно страдательный, пассивный и опять-таки стихийный характер, Иван Северьяныч не только не имел при этом мысли о мщении, но плохо представлял себе, что будет дальше с ним самим.

Впоследствии ему очень нравится служить в армии, где не надо много размышлять о своих действиях, и монастырская жизнь привлекает его именно тем, что в ней тоже есть свой определенный устав, и ему остается только послушно выполнять его.

Патриотизм Ивана Северьяныча, при всей глубине и непосредственности его привязанности к родной земле, заключает в себе и верноподданическое начало. Когда богатырь-крестьянин побивает в шуточной драке франтовитого офицера и ломает его шпагу, его очень смущает потом мысль о

том, что он тем самым оскорбил царского слугу, личность которого неприкосновенна именно потому, что ее права охраняются царской грамотой.

Иван Северьяныч с детским простодушием разделяет многие предрассудки своей среды, многие ее заблуждения. Выше уже говорилось, что он суеверен, и его наивная вера в черта, беса и прочую нечистую силу — это тоже характерная черта патриархального крестьянского сознания. Как и в страшных рассказах крестьянских ребятишек в «Бежином луге» Тургенева, в повествовании Ивана Северьяныча был и небыль, реальность и фантастичность все время причудливо мешаются друг с другом, и это придает его речи колорит народности. Так, в его рассказ о тех днях, когда он нянчил маленькую девочку, входят фантастические видения, навеянные, по его собственному признанию, сказками о Еруслане и Бове Королевиче. Его рассказ о магнетизере, который взялся излечить его от пагубной запойной страсти, и о последующих многочисленных злоключениях напоминает отчасти известную древнерусскую повесть о горе-злочастии. И, наконец, совершенно в духе русских народных сказок ведется рассказ о последних днях Груши.

Используя сказочную фантастику, Лесков добивается, с одной стороны, большего драматизма повествования, с другой — подчеркивает народную основу характера своего героя, его мировосприятия.

Итак, писатель не только не затушевывает, но и, наоборот, полемически преувеличивает свойственные сознанию Ивана Северьяныча черты патриархальной отсталости. Это подводит нас к пониманию более глубокой сущности определения «очарованный», имеющего в повести столь многозначительный смысл.

«Очарованный» означает в ней не только испытавший высокие очарования, но и околдованный, связанный, не пробужденный к сознательной жизни. Герой Лескова — это спящий исполин, это младенец-богатырь, который еще не осознал своих сил.

Разумеется, такое истолкование символического образа повести выражало определенную социально-политическую концепцию автора, его своеобразное понимание настоящего положения и грядущих судеб русского народа. По мысли Лескова, народ еще не способен к сознательному и самостоятельному участию в исторической жизни, это боль-

шой ребенок, которому нужно помочь в преодолении его темноты, невежества, дикости, наивности.

В отличие от революционных демократов Лесков не замечает в современной ему действительности реальных признаков пробуждения народного самосознания. В этом сказалась несомненная ограниченность демократизма писателя. Однако он верит в могучие силы народа, его решающую роль в исторических судьбах страны, его великое будущее.

Два основных значения слова «очарованный» в повести Лескова тесно взаимосвязаны: именно раскрывающаяся в непосредственных земных очарованиях героя его яркая художественная одаренность, его мужественная стойкость, его глубокая любовь к родине и душевная щедрость убеждает писателя в том, что неизбежен час, когда «очарованный богатырь» стряхнет с себя оцепенение, выйдет из состояния внутренней скованности и начнет действовать в полную меру своих великих сил.

Замечательное художественное новаторство Лескова в изображении народного характера проявилось в том, что он показал его «изнутри», заставив самого героя рассказать о своей богатой жизни. Тургенева также привлекали талантливые, яркие натуры, которых он встречал среди крестьян, но он почти всегда рассказывал о них сам, не скрывая своего удивления перед обнаруживаемой его героями тонкостью и возвышенностью чувств, их глубоким пониманием прекрасного, душевной щедростью и артистическим талантом.

Известно, что Лесков с самых юных лет любил «Записки охотника» Тургенева, восхищался их художественной правдой и гуманистическим пафосом. Идя по стопам Тургенева, он делает следующий шаг вперед. В его произведениях о народе существенно изменяется авторская позиция по отношению к героям: он уже не удивляется, как Тургенев, их душевному благородству, одаренности, жизнестойкости: то, что было откровением для автора «Записок» и его читателей, для Лескова — непреложная реальность, давно сложившееся внутреннее убеждение. Он уверен не только в высокой нравственной ценности своих простых героев, но и в их внутреннем превосходстве над людьми «благородного» дворянского сословия и с присущей ему горячностью и категоричностью суждений доказывает это, сопоставляя своих героев из народа с теми персонажами, кто имеет «патент на благородство» по самому своему происхождению и литературной традиции.

При этом автор как бы отходит в сторону, стушевывается, представляя читателю самостоятельно судить о герое, который сам рассказывает о себе. Отсвет личности Ивана Северьяныча лежит на каждом слове его рассказа, сообщая ему особый колорит. Герой повести — талантливый самородок, артист, и эта художническая одаренность его проявляется, в частности, в том искусстве, с которым он совершенно избегает в своем рассказе обычных, трафаретных выражений, не вызывающих в нашем сознании конкретного представления о предмете, а всякий раз находит «свои» слова, поражающие простотой и точностью, емкостью своего смыслового значения и яркой образностью. Примером удивительно точного выбора нужного слова может служить последняя реплика Ивана Северьяныча о гибели Груши. Подавленные его рассказом слушатели долго молчали, «но, наконец, кто-то откашлянулся и молвил: «Она утонула?» — «Залилась», — отвечал Иван Северьяныч» (IV, 497). Достаточно сопоставить два этих синонимичных глагола, чтобы оценить высокую простоту и поэтическую точность речи Ивана Северьяныча. Привычное литературное «утонула» и неожиданное для слуха простонародное «залилась» — слово, которое благодаря своей лексической выразительности не только означает самую смерть Груши, но и вызывает в нашем воображении зримую картину этой страшной смерти.

Белая татарская кобылица в рассказе Ивана Северьяныча не бежит, а, как волшебный конь в сказке, «окрыляется и точно птица летит и не всколыхнет» в своем чудесном парении (IV, 418).

Столь же образна фраза Ивана Северьяныча, оброненная им о коне, который едва не погубил мистера Рарея. «Просто, как чорт, схватит зубищами, так всю коленную чашку и выщелушит» (IV, 391). Метафорический глагол «выщелушит» опять-таки не только констатирует определенное действие, но и очень точно характеризует способ его совершения: конь выщелушит коленную чашечку, так, как обычно едят горох из стручка или семечки, освобождая их от шелухи и выбирая только самую мякоть.

Не менее выразительны слова рассказчика о его способе укрощения этого дикого коня: когда тот разъярился, Иван Северьяныч закричал на него диким голосом и «хорошенько подавил» его в коленях (IV, 393). Глагол «подавил» не только передает определенное движение наездника, но и позволяет нам ощутимо почувствовать богатырскую силу Ивана

Северьяныча, которому ничего не стоит придержать коленями разъяренного зверя, подчинить его своей воле.

Порой рассказчик использует слова, выразительные в чисто фонетическом отношении. Так, о магнетизере, который вызвался на глазах у всех съесть стеклянную рюмку, Иван Северьяныч говорит: «...и начал он стеклянную рюмку зубами хрустать» (IV, 457). Здесь слово «хрустать» выступает не только синонимом глагола «есть», но своей огласовкой оно как будто передает тот особый звук, который можно услышать только при обозначаемом им действии.

Слово «хрустать» характерно для речевой манеры Ивана Северьяныча и тем, что оно не общеупотребительное литературное слово, хотя лексический смысл его совершенно прозрачен: хрустать — это почти то же, что и хрустеть, изменение суффикса основы глагола — только средство своеобразного «остранения» этого слова, благодаря чему мы острее воспринимаем его значение. Иван Северьяныч часто прибегает в своем рассказе к подобным диалектным формам слов или вводит в свою речь неологизмы, необычные словосочетания, «обновляя» тем самым в восприятии слушателей устоявшиеся речевые обороты, добиваясь максимальной выразительности отдельного слова.

Так, описывая безлюдную, однообразную, словно вымершую солончаковую степь, навевающую скуку и тоску по родным местам, он рассказывает о ней так: «...солнце рдеет, печет, и солончак блестит, и море блестит... Одурение от этого блеску даже хуже чем от ковыля делается, и не знаешь тогда, где себя, в какой части света числить, то есть жив ты или умер и в безнадежном аду за грехи мучишься. Там, где степь ковылистее, она все-таки радостней... а тут все одно блыщание...» (IV, 434). Итак, все время настойчиво выделяется одна деталь в этом степном пейзаже — повсюдный, раздражающий, надоедливый блеск солончаков. Сначала о нем говорится в общеупотребительных литературных выражениях, но вот под конец, как итог всему сказанному, звучит несколько необычное для слуха слово «блыщание», оно останавливает наше внимание и разом вбирает в себя все: и самый этот блеск, о котором уже не раз было сказано, и раздражение Ивана Северьяныча, который извелся и ожесточился душой в этом чужом краю.

Рассказывая об унизительном наказании, которому подверг его немец-управляющий за расправу над кошкой, Иван Северьяныч говорит: «...а у меня от этого рукомесла (дроб-

ления камня для садовых дорожек — И. С.) уже на коленках наросты пошли и в ушах одно слышание было, как надо мною все насмехаются...» (IV, 405—406). Употребленное здесь нелитературное существительное «слышание», образованное от глагольной основы, великолепно передает самой своей морфологической формой это все время испытываемое героем состояние внутренней напряженности и подозрительной настороженности, когда слух обостряется до галлюцинаций.

Сообщая о впечатлении, которое произвела на татар и русских князей выведенная на продажу белая кобылка. Иван Северьяныч использует идиоматический оборот в духе народной разговорной речи: «на всех от нее зоросты пришла» (IV, 418). Эта метафора живо передает общее обостренное внимание к кобылице, от которой никто не в силах отвести глаз.

Непереводимый идиоматический оборот «и станет вдруг загнетать на печенях» (IV, 436), употребленный в одном из кульминационных мест повести, с физической ощутимостью передает мучившую героя тоску по Родине. Итак, и здесь обращение к необычному словосочетанию — средство «остранения» и вместе с тем конкретизации отвлеченного понятия: любовь Ивана Северьяныча к Родине — не любовь вообще, а снедающая его в неволе тоска, столь же реально и остро ощутимая, как физическая боль, и последнее уточнение — боль в печенях.

Порой диалектизмы, идиомы и неологизмы, охотно используемые Иваном Северьянычем в его рассказе, играют другую смысловую роль: они служат средством активизации внимания слушателей, интригуя их кажущейся загадочностью своего значения.

Так, с самого начала своего рассказа герой заявляет о себе, что он конэсер, вызывая тем самым неописуемое удивление своих слушателей.

«— Так прах же тебя разберет, кто же ты такой?

— Я конэсер.

— Что-о-о тако-о-е?

— Я конэсер-с, конэсер, или, как простонароднее выразить, я в лошадях знаток и при ремонтерах состоял для их руководствования» (IV, 391).

Только из дальнейшего рассказа становится окончательно понятным, что это за профессия, в котором Иван Северьяныч был необыкновенно искусен.

Рассказывая о днях своего татарского плена, он как бы между прочим обмолвился, что он был «подщетинен» (IV, 428). Непонятное слово опять-таки вызывает живое недоумение его слушателей, и, таким образом, служит импульсом к его новому повествованию.

Жулик «магнетизер» обещает Ивану Северьянычу помочь ему познать «красу природы совершенство» (IV, 463). Самому рассказчику формула эта кажется вначале непонятной и бессмысленной, однако она заинтриговывает его и служит своего рода прелюдией к истории его увлечения цыганкой Грушей. Пережитое им новое «очарование» заставляет Ивана Северьяныча по-новому понять слова магнетизера, и в результате удивившая его формула теряет оттенок мистической загадочности и наполняется совершенно реальным житейским содержанием.

Подобное композиционное значение имеют и непонятные на первый взгляд замечания Ивана Северьяныча о том, что он после продажи коней делал «выходы» (IV, 454), или о том, что после военной службы он «на фиту попал» (IV, 502). За каждым таким выражением следуют вопросы слушателей, а затем и новый рассказ об очередном житейском эпизоде. Таким образом, неологизмы Ивана Северьяныча и его необычные выражения — это порой своего рода скрепы, связывающие собой отдельные эпизоды его многотрудного «жития».

Богатая природная одаренность героя, его чисто художническая склонность к образному ассоциативному мышлению находит свое непосредственное отражение и в его сравнениях, к которым он очень часто прибегает в своем рассказе. Выше уже говорилось о том, что все эти сравнения отличаются живописной выразительностью и глубоким психологическим содержанием. Сходство явлений, лежащее в основе этих сравнений, как правило, вовсе не исчерпывается одним каким-либо признаком, а оказывается удивительно многогранным, именно в этом секрет их чрезвычайной эффектности. Так, описывая игру Груши в доме князя, куда она приведена насильно, Иван Северьяныч говорит: «И опять оба сидим на полу да ждем, а она вдруг начала как будто бредить, вздыхать да похлипывать, и по реснице слезка струит, а по струнам пальцы, как осы, ползают и рокочут...» (IV, 479). Пальцы, как осы... — это значит не только тонкие пальцы, но легкие, стремительные, быстрые, и притом пальцы, которые передают в своем нервном движении острую враж-

дебность Груши к ее слушателям, насильно заставляющим ее играть и петь, поэтому они жалят, язвят душу Ивану Северьянычу и князю, ожидающим ее пения. Так, одно сравнение рождает в воображении слушателей рассказчика целый ряд ассоциативных образов, которые позволяют им самим увидеть и перечувствовать все то, о чем повествует Иван Северьяныч.

Сравнения, к которым он прибегает в своем рассказе, тесно связаны с кругом его собственных житейских наблюдений, отсюда их особая выразительность. Каждое из них не только очень точно конкретизирует какой-либо предмет или его качество, но в то же время характеризует самого рассказчика, индивидуальную особенность его мировосприятия. Материалом для сравнений в рассказе героя повести служат самые обычные предметы и явления крестьянского обихода, домашняя живность, птицы, звери, растения и т. п. Так, о татарине Чепкуне говорится, что он «съерзнул с коня» и «как гвоздь воткнулся перед белой кобылицей...» (IV, 419). Спина у него, по словам рассказчика, «как лопата коробленая» (IV, 423). Портрет другого татарина Савакирея ярко вырисовывается из следующих сравнений: «голова бритая, словно точеная, и круглая, будто молодой кочешок крепенький, а рожа как морковь красная, и весь он будто огородина какая здоровая и свежая...» (IV, 426). Благодаря сугубой вещности этого ряда сравнений татарин сразу предстает перед нами существом земным, плотским, прозаическим. Даже души самоубийц «материализируются» в сравнениях Ивана Северьяныча вследствие реального характера его мировосприятия. Они рисуются его воображению следующим образом: скачут рыцари с темным знаменем, а за ними, «как стая весенних гусей тощих, потянулись скучные тени, и все кивают владыке грустно и жалостно...» (IV, 389).

Так видеть мир может только крестьянин, человек, близкий природе и обладающий очень острым художественным зрением.

Характерная особенность душевного склада Ивана Северьяныча — это его горячность, порывистость, способность к самозабвению в любом увлечении. И эта сторона его личности также находит свое непосредственное отражение в его речи. Почти каждое определение, сравнение рассказчика не только характеризует предмет, но и передает отношение к нему героя повести. Нередко чувства автора выражаются в его повествовании и путем использования слов с суффикса-

ми субъективной оценки, то есть с ласкательным, увеличительным, уменьшительным, пренебрежительным и т. п. значением. Так, говоря о полюбившихся ему голубях, Иван Северьяныч называет их голубочками, голубяточками, голубенками (IV, 403), и эти суффиксальные образования уже сами по себе передают его умиление и нежность. Татарскую лошадку, поразившую его своей ладной красотой, он ласково называет кобылкой (417), о длинных ресницах Груши говорит с восторгом: ресничищи (IV, 470). И, наоборот, его слова о татарах, в которых он видит своих врагов, уже самой своей формой выдают его неприязненное, пренебрежительное отношение к ним: татарва (IV, 434), татарище (IV, 419), брюхастый Бакшей (IV, 420), худющий Чепкун (IV, 420) и т. п.

В той же семантической функции выступают в речи Ивана Северьяныча и префиксальные образования. В частности, легко заметить его пристрастие к прилагательным с экспрессивной приставкой «пре-», которые употребляются им обычно вместе с соответствующими бесприставочными прилагательными, образуя с ними как бы одно слово усиленного значения. Так, Иван Северьяныч рассказывает, что в Николаеве напал на него барин «опромный — преопромный» (IV, 407). кибитка хана Джангара выделяется среди других тем, что она «пестрая-препестрая» (IV, 417), последнюю песню Груша дотянула «тонко-претонко» (IV, 469), ресницы у цыганки «длинные-предлинные» (IV, 471).

В кульминационные моменты своего рассказа Иван Северьяныч прибегает к словам с еще более интенсивной эмоциональной окраской — просторечиям и вульгаризмам, наиболее непосредственно выражающим обуревающие его чувства. В этом отношении интересен рассказ Ивана Северьяныча об усмирении дикого коня. Вначале это не конь, а «людоед», «бес», «мерзавец» (IV, 391—392), все эти слова уже сами по себе передают ту лютую злость, которую испытывал всадник в момент своего опасного единоборства с необъезженным конем, когда тот ежесекундно мог убить его. Но вот Иван Северьяныч добился победы, лексика его рассказа резко меняется: о том же коне говорится уже не с ненавистью, а с сочувствием и уважением: «... носил он меня, сердечный, носил...» (IV, 393), «гордая очень тварь был» (IV, 393). Так экспрессивно выразительная просторечная лексика передает богатую гамму чувств и переживаний героя, который предстает в самом своем рассказе человеком азартным, страстным, способным к крайнему душевному ожесточению и в то

же время отходчивым, добрым по своей природе. Та же непосредственность эмоциональной реакции заставляет Ивана Северьяныча воскликнуть от всего сердца при виде стройной татарской кобылки: «Ах ты, змея!.. ах ты, стрепет степной. аспидский!.. ах ты, милушка!» (IV, 418).

Использование суффиксальных и префиксальных образований с экспрессивным значением, просторечной лексики, вульгаризмов — все это сообщает речи Ивана Северьяныча не только неповторимый индивидуальный колорит, но и социальную характерность: это речь народная, мужицкая, очень близкая по лексике языку русских народных сказок и былин. Об этом свидетельствует и обилие в его рассказе диалектных форм и идиом: угонил (IV, 431), не дождал (IV, 431), латошить, то есть суетиться без толку (IV, 451), статочное ли дело (IV, 389), невесть куда попадет (IV, 400), сомлел (IV, 427), как что-то шаркнет (IV, 491) и т. п.

Однако необходимо заметить, что диалектизмы занимают сравнительно малое место в речи героя и, как правило, их смысл немедленно поясняется рядом стоящим словом — синонимом общеупотребительного значения. «...А сам он, зря, как Бакшея спрохвала поливает, не частит, а с повадочкой» (IV, 423), — говорится об опытном в состязании на «перепор» татарине. Употребленный здесь диалектизм «спрохвала» раскрывается в своем значении уточняющими обстоятельствами: сечет мерно, с повадочкой.

В то же время Иван Северьяныч нередко использует в своем рассказе и слова «высокого стиля» книжного происхождения. Порой просторечия, диалектизмы и слова и выражения литературного происхождения соединяются друг с другом в пределах одной фразы, сообщая речи героя неповторимую индивидуальную характерность. Так, вмешавшись в общий разговор о самоубийцах, Иван Северьяныч заявил: «Я, что вы насчет того света для самоубийцев говорите, что они будто никогда не простятся, не приемлю. И что за них будто некому молиться — это тоже пустяки...» (IV, 387). О своей попытке спастись из плена с помощью миссионеров, он рассказывает: «... выбрал такой час, что они были одни в особливой ставке, и кинулся к ним и уже со всею откровенностью им все рассказал, что самую жестокую участь претерпеваю, и прошу их...» (IV, 438). Итак, с одной стороны, просторечные разговорные формы: самоубийцев, пустяки, особливый, кинулся, с другой, — литературные выражения: не приемлю, жестокую участь претерпеваю.

Само по себе использование в речи героя лексики книжного характера и, в частности, церковнославянизмов, свидетельствует об определенной начитанности Ивана Северьяныча, который, как мы узнаем, в бытность свою в монастыре увлекался чтением житийной литературы. Таким образом, эта особенность его речевой манеры имеет в повести реалистическую мотивировку.

Наряду с вычитанными из «святых» книг литературными и церковнославянскими речениями, Иван Северьяныч как человек бывалый, долгое время служивший у князя, употребляет порой в своем рассказе и иностранное слово. При этом часто оказывается, что он знает его только понаслышке и не понимает его истинного смысла; в контексте рассказа чужое слово оригинально переосмысляется, что сообщает его речи комический оттенок. Так, Иван Северьяныч рассказывает: «В Москве, в манеже, один конь был, совсем у всех наездников от рук отбился и изучил, профан, такую манеру, чтобы за колени седока есть...» (IV, 391). Слово «профан» здесь употреблено со значением «подлец». Очевидно, услышав его однажды, рассказчик не понял его точного смысла, но правильно уловил его значение отрицательного признака, отсюда и возможность подобного переосмысления, создающего комический эффект.

Комическое впечатление производит в рассказе Ивана Северьяныча и использование якобы французского выражения «пти-ком-пе». Вначале Иван Северьяныч слышит его от жулика-магнетизера, который хвастается отличным знанием французского языка. «... Я тебе такое пти-ком-пе представлю, — обещает он Ивану Северьянычу, — что ты себя иным человеком ощутишь» (IV, 465). Увидев после этого цыганку Грушу, Иван Северьяныч осмысляет эти слова как утонченное выражение высшего эстетического восторга и именно в таком значении употребляет их сам, слушая потом вместе с князем пение цыганки. «Князь шепчет: «Что?» А я ему тоже шепотом по-французски отвечаю: «Пти-ком-пе», — говорю, и сказать больше нечего...» (IV, 479). Однако в действительности эти слова только напоминают французские по своему звучанию, но лишены всякого смысла. Таким образом, использование этого подхваченного у «магнетизера» выражения лишний раз показывает детскую доверчивость Ивана Северьяныча и его наивное тщеславие простого человека, любящего щегольнуть на публике своей образованностью.

Некоторые иностранные слова Иван Северьяныч употребляет в их истинном значении, однако слегка видоизменяя их форму на подобие русских. О коне он говорит, что тот «пардону просит» (IV, 393), о татарине, что он стоит как «статуй великолепный» (IV, 418), о князе, что он просит денег «на реванжик» (IV, 453). Подобные отклонения от литературной нормы естественны в речи малообразованного крестьянина.

Не только лексика, богатая и разнообразная по своему составу, но и синтаксис речи Ивана Северьяныча сообщает ей характер сказа, то есть устного повествования от лица человека из народа. Типично стилистической приметой в этом отношении является употребление в пределах одного предложения нескольких однородных сказуемых с союзом «и», а также повторение глагола-сказуемого с целью усиления его значения. Вот, например, как рассказывает Иван Северьяныч о бедном попике-запивашке, которого владыка хотел было подвергнуть строгому наказанию за пьянство. «Посмотрели на него и видят, что действительно этот попик запивашка, и решили, что быть ему без места. Попик огорчился и даже перестал пить, и все убивается и оплакивает... Вот и хорошо... И стал он от этого часу еще больше скорбеть. Ну хорошо: скорбит он и скорбит, а владыко решили, что быть ему за его пьянство без места, и легли однажды после трапезы на диванчик с книжкой отдохнуть и заснули. Ну хорошо; заснули они или этак только вздремнули, как вдруг видят, будто к ним в келию двери отворяются...» (IV, 338).

Повторяющаяся обобщающая формула «вот и хорошо», «ну хорошо» усиливает впечатление непосредственно разговорной интонации, которое порождает такая синтаксическая конструкция фразы.

Трудно сказать, где полнее проявляется личность героя повести Лескова — в его чувствах, поступках и действиях, о которых он рассказывает, или в самом его неторопливом рассказе, которым он завораживает своих слушателей. М. Горький не раз восхищался удивительной содержательностью и выразительностью «артистических монологов» Лескова, которые,по его убеждению, все еще не оценены «по достоинству их»[14]. Именно Горькому принадлежит и лучшая характеристика языка Лескова, поражающая тонким постижением своеобразной художественной манеры автора «Соборян» и «Очарованного странника». «Как художник слова

[14] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30, стр. 183.

Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров... Лесков — тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе... Люди его рассказов часто говорят о себе, но речь их так удивительно жива, так правдива и убедительна, что они встают перед вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого и других, — иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приемом мастерства... Толстой, Тургенев любили создавать вокруг своих людей тот или иной фон, который еще более оживлял их героев, они широко пользовались пейзажем, описаниями хода мысли, игры чувств человека, Лесков почти всегда избегал этого, достигая тех же результатов искусным плетением нервного кружева разговорной речи»[15].

При своем появлении «Очарованный странник» Лескова не получил достойного литературного признания.

Причину этого следует искать прежде всего в противоречивой идейной концепции повести, отразившей сильные и слабые стороны общественно-литературной позиции писателя начала 1870-х годов.

Как уже говорилось, «очарованный богатырь» Лескова символизирует великие подспудные силы народа, не поднявшегося еще, по убеждению автора, к сознательному участию в исторической жизни. Передовых современников писателя не мог удовлетворить такой герой. Важнейшим критерием ценности человеческой личности в 1860-х—1870-х годах становится степень сознательного осмысления ею своих социальных интересов. В этом смысле показательна статья Шелгунова «Русские идеалы, герои и типы» («Дело», 1868). В ней говорится о том, что герои былин олицетворяют стремления русского народа удельного периода, когда все решала не сознающая сама себя, детски добродушная «силушка». В новых исторических условиях, по мысли критика, положение изменилось. Масса уже достигла известного интеллектуального развития, общество движется вперед уже не отдельными героями, а собственной поступательной силой. Теперь более всего необходимо развитие коллективного социального сознания, которое Шелгунов находит у героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

---

[15] Там же, т. 24, стр. 275—276.

В свете этих рассуждений становится понятно, что «Очарованный странник» Лескова, имеющий столь много родственного с героями русских былин, не мог вызвать сочувствия и одобрения в критике демократического лагеря, заинтересованной в том, чтобы литература создавала типы и характеры, соответствующие новому историческому моменту русской жизни и прежде всего отражающие процесс пробуждения самосознания масс.

С другой стороны, произведение, поэтически возвеличивающее простого человека, крепостного мужика, в котором автор находит живое воплощение лучших черт исконно национального характера, естественно, оказалось неприемлемым для «Русского вестника», где писатель надеялся его поместить. Лескову было сообщено, что его повесть не может быть принята к печати. Из письма автора «Очарованного странника» к П. Щебальскому явствует, что нарекания редакции журнала Каткова вызвало именно лицо главного героя, которое якобы чересчур выпячено в повести. Обиженный этими замечаниями, Лесков писал: «...почему же лицо самого героя должно непременно стушевываться? Что это за требование? А Дон-Кихот, а Телемак, а Чичиков? Почему же не идти рядом и среде и герою? Я знаю и слышу, что «Оч. (арованный) стр. (анник)» читается живо и производит впечатление хорошее...» (X, 360). Антидемократический характер требования редакции «Русского вестника» становится очевидным, если вспомнить, что в это время критик журнала В. Г. Авсеенко настойчиво стремился доказать в своих статьях, что якобы только жизнь людей привилегированного класса может представить интерес для художника и читателя. Опускаться в низшие сферы жизни, по мысли критика, значит оскорблять искусство и его почитателей.

Таким образом, повесть Лескова «Очарованный странник» способствовала выявлению серьезных идейных разногласий между писателем и редакцией «Русского вестника». Они стали еще более очевидными при опубликовании в журнале следующего произведения Лескова — хроники «Захудалый род» (1874), которая вследствие возникших при печатании осложнений осталась неоконченной. Так исподволь подготавливался и становился неизбежным тот разрыв Лескова с реакционным лагерем, который произошел несколько позже, в 1875 году, и положил начало новому этапу в творчестве писателя, ознаменовавшемуся усилением демократических и гуманистических тенденций.

Л. К. БОГОМОЛОВА

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИРИКИ В ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ

Задача воспитания нового человека заставляет по-новому взглянуть на преподавание литературы в школе.

Неслучайно на страницах «Учительской» и «Литературной» газет время от времени появляются полемические статьи, вспыхивают острые дискуссии по генеральным вопросам школьного изучения литературы. Среди них значительное место занимает и проблема эстетического воспитания учащихся на уроках литературы.

Жизнь и искусство выступают в школе как диалектическое единство. Жизнь помогает осмыслить и оценить красоту и совершенство искусства, и, наоборот, искусство учит видеть красоту в окружающем мире, рождает потребность прекрасного в жизни. Совершенно справедливо пишет С. Титов: «...как это важно для каждого — вовремя понять сердцем, что красота, заключенная в произведениях литературы, не есть нечто далекое, «книжное», что нет никакой зримой грани между книгой и жизнью, что самое повседневное и простое может стать предметом искусства, что великого Пушкина вдохновляло и трогало по существу то же самое, к чему ты ежечасно прикасаешься душой...»[1].

Словесник для учащихся — это первооткрыватель прекрасного и в жизни и в искусстве. В лирике он открывает перед ними волнующий мир благородных и сильных чувств, глубоких и смелых мыслей, ярких красок и образов, рожденных действительностью, поэтическим видением жизни. Каждая

[1] «А если не любить?» — «Литературная газета», 1962, 20 окт.

встреча учащихся с новым поэтом — это в то же время и встреча с новым, удивительно интересным, умным человеком и неповторимым, своеобразным художником. Изучение лирики в школе — это бесконечное, но всегда интересное эстетическое познание жизни и эстетическое осмысление искусства.

Естественно поэтому, что проблеме эстетического воспитания учащихся последнее время уделяется большое внимание[2].

Многообразны и сложны вопросы, связанные с решением этой проблемы. В предлагаемой статье основное внимание уделяется эстетическому воспитанию учащихся при изучении лирики в 5—6 классах.

Программа 5—6 классов дает возможность определить своеобразный «эстетический стержень»: от воспитания эстетического восприятия и чувств учащихся к воспитанию их эстетического вкуса и эстетического идеала.

Конечно, все это в процессе изучения литературы диалектически взаимосвязано, но программа и возраст учащихся позволяют постепенно менять аспект эстетического анализа художественных произведений.

Естественно, что в восьмилетней школе учащихся не знакомят с понятием «эстетический идеал»: эту задачу решает одиннадцатилетняя школа[3].

Однако и в средних классах не исключается, а, наоборот, предполагается постепенная подготовка к сознательному осмыслению и усвоению этого сложного понятия, так как от созерцательного отношения к окружающему миру и наслаждения красотой художественного произведения учащиеся идут к творческому, активному, гражданскому отношению к жизни и искусству.

---

[2] Эстетическое воспитание на уроках литературы и во внеклассной работе. — Сб. под ред. Е. Т. Савченко, М., АПН РСФСР, 1954. Н. А. Дмитриева. Вопросы эстетического воспитания. М., 1956. Э. Н. Горюхина. Эстетическое воспитание школьников. Новосибирск, 1958. Эстетическое воспитание учащихся. — Сб. статей под ред. В. Н. Шацкой, М., Учпедгиз, 1960. В. Баевский. Эстетическое воспитание на уроках литературы. Учпедгиз, 1960. В. Г. Маранцман. Роль произведений искусства о природе в эстетическом воспитании учащихся V класса. — «Литература в школе», 1962, № 2. Эстетическое воспитание в школе (из опыта работы). — Сб. под ред. А. В. Алмазова. Учпедгиз, Л., 1962 и др.

[3] См. статью З. Я. Рез «Формирование понятия «эстетический идеал» при изучении классицизма и романтизма» (Сб. Эстетическое воспитание в школе. Л., Учпедгиз, 1962, стр. 29—64).

Совершенно бесспорно, что началом начал эстетического воспитания является непосредственность и эмоциональность восприятия. Эстетическое воздействие художественного произведения на слушателей зависит от выразительного чтения самого учителя.

Об этом говорил на съезде учителей А. Твардовский, горячим защитником искусства выразительного чтения выступил в недавней дискуссии А. М. Топоров. Эта проблема нашла многообразное освещение и в методической литературе[4].

С требованием мастерского чтения художественных произведений в школе нельзя не согласиться. Но каким бы сильным ни было непосредственное восприятие произведения, полностью полагаться на стихийное его осмысление учащимися нельзя. В силу многих причин учащимся и после образцового чтения недоступна сознательная оценка красоты произведения, его художественного совершенства, богатства эмоционального наполнения. К этому единодушному выводу приходит большинство методистов и учителей-практиков.

В творческом активном осмыслении произведения по законам красоты большую роль играет творческое воображение учащихся, их творческое мышление.

Творческое воображение дает возможность представить себе полнее и ярче картины, проникнуть в эмоциональный подтекст художественного произведения. Творческое воображение требует от учащихся большого эмоционального и интеллектуального напряжения «соучастия многих его способностей — от зрения и памяти до сложнейших комбинаторных функций разума»[5].

Большое место в V—VI классах занимает пейзажная лирика. Выраженная в ней любовь к природе воспринимается читателем и как любовь к человеку, к родине, жизни. Но как различны оттенки этого чувства, определяемого мировосприятием автора, его отношением к жизни, к людям! Любовь — восторг, любовь — грусть, любовь — печаль и т. д.

---

[4] А. Ф. Коробов, Т. Ф. Завадская, Н. Н. Шевелев. Выразительное чтение в школе. М., Учпедгиз, 1959. Е. В. Язовицкий. Выразительное чтение как средство эстетического воспитания. Л., Учпедгиз, 1954. М. Г. Качурин. Выразительное чтение в 8—10 классах. Учпедгиз, 1960. Н. Н. Шевелев. Выразительное чтение в V—VIII классах, АПН РСФСР, М., 1961

[5] П. Медведев. В лаборатории писателя. «Советский писатель», 1960, стр. 20.

В пейзажной лирике программы V класса мир природы гармоничен, прекрасен человек, способный понять красоту окружающего мира природы и выразить ее в совершенных творениях. Светлая радость жизни бьется в стихотворениях И. С. Никитина «Утро», Ф. И. Тютчева «Весенние воды».

При изучении стихотворения «Сын артиллериста» К. Симонова любовь к Родине раскрывается как подвиг, а в стихотворении В. Маяковского «Кем быть?» — как труд.

Таким образом, любовь к Родине вырисовывается как действенное чувство. Учащиеся постепенно начинают ощущать гражданский пульс лирики.

В VI классе продолжается знакомство с лирикой, воспевающей природу, жизнь, человека («Кавказ» А. С. Пушкина, «Я пришел к тебе с приветом» А. А. Фета). Но усиливаются и другие мотивы: эстетически-философское восприятие природы человеком (стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус»), социальная обостренность чувства в описании жизни, природы и людей (стихотворения Н. А. Некрасова «На Волге» и «Забытая деревня»); интернационализм (в стихотворениях «Сами» Н. С. Тихонова, «Баллада об ордене» А. И. Безыменского).

Важное место в курсе VI класса занимают стихи о Ленине. Их целесообразнее изучать не оторванно друг от друга (следуя программе), а вместе, как один идейно-целостный цикл: собранные воедино, они сделают поэтический разговор о Ленине более интересным, взволнованным и содержательным.

Следовательно, программа VI класса позволяет говорить о воспитании у учащихся гражданских чувств. Ученики естественно придут к мысли, что истинный поэт, создатель произведений искусства по законам красоты — это в то же время и настоящий гражданин.

Но обратимся к первой ступеньке эстетического образования учащихся восьмилетней школы — к 5 классу.

Программа этого класса предполагает изучение лирических произведений, связанных с темами: «Лето», «Осень», «Зима», «Весна». Уроки литературы в 5 классе открываются изучением устного народного творчества. Конечно, эта тема интересна и необходима[6], но целесообразнее один из первых уроков после вступительной беседы (содержание ее может

[6] К изучению этого раздела программы уместно приступить после темы «Осень».

быть самым разнообразным: о значении книг, о прочитанном, о летних впечатлениях, проверка навыков чтения учащихся и т. д.) посвятить стихотворению Никитина «Утро», которым начинается тема «Лето».

Дети полны летних впечатлений, да и само лето, уходящее, еще чувствуется в самой природе. Нет смысла останавливаться на содержании вступительной беседы, предшествующей чтению никитинского «Утра». Этому стихотворению посвящена довольно многочисленная и во многом интересная литература, дающая (в зависимости от поставленных задач) разнообразные методические решения[7]. Мы исходим из того, что изучение стихотворения Никитина как первого произведения в курсе 5 класса и последующих, связанных с темой «Лето», — это начало начал, своеобразный отправной пункт для пятиклассников, своеобразный эстетический компас.

Уже на первых уроках учащиеся должны почувствовать, что лирические произведения различны по настроению. Каждый поэт вкладывает в произведение свои мысли, чувства, стремится передать читателю то, что волнует его самого. И художник находит свои выразительные и изобразительные средства, которые помогают читателю увидеть картины и образы.

В процессе анализа нужно вести учащихся к мысли, что в описаниях природы зримо или незримо присутствует человек, который чувствует красоту природы, познает ее и через нее познает себя.

Все это вместе взятое усиливает эстетическое воздействие лирики и создает основу для сознательного, осмысленного выразительного чтения стихотворения самими учащимися.

С первых уроков учащиеся должны приобщаться к мысли, что выразительное чтение — это значительный и необходимый шаг в мир прекрасного. Важно, чтобы они не только эстетически воспринимали и осмысливали произведение, но и

---

[7] В. В. Голубков. И. С. Никитин. «Утро». — Литературное чтение в школе. М., 1954.

А. М. Кривова. Работа над текстом стихотворения И. С. Никитина «Утро». — «Литература в школе», 1954, № 4.

Г. К. Бочаров. О методах преподавания литературы в восьмилетней школе. Под ред. Н. М. Кудряшова, М., АПН РСФСР, 1961.

В. Г. Маранцман. Роль произведений искусства о природе в эстетическом воспитании учащихся в V классе. — «Литература в школе», 1962, № 2.

умели передавать свое понимание, свое «сопереживание» в выразительном звучании.

Для этого нужно представить себе ряд сменяющих друг друга картин летнего утра, созданных Никитиным, чутким художником слова, глубоко понимающим жизнь и умеющим уловить красоту в самых неприметных ее проявлениях.

При анализе целесообразно идти от образного восприятия к чувствам, сохраняя, однако, целостное представление о каждой отдельной картине.

Конечно, общая тональность стихотворения учащимся ясна, но развитие чувства, внутреннее движение его, эмоциональный подтекст (что чрезвычайно важно для выразительного чтения) охватить и понять сразу они не в состоянии.

После чтения стихотворения и выяснения его общего эмоционального звучания уместно использовать прием устного рисования.

Совершенно справедливо замечание Т. В. Чирковской, что «учитель не может ограничиваться только тем, что дает задания представить, нарисовать. Дети рисуют хорошо тогда, когда и учитель рисует вместе с ними, дает настрой, психологически подготавливает школьников»[8].

Чтобы помочь учащимся нарисовать мысленно картину, создать усилием воображения наглядный, зрительный образ, учитель сам начинает разговор о стихотворении, постепенно привлекая к анализу учащихся.

Представьте себе, говорит он, раннее-раннее утро в деревне, вы проснулись; чуть поеживаясь от бодрящей свежести, побежали к реке и замерли от восторга перед неяркой, но удивительной картиной.

Ощущение раздолья, простора рождается в вашей душе. Единым взором не охватить открывшейся вашему взору картины. Невольно обращается взгляд на небо, расстающееся с ночными его красавицами — звездами («звезды меркнут и гаснут»). И занимающееся утро уже окрашивает мир своими живыми красками («В огне облака, от зари алый свет разливается»). А внизу еще царствует покой: «тишь — безлюдье вокруг», «дремлет чуткий камыш», спокойная зеркальная вода, чуть оживленная отблесками зари. Правда, земля уже как будто дышит, с трудом просыпаясь от ночного сна: «белый пар по лугам расстилается». А кусты и трава, умытые

[8] Т. В. Чирковская. Устное словесное рисование. Сб. Эстетическое воспитание в школе. Л., Учпедгиз, 1962, стр. 161.

серебристой росой, готовые встретить солнышко, блестят и сверкают свежей зеленью.

Картина мастерски передает состояние тишины и покоя в природе. Короткие предложения, спокойное, размеренное повествование создает своеобразный мелодический, ритмический рисунок, удивительно созвучный общему настроению.

И в то же время эта картина исполнена ощущения свежести от сверкающих росой кустарников, от холодной, спокойной реки, чувства бодрости, вызванного ожиданием солнца, источника света, тепла, радости.

В результате устного рисования возникает живое, активное восприятие и эстетическое осмысление природы и лирического произведения. Нет необходимости точно так же воссоздать в воображении учащихся новую картину. Достаточно спросить, как изменится воображаемая картина. Краски станут резче: потемнеет потревоженная река («воду морщит, рябит»), ярче запылает небо («а восток все горит, разгорается»), разбуженное шумом уток («пронеслись утки с шумом и скрылися»). Нарушен покой, утро наступает, оно рождает движение («потянул ветерок»), звуки («далеко, далеко колокольчик звенит», «птички песню поют»); светлую радость («и стоит себе лес, улыбается»).

Это же чувство безотчетной светлой радости, бодрости все сильнее овладевает нами.

И вот новая и последняя картина: яркая, торжествующая, она воспринимается как гимн солнцу и жизни.

Невольно у вас возникают ответные чувства: вы восхищаетесь красотой природы, вместе с автором радуетесь солнцу, теплу и свету нового, зарождающегося дня.

И только после эмоционально-образного анализа возможен на следующем уроке переход к обучению учащихся выразительному чтению. В небольшой предварительной беседе учитель скажет, что чтец должен передать чувства автора и вызвать определенное настроение у слушателей. Для этого нужно хорошо понять и прочувствовать стихотворение, пережить вместе с автором то, что вызвало его радость, взволновало его. Читая, нужно как бы мысленно видеть те картины, которые создает автор силой поэтического слова.

Далее учащиеся вспоминают эмоционально-образное содержание стихотворения и делают вывод, что при чтении нужно передать чувство постепенно усиливающейся и, наконец, торжествующей радости, вызванной красотой, свежестью пробуждающейся природы.

Эмоционально-образное осмысление произведения помогает найти при чтении отдельных картин верные интонации.

Спокойно и с каким-то задумчивым любованием льется речь вначале. Радость ожидания солнца окрашивает настроение в светлые, но еще сдержанные тона. Но вот окончательно рушатся оковы сна, человек восхищается, восторгается природой, душа его открыта всему хорошему, доброму, светлому, и, возбужденный, он с надеждой восклицает: «Здравствуй, солнце да утро веселое!».

Непосредственно интонацией определяется темп речи и сила голоса. Вместе с учащимися выясняем значение и смысл этих понятий. Далее учащиеся знакомятся с простейшими приемами выразительной речи.

Как же изменяется при чтении стихотворения темп речи, сила голоса и почему?

Чтобы передать покой, тишину, раздолье русской природы, первые строчки читаются в замедленном темпе. И, как бы боясь нарушить молчанье, сковавшее природу, они звучат несколько приглушенно...

Но постепенно нарастает темп речи и сила голоса. Торжествуют солнце, свет, движение, радость. И об этом можно и нужно говорить полным голосом (хотя и не крикливо), в энергичном темпе.

На этом же уроке необходимо раскрыть перед учащимися и значение пауз, что помогает чтецу проникнуть в подтекст, ощутить подводное течение, почувствовать автора, человека.

Учащимся объясняется значение слова «пауза», говорится, что в стихотворении, как правило, каждая строчка сопровождается паузой. Различные по долготе паузы соответствуют знакам препинания[9].

Для чтеца роль паузы значительнее, нежели простая остановка. Вот первые слова: «Звезды меркнут и гаснут». Естественно возникает небольшая остановка, дающая возможность как бы увидеть открывшуюся нашему взору картину. Следующая фраза: «в огне облака», и вновь пауза: перед глазами новая картина, которой невольно любуешься. Так возникает живое ощущение природы. А потом ваш взор падает на землю («Белый пар по лугам расстилается»). Небольшая остановка как бы помогает пережить ощущение свежести, мы чуть ежимся от утреннего тумана, окутавшего

[9] С теоретическими основами выразительного чтения учитель может познакомиться в соответствующих пособиях. См. о них на стр. 105.

землю. Следующая фраза произносится в едином потоке с естественными остановками, вызванными знаками препинания и окончанием строчек. Но вот два предложения: «Дремлет чуткий камыш, Тишь — безлюдье вокруг», — сопровождаются паузами иного назначения, которые помогают как бы мысленно воссоздать картину тишины и покоя.

Продолжая таким образом работу, учитель прослеживает с учащимися своеобразную роль психологических пауз. Конечно, пятиклассников не знакомят с понятием психологическая пауза.

И только после всех этих объяснений и последующих тренировок можно требовать от учащихся выразительного чтения, но трудно ожидать, что стихотворение сразу зазвучит, что учитель получит желаемый результат. Это только начало долгой, кропотливой, поистине ювелирной и очень нужной работы. Недаром в новых экзаменационных билетах по русскому языку для 8 класса один из вопросов требует выразительного чтения какого-либо стихотворения или прозаического отрывка.

Продолжая тему «Лето», на этом же уроке можно прочитать стихотворение С. Есенина «С добрым утром», чтобы показать, как по-разному воспринимают и описывают природу поэты.

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

Обрядилась ярким перламутром
У плетня заросшая крапива
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!».

Нельзя категорически утверждать, что стихотворение Есенина лучше или хуже стихотворений Никитина: каждый поэт по-своему видит природу и каждый читатель по-своему воспринимает лирику: одного трогает то, к чему остается другой равнодушен.

Но чем же отличается стихотворение «С добрым утром» Есенина от никитинского «Утра»?

Если у Никитина дается постепенное пробуждение природы, то у Есенина описан момент, когда природа расцветает от первых лучей утреннего солнца. В его стихотворении те же краски, какие торжествуют у Никитина: золотые звезды, румяный свет, зеленые сережки, серебро росы...

Но несколько иное настроение передает и вызывает есенинское утро. Все время чувствуется добрая, лукавая, чуть озорная улыбка автора: березки улыбнулись, растрепали косы, крапива шепчет шаловливо.

Природа так же, как и у Никитина, одухотворена, изображена, как живое существо, но у Есенина она ближе, роднее автору, с ней ему хорошо, тепло...

На следующем уроке, памятуя об этом, мы продолжаем своеобразное «путешествие» в лето. Нужно, чтобы в нем активное участие приняли сами учащиеся (выразительное чтение стихов, заранее подготовленных учащимися, анализ достоинств и недостатков этого чтения остальными и т. д.). Роль ведущего учитель берет на себя.

Хорошо летнее утро — это начало дня. Но и жаркий день и короткая летняя ночь вызывает у А. Фета восторг:

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Коротка летняя ночь («лишь на миг», месяц изумлен, «что день не минул»...). Лето — это царство дня, торжество света, тепла, солнца — источника жизни... Лето — это сама жизнь, это рождение хлеба... И как по-разному говорит Фет о хлеб-

ных бескрайних полях: «зреет рожь», «золотые переливы», «безбрежная жатва хлеба...» И опять природа кажется нам живой: небо — «огнедышащее око», и нас как будто опаляет жаркое дыхание лета; месяц смотрит робко, изумлен, — и в нашем представлении возникают бледные небеса с неясными контурами уже готового исчезнуть месяца.

Так на конкретном материале учащиеся изучают смысл и сущность олицетворения, постепенно идут к сознательному усвоению этого понятия.

Но летний день, продолжает «путешествие» учитель, не всем и не всегда по душе. Как порой бывает томительно жарко; природа и все живое изнывают от духоты, как мечтается о веселом и освежающем ливне, о «грохоте летних бурь».

Поэт Ф. Тютчев одно из своих стихотворений посвятил грозе...

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво — безумно
Вдруг на дубраву набежит —
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины,
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Кружась, слетает на дорогу...

Как раскаты грома, потоки ливня, звучат стихотворные строчки. Какое же чувство охватывает человека при виде разбушевавшейся стихии?

Автор передает чувство бурной, буйной радости, безудержного веселья. Какие же слова, выражения помогают понять состояние автора, заражают нас торжествующе-озорным настроением?

Автор прямо говорит, что «весел грохот летних бурь», а вот слова (в основном глаголы, отглагольные формы), кото-

рые дают представление о буйном смятении природы: гроза, **нахлынувшая** тучей, **взметая, смутит, набежит,** дубрава **задрожит.** И невольно чувством безотчетной радости заражаетесь и вы. Что нового появляется в настроении автора во второй части? Чувство смутной тревоги охватывает природу и невольно передается человеку: «под незримою пятой» гнутся исполины — деревья, «тревожно ропщут их вершины», — во всем внезапная тревога... Звучание строчек создает ощущение чего-то таинственного, необычного, тревожного...

Разбушевавшаяся, грозная стихия радует и тревожит человека, и он уже ждет ее конца.

Невыразимо прекрасна природа после грозы. Можно прочитать, без комментариев, небольшое, но поэтическое описание её, принадлежащее М. Пришвину: «Утро, как счастье, пришло. После грозы и дождя все дорожки в лесу, доступные солнечным лучам, курились.

Даже в темном ельнике лучи, пробиваясь сквозь полог косыми столбами, падали внутрь леса, и там в этих столбах показывалось наряженное, как к новому году, деревце, сверкающее огнями всех цветов».

А вот С. Маршак в стихотворении «В путь» описывает пионерское лето, полное удовольствий, развлечений, здорового отдыха. Приметы времени явственно выступают в этом стихотворении. После чтения уместно спросить, а почему Маршак говорит:

И видеть край перед собой,
Родной, но незнакомый...

Каждая встреча с природой — это новое открытие её тайн, бесконечное наслаждение красотой для глаз зорких и наблюдательных, для ума пытливого и острого, для сердца чуткого и поэтического.

В любви к природе наши русские и советские писатели видят неиссякаемый источник сил и вдохновения, а в красоте её — красоту русского человека.

В заключение пусть прозвучат стихи В. Рождественского «Русская природа».

Ты у моей стояла колыбели,
Твои я слышал песни в полусне,
Ты ласточек дарила мне в апреле,
Сквозь дождик солнцем улыбалась мне.

Когда порою изменяли силы
И обжигала сердце горечь слез,
Со мною, как сестра, ты говорила
Неторопливым шелестом берез.

Не ты ль под бурями беды наносной
Меня учила (помнишь те года?)
Врастать в родную землю, словно сосны,
Стоять и не сгибаться никогда.
В тебе величье моего народа,
Его души бескрайние поля,
Задумчивая русская природа,
Спокойная красавица моя!

Таким образом, вся система уроков преследовала определенную цель: вызвать у учащихся чувство любви к русской природе, к поэзии, воспевающей её, научить видеть прекрасное в искусстве и жизни, выражать в звучании идейно-эмоциональное содержание стихотворений.

На следующих уроках учащиеся делают новый шаг в мир прекрасного: происходит встреча с живописью. Знакомство с произведениями живописи дает возможность глубже понять историю нашего народа, лучше осознать непреходящее значение подлинно художественных ценностей.

Быть зрителем, понимать произведения живописи, его специфику — трудное, но важное искусство. И нужно постепенно, но настойчиво вводить учащихся в своеобразный мир живописи, учить их понимать художественные полотна. В этом им большую помощь окажет беседа «Как понимать живопись». Подобного рода беседу в зависимости от местных условий можно провести на уроках рисования, на внеклассных занятиях, в музее, в школьной галерее. Но лучше, если этот разговор будет включен в классную систему литературных занятий. Цель подобного урока — познакомить учащихся (учитывая их возраст) со спецификой живописи, вызвать интерес к этому виду искусства, заложить основы вдумчивого проникновения в смысл и значение картины. Урок не следует перегружать иллюстрациями, лучше сосредоточить внимание на одной картине (напр. «Свидание» М. Маковского), чтобы перед учащимися постепенно и наглядно раскрывались своеобразные возможности живописи. Учитель найдет интересный и

полезный материал в ряде пособий[10], используя которые, он может провести вступительную беседу.

На следующем уроке, тренируя учащихся в чтении картин, обращаемся к осенним пейзажным зарисовкам и одновременно подготавливаем пятиклассников к восприятию темы «Осень».

Подробное освещение этой темы не входит в круг задач статьи. Однако хотелось бы выделить отдельные моменты.

В процессе изучения новой темы продолжаем вести учащихся от непосредственных личных впечатлений к новому «открытию» мира через осознанную красоту художественного произведения; по-прежнему стремимся развить творческую мысль, разбудить воображение, вновь и вновь обращаемся к обучению выразительному чтению.

Опираясь на то, что уже известно учащимся, знакомим их в то же время с логическим ударением.

Учитывая возраст учащихся, лучше не называть этого понятия, а говорить о выделении голосом отдельных слов.

Первая строчка («Унылая пора, очей очарованье») звучит как своеобразная прелюдия. Выделение слов помогает понять пушкинское восприятие осени: да, осень,—может быть, для многих и унылая пора, но сколько в ней очарованья и своеобразной прелести, как много она значит для поэта. В последующих строчках звучит искреннее признание:

Приятна мне твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье...

Осень для Пушкина — источник творческого вдохновения, источник бодрости, через всю жизнь пронес он любовь к этому времени года. В осени ему приятно многое: «в багрец и золото одетые **леса**», «**ветра** шум», «свежее **дыханье**» и т. д. Следовательно, выделяя отдельные слова голосом, мы стремимся обратить внимание учащихся на основной идейно-эмоциональный стержень стиха.

Знакомя учащихся со стихотворением Пушкина «Осень»,

---

[10] В. Н. Кожухов. Рассматривание картины на уроках рисования. М., Учпедгиз, 1956.

Г. А. Недошивин. Беседы о живописи. М., 1959.

А. Каменский. Зрителю о живописи. М., 1959.

Е. Кибрик. Искусство и художник. М., «Молодая гвардия», 1959.

Е. Ковтун. Как смотреть картину. Язык живописи. Л., Учпедгиз, 1960. Стр. 22.

следует также обратить внимание и на мелодическое звучание стиха, тем самым подготавливая школьников к восприятию музыки.

Несмотря на общее бодрое настроение, которое вызывает у Пушкина осень, стихотворение звучит при чтении как своеобразная, несколько печальная мелодия. Мы как будто слышим шелест плавно падающих листьев, шум ветра, видим человека, задумчиво любующегося пышным увяданьем природы. И это неуловимое сочетание легкой грусти и вдохновляющей бодрости создает своеобразный мелодический рисунок. Стихи звучат, как музыка. Поэзия близка музыке, поэтому неслучайно многие стихи положены на музыку.

Вспомните «Зимний вечер» Пушкина и прослушайте романс Меттнера. Музыка передает то вой ветра, то тревожное настроение в зимнюю бурную ночь, то нежные чувства поэта к няне. В фортепьянном сопровождении также как будто слышится то завывание бури, то жужжание веретена.

Музыку, как и литературу и живопись, нужно уметь чувствовать и понимать, поэтому естественно на одном из уроков поговорить с учащимися о музыке как своеобразном виде искусства.

Опять-таки эту беседу целесообразнее включить в систему уроков по литературе. Тогда именно на уроках словесника возникнет союз муз, их эстетическое «содружество».

Не азы музыкальной грамоты преподнесет учитель в беседе, а покажет учащимся, какое действие оказывает музыка на человека, какие мысли и чувства, воспоминания и образы вызывает она, какое настроение навевает, как обогащает человека.

Используя специальную литературу[11] и учитывая особенности своего класса, учитель может по-своему построить эту беседу.

Подобная беседа обогащает учащихся эстетическими переживаниями, расширяет их кругозор. Цель её — приблизить учащихся к музыке, научить понимать её. Эта беседа — основа для последующего разнообразного и действенного ис-

---

[11] В. Васина-Гроссман. Первая книжка о музыке. М., 1953.

А. В. Луначарский. В мире музыки. М., 1958.

А. Чернов. Как слушать музыку. Л., 1960.

Н. Л. Грозденская. Слушание музыки в школе. М., АПН РСФСР, 1961.

Д. Д. Шостакович. Знать и любить музыку. М., 1958. Стр. 25.

пользования музыки на уроках литературы, это начало приобщения учащихся к миру большого и сложного искусства.

Изучение тем «Лето» и «Осень», «Зима» и «Весна» играет определенную роль в эстетическом воспитании учащихся: развивает их образное мышление, постепенно формирует эстетические вкусы, воспитывает чувства, учит понимать живопись и музыку, любить природу, жизнь, людей, родину.

В результате учащиеся подготовлены к восприятию и осмыслению эстетического идеала художника.

Учащиеся поняли, что художник способен видеть прекрасное в природе и, улавливая в ней созвучное себе, выражать свое «видение» в образах.

Уже в 6 классе важно показать, что поэт, воспринимая красоту природы, острее чувствует социальное несовершенство мира. Знакомясь со стихотворением Лермонтова «Парус», учащиеся убеждаются, что чувства, окрашивающие произведения в определенные тона, вызваны не столько своеобразной красотой природы, сколько глубокими раздумьями, о человеке, о жизни, обществе.

В результате анализа этого стихотворения в воображении учащихся должны возникнуть образные представления, наглядные картины.

Прекрасно море в разные моменты своей жизни. Вот взгляд поэта как будто уносится вдаль, и ему видится туманное голубое море, одинокий парус. Но вот иная картина: море в буйстве стихийных сил («Играют волны, ветер свищет» и т. д.). Выразительны глаголы, создающие немногословную, но полную движения, динамики картину.

Последняя картина радует яркостью, свежестью, чистотой красок, ощущением покоя в природе («струя светлей лазури», «луч солнца золотой»).

На этом ярком фоне видится одинокий парус. Невольно возникают вопросы («Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?»). Это скорее вопрос к человеку, одинокому, заброшенному на чужбину. Почему он одинок, в чем смысл его жизни?

И невольно мы больше думаем о человеке, нежели о парусе. В нашем представлении возникает смелый, мужественный, неудовлетворенный собой и жизнью человек. Как ни прекрасны покой и тишина, ему по душе волнение стихии, буйное кипение сил, мятежность помыслов, дерзаний, вечное обновление жизни. Стихотворение это воспринималось совре-

менниками Лермонтова как выражение передовых гражданских настроений того времени.

В пределах возможного, учитывая возраст, важно и в средних классах раскрывать общечеловеческую значимость произведений великих поэтов.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» чем-то близко и нам: оно рождает в душе высокий строй чувств и мыслей, вечную и святую неудовлетворенность собой, побуждает к действию.

В заключение делается важный вывод, что истинный поэт — это и гражданин, исполненный желания изменить жизнь, сделать ее лучше, чем она есть.

Благодарный материал для воспитания гражданских чувств, эстетического идеала учащихся дает лирика Некрасова. Стихотворение «На Волге» позволяет проследить самый процесс зарождения и развития в душе поэта высоких гражданских и патриотических чувств. Высоких потому, что это мысли не о себе, а о народе. В жизненной борьбе, в потоке личных неудач и неурядиц легко было растерять их. Мало ли кто в юности не был исполнен благородных дум! Однако поэт сумел сохранить в своей душе святой пламень любви к народу, не примириться со злом, не идти на компромиссы с собственной совестью.

В стихотворении равно важны и картины жизни и образ автора-гражданина, с его активным отношением к действительности. В интересной работе ленинградских методистов М. Т. Качурина и М. А. Шнеерсон[12] эти важнейшие компоненты произведения Некрасова анализируются несколько обособленно. Между тем в изучении стихотворения «На Волге» целесообразнее идти от особенностей его композиции: в произведении тесно переплетаются друг с другом изображение настоящей действительности и воспоминаний поэта о прошлом. Если мы учтем в своем анализе это своеобразие внутренней организации стихотворения, то отраженный в нем сложный противоречивый мир действительности и глубокие переживания автора предстанут как диалектическое единство. Именно такой путь анализа, при котором картины жизни, нарисованные в стихотворении, будут рассматриваться неотрывно от авторского восприятия жизни, поможет учащимся острее почувствовать художественную законченность и внут-

[12] Самостоятельная работа учащихся над текстом художественного произведения (в V—VIII классах). Учпедгиз, Л., 1960, стр. 74—80.

реннюю целостность этого произведения, его суровый реализм и интонационное богатство, лирическую, а подчас трагическую взволнованность, особую экспрессивность некрасовского слога.

Стихотворение это написано в 1860 году. Представим себе автора, Некрасова, человека, много пережившего в трудной борьбе за счастье народное. И вот он вновь на берегах родной Волги. Воспоминания охватывают его, и они прежде всего связаны с Волгой.

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки...

В его воображении возникает большая река, необъятные дали («Виднелись горы вдалеке, и синий бесконечный лес...»). На ее берегах, ему помнится, было таинственно, загадочно, интересно: «кричали кулики», «шумели **глухо** камыши», стаи белых птиц, как **изваяния гробниц,** сидели **важно».**

Дороги эти воспоминания автору, поэтому естественно возникает восклицание-обращение: «О Волга! После многих лет я вновь принес тебе привет», — как выражение любви автора, любви, пронесенной через долгие годы.

Какие мысли и чувства вызывает Волга у автора, уже взрослого человека? Он видит, что родная река по-прежнему прекрасна, светла, величава. «Кругом вся та же даль и ширь...».

«Все то же, то же...» — как будто в забытье твердит поэт... А он сам? Мысленно Некрасов как будто вновь проходит по трудным дорогам своей жизни: «...Только нет убитых сил, прожитых лет...». Последние слова словно приоткрывают завесу драматической, нелегкой жизни автора.

Под живым впечатлением от величавой Волги на какое-то мгновение он позабылся. Вновь светло, безоблачно на душе поэта. Но что вывело его из состояния покоя? Стоны бурлаков услышал он. Стоны звучат, как крик, мерный, похоронный. В этих определениях-эпитетах бездна смысла и чувства. Крик мерный, без всплеска — крик покорных людей... Крик похоронный, выражающий глубокую печаль людей, заживо хоронящих себя. Чувство безмерной скорби, которое порождает этот крик, передают определения: «невыносимо дик», «страшно ясен». Стон бурлаков заставил поэта вспомнить его детские годы, когда впервые и навсегда было нарушено безмятежное, влюбленное общение с Волгой. Риторические вопросы, восклицания («О Волга!.. колыбель моя! Лю-

бил ли кто тебя, как я?») передают всю силу любви Некрасова к родной реке.

Он вспоминает, какой яркой радостью бытия был переполнен он: ему нравилось встречать утренние зори на Волге, алый блеск солнца, темноголубые волны. Он весь был в движении («убегал», «иду», «катаюсь», «брожу», «скачусь», «бегу»).

Выражением внутренней радости, беспричинной, бурлящей, была песня «про удаль». Но жизнь неумолимо, сурово сорвала эту розовую пелену с его глаз:

Давно, давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.

В сердце закипали слезы, бессильный гнев, оно было глубоко ранено тем, что увидел мальчик.

Контрастом этой внутренней буре Некрасова является неторопливый разговор бурлаков — выражение покорности, ожидания смерти как счастья:

«А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»

Навсегда в памяти мальчика остался бурлак угрюмый, тихий, больной. За этими словами-эпитетами чувствуешь страшную, трагическую жизнь, жалкую участь человеческую. Впечатление усиливается словами: «изнеможенные черты», «и выражающий укор, спокойно-безнадежный взор».

Все это потрясло мальчика, он пытался понять, осмыслить происходящее:

У всех ответа я просил
На то, что видел...

И вот утром он вновь у берегов Волги. Но как все изменилось для него: знакомый крик птиц — «зловещ, пронзителен и дик» (чем-то напоминает крик бурлаков...), померкла для него яркосвежая трава, музыкой печали, тоски наполнился говор волн.

Перед нами возникает образ мальчика, впечатлительного, чуткого к страданиям человеческим. Больно ранила его сердце страшная несправедливость, унижающая человека:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял

На берегу родной реки:
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Он уже не мог любоваться величавой рекой, так как узнал, что ее красота не существует для людей труда.

Но мальчик не только потрясен виденным, не только полон жалости к этим людям, он готов к борьбе за их счастье. Он клянется отдать им силы, жар души и сердца. Поэт до конца жизни остался верен этим клятвам: вся жизнь Некрасова, все его творчество до последней строчки посвящены народу, униженному и обездоленному. И не вина поэта, что на берегах родной реки и много лет спустя после своего первого знакомства с ней он увидел ту же скорбную картину:

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал...

Автор стихотворения глубоко страдает, когда наблюдает бессмысленное долготерпение народа:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Своим творчеством Некрасов приближал светлое время, верил в него, предвидел его. Следует зачитать слова из стихотворения, написанного Некрасовым незадолго до смерти. Они приведены в хрестоматии для 6 класса.

Идейно-эмоциональное богатство стихотворения «На Волге» и его языковая выразительность, позволяющая как бы услышать самого поэта и вместе с ним пережить его страдание, гнев и тоску — все это оставит свой след в сознании учащихся.

На уроках по изучению стихотворения Некрасова «На Волге» уместно познакомить учащихся с картиной И. Левитана «Владимирка».

Учащиеся рассматривают картину, после чего отвечают на вопросы: какое впечатление производит картина на зрителя, какое настроение вызывает и почему? В результате беседы выясняется, что на картине изображена ничем не примечательная проселочная дорога... Вдали зеленые леса. Где-то далеко за ними теряется хоженая-перехоженная, многими поколениями вытоптанная дорога — а над ней какое-то сердитое, нахмуренное небо, тучи, гонимые ветром.

На дороге, кроме маленькой коричневой фигурки, нет никого. На обочине — столб, обыкновенная деревянная верста, по сторонам — зеленые поля, кое-где коричневые от выгоревшей степной травы.

Картина вызывает беспокойное, тоскливое, но несколько неясное чувство. Не терпится узнать ее название... Владимирка... Вот почему она особенно волнует и печалит!

Невольно видишь тех, кто не изображен здесь, но чей путь на каторгу и в ссылку в Сибирь проходил через эту страшную дорогу, где, кажется, каждая тропинка, каждый придорожный куст были безмолвными свидетелями людских слез и страданий. И чудится во всем затаенная грусть, глубокая тоска автора, и обычный пейзаж под кистью художника-гражданина превращается так же, как и в стихотворении Некрасова «На Волге», в подлинную поэму вековой народной скорби и страдания.

Творчество Некрасова в 6 классе представлено еще стихотворением «Забытая деревня». Это стихотворение поможет почувствовать своеобразие и многогранность художественного мастерства Некрасова.

После чтения следует выяснить основное идейно-эмоциональное звучание стихотворения (возможен вопрос: «Почему стихотворение называется «Забытая деревня»?). А далее пусть учащиеся как бы увидят и услышат отдельных героев, почувствуют интонационное богатство стихотворения и выяснят позиции автора, который в этом произведении как будто остается в тени в отличие от стихотворения «на Волге», где образ автора отчетливо вырисовывается в лирических и публицистических размышлениях.

Представим себе крестьян, которые возлагают столько надежд на барина, постараемся «увидеть и услышать» их. Мы как будто видим сгорбленную фигурку, морщинистое лицо, просящий, полный надежды взор, слышим старческий, чуть прерывающийся голос Ненилы.

Невольно наше воображение рисует другой образ — бурмистра, его плотную фигуру, добротную одежду, властный, жестокий взгляд, выражающий глубокое презрение к просительнице и полное равнодушие к ее судьбе. Мы с тоской и возмущением слушаем речь привыкшего к безграничной власти бурмистра, отвечающего старушке на ее жалобы: «Нет лесу, и не жди, не будет!» Чтобы усилить воздействие этой сцены, привлекаем рисунок художника Б. Протоклитова «Забытая деревня». Кажется, что перед нами Ненила, старая, немощная

и жалкая, рядом с бурмистром, пышущим здоровьем, исполненным чувства превосходства и сознания, что все в его руках. И щемящая жалость к обездоленным и беззащитным людям охватывает нас.

Но вот новые образы возникают в нашем воображении: крестьяне, полные сил, желания трудиться, влюбленные в землю-кормилицу, но бессильные перед лихоимцем, который у них «землицы клочок изрядный оттягал, отрезал плутовским манером».

Авторское осуждение чувствуется в словах-синонимах (оттягал, отрезал), характеризующих беззаконность действий жадного соседа и беззащитность крестьян.

Покорная уверенность звучит в словах крестьян:

«...скажет барин слово —

И землицу нашу отдадут нам снова».

А вот совсем юная Наташа и хлебопашец вольный, с их мечтами о счастье, любви. Им кажется, что вся жизнь светлая, яркая у них впереди. Но «перечит девке немец сердобольный, главный управитель».

И мы представляем сердобольного (сколько иронии в этом определении) управителя, который легко, не задумываясь, упиваясь властью, разбивает счастье молодых.

Но ласково-покорно, как будто успокаивая жениха, Наташа говорит: «Погодим, Игнаша,

Вот приедет барин!»

Та же бесконечная и ничем не омраченная и не поколебленная вера в доброту всесильного барина звучит и в крестьянском хоре.

Оправдались ли надежды крестьян на барина? Уместно задать этот вопрос, помещенный в хрестоматии для 6 класса.

Сдержанно повествует об этом автор, как бы только перечисляя факты (4 строфа).

Но за этими строчками долгие годы ожидания Ненилы, загубленная молодость Наташи и хлебопашца, бессилие крестьян перед соседом-плутом...

Как будто глазами крестьян, обманутых в своих надеждах, увидена финальная картина. Слышится чисто народная, складно-напевная, без словесных излишеств, без украшений выразительная разговорная речь: предложения простые, с пропуском сказуемого, определения стоят после определяемых слов:

На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.

Грустной, горькой иронией проникнуты последние строчки.

Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

И все ясно: по-прежнему деревня останется забытой, во власти бурмистра, управляющего, соседа-лихоимца. И так на долгие годы.

В заключение целесообразно обратиться к приему устного рисования: воссоздать воображаемую картину забытой деревни.

Грустная картина откроется перед нами. Жалкие, покосившиеся домики с темными, печальными глазницами окон, дырявые крыши, крытые соломой, пошатнувшийся забор, непроходимая, непролазная грязь осенью и весной. Все приметы бедности, нищеты, разорения...

Все это поможет понять и авторскую позицию: сочувствие бедным людям, боль за их беспросветную жизнь, скрытое возмущение против бездушных господ, скорбный упрек в многотерпении безропотным крестьянам. Этими же чувствами проникнуты картина Ф. Васильева «Пейзаж», рисунок Т. Шевченко «Хата вдовы».

В связи с изучением стихотворений Некрасова в VI классе интересно познакомить учащихся с произведениями Некрасова и других русских поэтов и художников, посвященными крестьянским детям.

Дело в том, что в программу 5 и 6 классов включено немало прозаических произведений о детях (В. Короленко «Дети подземелья», В. Катаев «Белеет парус одинокий», И. Тургенев «Бежин луг» и др.).

Несколько иной характер носит программа 7—8 классов: за исключением отрывков повести М. Горького «Детство», мы больше не встречаем произведений о детях.

Оценка жизни детей до и после революции нашими учащимися зачастую сводится к формуле: плохо—хорошо. Тема «Крестьянские дети в русской поэзии и живописи» даст возможность без излишней (вредной в деле воспитания) назидательности показать учащимся, с какой теплотой, любовью, а иногда и с гневом, болью за судьбу детей писали о них наши художники, понимавшие, что дети — будущее страны, ее мечты, надежды, свершения.

Урок пойдет как своеобразный монтаж и своеобразный смотр творческих сил и возможностей учащихся (выразительное чтение стихов заранее подготовленными чтецами, рассматривание картин).

Конечно, невозможно использовать на уроке весь предложенный материал, но за учителем — право его отбора.

Анализ произведений искусства на этом уроке преследует цель усилить то непосредственное впечатление, которое производит произведение, создать определенную эмоциональную атмосферу, эмоциональный настрой.

Во всяком случае нельзя проводить прямолинейного сравнения: вчера и сегодня. Без излишних комментариев под воздействием произведений искусства учащиеся поймут умом и сердцем красоту нашей жизни, наш эстетический идеал.

Урок учитель начнет с небольшого вступления о том, что детство — светлая, радостная пора в жизни человека. В эти годы маленький человек совершает открытие мира, радуется жизни, стремится понять ее. Перенесемся с вами в прошлое столетие и посмотрим глазами художников и поэтов на жизнь крестьянских ребятишек.

Конечно, незатейливые радости, какие дарует природа, были и у крестьянских детей. Вспомните описание зимы у А. С. Пушкина:

Зима... Крестьянин, торжествуя...

Видите, с каким мягким юмором и явной симпатией рисует поэт крестьянского мальчика, его немудреные удовольствия.

А вот послушайте стихотворение А. Блока «Снег да снег».

Снег да снег. Всю избу занесло,
Снег белеет кругом по колено...

Какой удивительной поэзией веет от этого стихотворения. В обыкновенных, непритязательных картинах автор увидел красоту русской зимы, чудесную неуемную ребячью энергию.

В стихотворении много света, этот свет от обильного ослепительного снега («снег да снег», «снег белеет», «бело». «светло»).

И небольшой штрих — черные, черные стены, — и перед нами убогая избушка, занесенная снегом. Автор образно передает ощущение холода («...и дыханье выходит из губ застывающим в воздухе паром»).

На улице, куда выбежали дети, царствует непосредственная, бездумная, безграничная радость, фантазия, выдумка:

...оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!
Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмет, вот ухватит в охапку.
И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

Летние развлечения описаны в стихотворении Никитина «Утро на берегу озера». Вспомните стихотворение Никитина «Утро». Как видно, любит Никитин это время дня. Ласковое и яркое утро в разгаре. Небо окрашено в сочные, живые краски: «ясно утро», «луг, как бархат, зеленеет», «в зареве восток». Взрослые заняты делом, трудятся:

Привязав к ракитам лодку,
Мужики вдвоем
Близ осоки, втихомолку,
Тянут сеть с трудом.

С нескрываемой симпатией рисует автор мальчишек:

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишка загорелых
На прутах верхом...

Мы как будто видим загорелые лица: щедро опалило их солнце, зарядив ребятишек энергией: радость в них плещется через край.

Крестьянские ребятишки умеют видеть светлые стороны жизни. В стихотворении «В ночном» — иные картины, но та же счастливая способность детей наслаждаться немногими радостями, которые дарует им природа.

Летний вечер возникает в нашем воображении. Все погружается в ночной сон: зорька «и та потухла». Но вот явственно слышится топот. И мы как будто видим ребятишек, ликующих, счастливых. Сколько интересного их ждет в ночном!

То-то радость и веселье
То-то детям воля!

Там, в поле, все загадочно и таинственно: это и волнует, и пугает.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст, — и снова
Все смолкает в поле...

И мы опять как будто встретились с крестьянскими детьми из «Бежиного луга» Тургенева, мы видим у костра их смышленные, живые, но такие разные глаза: то настороженные, то удивленные, то скрывающие страх, то открыто боязливые.

С такой же симпатией рисует крестьянских детей художник В. Е. Маковский («Игра в бабки»). Просим учащихся посмотреть на картину и рассказать о ней: кого мы видим на картине, как изображены дети, в какое время года происходит это действие, обратить внимание на сарай, едва покрытый соломой, на покосившуюся избушку. В результате возникает следующее описание.

На картине изображена группа ребятишек, с большим задором играющих в бабки, — свою любимую игру, развивающую ловкость, сноровку и меткость. Одетые в рубашонки, подпоясанные ремнями, босые, они представляют яркое и выразительное зрелище. Один из них (в центре) — перед решительным ударом, он примеривается, чтобы наверняка попасть в цель. В напряженной позе изображен мальчик в розовой рубашке. В глазах его нетерпеливое ожидание: «Ну, скорее!.. интересно, кто же будет победителем?» Остальные вышли из игры. Особенно удручен этим крайний слева мальчик. Он потерял всякий интерес к игре, весь погрузился в свои печальные подсчеты. А день весенний, сквозь прошлогоднюю траву пробивается свежая зеленая поросль. Весна как будто обнажила убогость окружающей обстановки: сарай, покрытый соломой; покосившийся домишко, как будто приникший к сараю из боязни упасть раньше времени. Нелегко живется ребятишкам, но тем дороже для них удовольствия, радость игры, тем дороже сами они для художника.

Но они могут быть и серьезными, эти крестьянские дети.

На картине Н. П. Богданова-Бельского «Устный счет» перед нами классная комната, тесная и не очень светлая.

Ребята увлечены решением трудного примера. Как выразительны их позы, движение рук. Озадаченно «чешет» затылок мальчик справа. **На переднем плане — мальчик, скрещенные руки его подчеркивают углубленность.** Несколько учеников столпились около учителя: один, закрывшись рукой, радостно шепчет решение, другой, нетерпеливо сжав руки, хочет быть одним из первых и вот-вот, кажется, поймает решение. Мягким юмором окрашена фигура мальчика, пытающегося подслушать ответ. Многие в бедной, рваной одежонке, в лаптях, но любознательность, ум светится в ясных детских глазах.

Особенно одаренные, талантливые крестьянские дети с трудом, но упорно пробивали себе дорогу (стихотворение Н. Некрасова «Школьник»).

Но не всем и не всегда удавалось добраться до вершин науки. И не потому, что дети крестьян не хотели учиться. Просто в доме — нужда, а раз так — нужен помощник, работник. Это понимает крестьянский малыш в стихотворении С. Дрожжина «Первая борозда», заботливо спрашивающий деда:

Ты, я вижу, притомился,
Научи меня пахать.

И эта первая борозда — начало большой трудовой жизни. Всем известен отрывок из стихотворения Н. Некрасова «Крестьянские дети» («Мужичок с ноготок»).

Повествование о «мужичке» проникнуто печальным юмором. Автор добродушно смеется над человеком «в больших сапогах, в полушубке овчинном, в больших рукавицах...»

Невольную улыбку вызывает и «взрослый» разговор ребенка. И в то же время эта встреча печалит автора. Вдумайтесь: герою шестой миновал — он еще совсем ребенок. И вспомните «студеную, зимнюю пору», «сильный мороз...»

И вам станет страшно. Чувство жалости возникнет у вас к мальчику, вам станет больно за его обкраденное детство, за раннюю взрослость, за нелегкую участь крестьянских детей.

Многие родители вынуждены были отправлять своих детей на заработки в город, к ремесленнику на обучение, на фабрику...

Вспомните картину Перова «Свидание». Печальная, безрадостная быль!

А теперь послушайте стихотворение Н. Некрасова «Плач детей». Некрасов как бы обращается к тем, кто равнодушно слушает «проклятья в битве с жизнью гибнущих людей». Может быть, страдания детей, их «тихий плач и жалобы» потрясут их?!

Воздействие стихотворения на читателя усиливается тем, что сами дети рассказывают о себе. Но это не спокойный рассказ, а плач, крик души.

Тоскливой усталостью окрашены первые его слова о загубленном детстве.

Мы как будто слышим неумолчный, однообразный, равномерный до тоски гул колес на фабрике («Мы вертим — вертим,—вертим!»). В этом грохоте и шуме дети целый день...

Изнуряющий труд доводит детей до страшного, полуобморочного состояния: «Голова пылает и кружится, сердце бьется, все кругом идет...».

В душе «измученных в неволе» рождается протест. Но лишь в исступленном крике проявляет он себя. Им кажется, что их муки от проклятого колеса, от его ужасного кружения. Но бесполезны их мольбы, бессмысленен плач... Шум, бесконечный шум, заглушает их крики, плач, мольбы и молитвы... Никто не услышит, никто не поможет, никто не пощадит... И строчки:

— Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит! —

звучат как погребальный, похоронный напев.

Желание у детей одно — вырваться на волю, это предел их мечтаний:

Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться...

Но возникает мучительный, страшный, не менее, чем сама жизнь, вопрос: «Но зачем идем мы и туда?»... Дома забота и нужда. Дома — бедная мать. Ей будет мучительно видеть измученных в неволе, усталых детей, для которых в доме нет лишнего куска хлеба.

Все в стихотворении подчинено одному — передать скорбное отчаяние поэта, принявшего близко к сердцу безрадостное детство детей, вызвать гневный протест против их ранней закабаленности. Часто изуродованными, никому не нужными

инвалидами уходили дети с фабрики. В стихотворении И. Сурикова «Горе» как о чем-то обычном рассказывается о трагической судьбе крестьянского мальчика, работавшего в городе на фабрике.

В нашем представлении возникает вначале дедушка Федот: он полон заботы, тревоги о внуке, любви к нему.

Со страниц письма встает жизнь внука в городе: трудная, полная горя и забот; обрисовывается трагическая судьба мальчика.

...Он в больнице
В Питере лежит.
И едва ли скоро выйдет;
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

И тяжелый вопрос, неумолимый и суровый, задает самому себе дед:

Хоть и выйдет из больницы, —
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий, —
Годен он куда?

И нет на него ответа. И ничем не может ему помочь дед Федот, лишь разве что горько-горько поплакать.

Чувство щемящей боли вызывает это стихотворение, просто, безыскусственно поведал нам автор о судьбе крестьянского мальчика.

Таким образом, от светлых сторон жизни детей в дореволюционном прошлом мы вели учащихся к познанию ее подлинной внутренней сущности. Пусть проникнутся они сочувствием, человеческим состраданием к маленьким героям русских поэтов и художников, и в то же время пусть в душе наших учеников родится протест против безобразного в жизни, проснутся высокие гражданские чувства.

Красоту настоящего они познают в естественном сравнении с прошлым.

Следовательно, в восьмилетней школе учитель ведет своих учащихся от отдельных наблюдений над прекрасным в жизни и искусстве к более или менее целостному представлению о красоте жизни и искусства, от воспитания художественного восприятия к формированию эстетического вкуса, идеала.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Г. Кандеева. Л. Н. Толстой и Сибирь 3
И. В. Столярова. Повесть Н. С. Лескова «Очарованный странник» 64
Л. К. Богомолова. Эстетическое воспитание учащихся при изучении лирики в восьмилетней школе 103

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Выпуск 21.

ТРУДЫ КАФЕДРЫ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

* * *

Сдано в набор 19/VII 1963 г. Подписано к печати 24/IX 1963 г. ПД08577.
Формат бумаги 60×84 1/16—8 1/4 п. л. Тираж 1 000 экз. Цена 63 коп.

Типография изд-ва «Омская правда», г. Омск, ул. Декабристов, 37.
Заказ № 6633.

D176.7

63 коп.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 125171147

150460/3